

Сергей Михайлович
СОЛОВЬЕВ

История
России
с древнейших
времен

Иллюстрированная история (АСТ)

Сергей Соловьев

**История России с
древнейших времен**

«АСТ»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен / С. М. Соловьев —
«АСТ», — (Иллюстрированная история (АСТ))

ISBN 978-5-17-101581-7

«Учебная книга русской истории», положенная в основу настоящего издания, является кратким изложением главного труда жизни знаменитого историка С. М. Соловьева – 29-томной «Истории России». Как известно, над «Историей России», охватывающей период от зарождения русской государственности до «золотого века» Екатерины II, Соловьев работал около тридцати лет, вложив в этот фундаментальный труд весь свой незаурядный опыт и многогранный талант. Эта книга – первый, но важный шаг к знакомству с наследием крупнейшего историка России. Ее страницы шаг за шагом ведут читателя по пути, когда-то начертанному для себя ее автором: «Выучиться самому, чтобы быть в состоянии читать сколько-нибудь достойный университетский курс русской истории и дать средство другим знать основательно свою историю».

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-101581-7

© Соловьев С. М.
© АСТ

Содержание

Глава I. Состояние страны, известной теперь под именем России, до половины IX века по Р. Х.	8
Глава II. Призвание Рюрика с братьями и общие черты деятельности первых князей русских	10
Глава III. Княжение Олега, Игоря Рюриковича, Ольги и Святослава Игоревича	12
Глава IV. Усобицы между сыновьями Святослава и княжение Владимира Святославича	13
Глава V. Усобицы между сыновьями Владимира и княжение Ярослава Владимировича	17
Глава VI. События при сыновьях Ярослава I Владимировича	20
Глава VII. События при внуках Ярослава I Владимировича	25
Глава VIII. События от смерти Владимира Мономаха до взятия Киева войсками Андрея Юрьевича Боголюбского	28
Глава IX. От взятия Киева войсками Андрея Боголюбского до кончины Михаила Юрьевича	31
Глава X. Княжение Всеволода III Юрьевича	34
Глава XI. События от кончины Всеволода III до нашествия татар	37
Глава XII. Нашествие татар	40
Глава XIII. Внутреннее состояние русского общества от половины IX до половины XIII века	44
1. Общий взгляд на события описанного времени	44
2. Значение князя	45
3. Дружина и войско	46
4. Города	47
5. Торговля	48
6. Сельское народонаселение	49
7. Законодательство	50
8. Церковь	51
9. Просвещение	54
Глава XIV. От Батыева нашествия до кончины Александра Ярославича Невского	56
Глава XV. Княжение братьев Невского, Ярослава и Василия	59
Глава XVI. Судьба Юго-Западной России после татарского нашествия	60
Глава XVII. Борьба между сыновьями Александра Невского	63
Глава XVIII. Борьба между Москвою и Тверью до смерти князя Юрия Даниловича Московского	64
Глава XIX. Иоанн I Данилович Калита	66
Глава XX. События при сыновьях Иоанна Калиты	70
Глава XXI. Дмитрий Иоаннович Донской	72
Глава XXII. Василий Димитриевич	82
Глава XXIII. Василий Васильевич Темный	89
Глава XXIV. Внутреннее состояние русского общества от половины XIII до половины XV века	96
1. Главные явления означенного времени	96

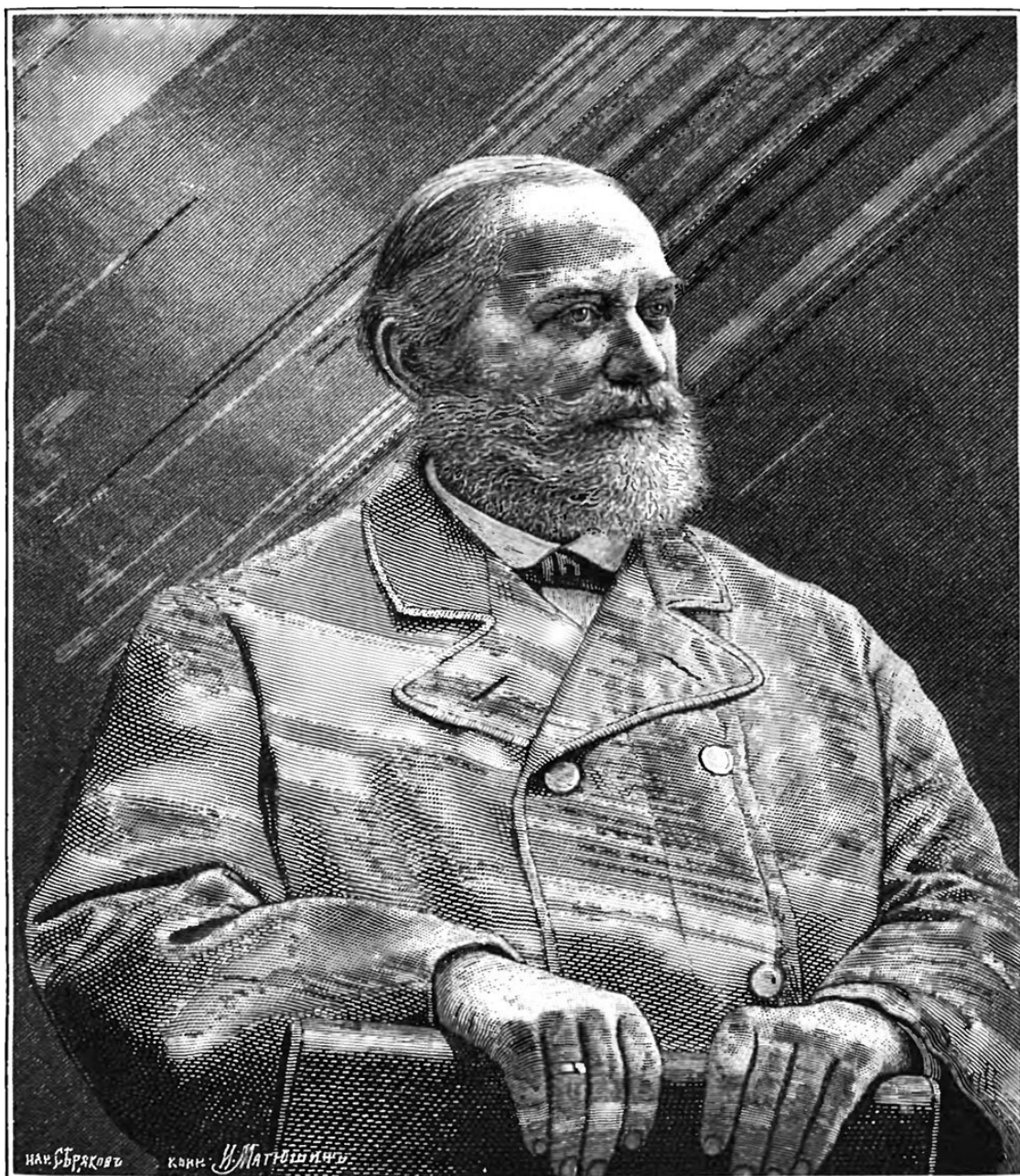
2. Татарское влияние	99
3. Дружина	101
4. Города	102
5. Сельское народонаселение	104
6. Казаки	105
7. Торговля	106
8. Богатство народа, его домашний быт	107
9. Церковь	108
10. Состояние нравственности народной	112
11. Просвещение	114
Глава XXV. Княжение Иоанна III Васильевича	116
1. Покорение Новгорода и Вятки	118
2. Власть Иоанна в Рязани	121
3. Покорение Твери	122
4. Присоединение удела Верейского	123
5. Отношения Иоанна к родным братьям	124
6. Брак Иоанна на греческой царевне и следствия этого брака	125
7. Спадение татарского ига	128
8. Союз Москвы с Крымом	130
9. Подчинение Казани и завоевание Перми	131
10. Войны с Литвою и Ливониею	132
11. Отношения Москвы к другим государствам европейским	134
12. Кончина и завещание Иоанна III	135
13. Внутренняя деятельность Иоанна III: вызов иностранных мастеров	136
14. Издание Судебника	138
15. Дела церковные	139
Глава XXVI. Княжение Василия Иоанновича	141
1. Отношения Василия к боярам и дело о разводе	141
2. Войны с Литвою	144
3. Войны с Крымом и Казанью	146
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Сергей Михайлович Соловьев

История России с древнейших времен

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) – крупнейший и самый знаменитый историк России, ректор Московского университета (1871–1877), ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по отделению русского языка и словесности (1872).

Около 30 лет С. М. Соловьев неустанно работал над своей «Историей России с древнейших времен», славой его жизни и гордостью российской исторической науки. Последний, 29-й том вышел в 1879 г., уже после смерти автора. На тех же материалах и источниках, исходя из тех же научных установок, С. М. Соловьев написал и адаптированную для широкого чтения «Учебную книгу русской истории» (первое издание 1859 г.), занимательный экскурс в отечественную историю – от древнерусских времен до царствования Николая I.

Труды С. М. Соловьева, вошедшие в золотой фонд русской исторической науки, отличаются основательностью концепций, обоснованностью аргументов, весомостью доводов, ясностью мысли, четкостью формулировок. Поэтому им выпала особая «научная судьба»: долгая книжная жизнь и широкий круг благодарных читателей.

Глава I. Состояние страны, известной теперь под именем России, до половины IX века по Р. Х.

Взглянем на карту России: вот, начиная от того места, где оканчиваются Уральские горы, до Каспийского моря находится большое ровное степное пространство, как будто широкие ворота из Азии в Европу. На этом месте и на восток от него живут еще народы грубые, кочевые, охотники грабить, брать в плен соседей, но теперь этим народам час от часа становится труднее вести такую жизнь, потому что сильное государство русское не допускает их разбойничать; некоторые из них даже отказались от кочевой жизни и стали заниматься земледелием. Но в древности в этой обширной стране, которую мы теперь называем Европейскою Россиею, не было государства, не было сильного оседлого народа, и потому кочевые народы двигались свободно с востока на запад, занимали южную часть нынешней России и, собравшись иногда большими толпами, шли дальше, опустошали Европу Южную и Западную. Древние образованные народы, греки и римляне, знали этих кочевников, живших в нынешней России, сначала под именем скифов, потом – сарматов, почему и страна называлась то Скифиею, то Сарматиею. После Рождества Христова здесь столкнулось много разноплеменных народов, двигавшихся в разные стороны, преимущественно с востока на запад, из Азии в Европу; сильнее других было движение гуннов и аваров. Когда это движение поутихло, кочевые народы схлынули, то в стране обозначилось ясно племя оседлое, на большом пространстве раскинувшееся: то были славяне.

Когда пришли сюда славяне – неизвестно; известно только то, что они пришли с юго-запада, с берегов Дуная, вытесненные оттуда каким-то сильным врагом. Они поселились по рекам Западному Бугу, Днестру, Днепру и рекам, в него впадающим, далее на севере поселились по Западной Двине и около озера Ильмень, на востоке поселились по Оке. Разделялись они на несколько племен, друг от друга независимых; племена делились на роды; каждый род жил отдельно на своем месте, под властью своего родоначальника или князя, имел свои обычаи; селения укреплялись, огораживались, и такие огороженные селения назывались городами. Занимались славяне преимущественно земледелием. Поклонялись божествам физическим, явлениям природы: главным божеством у них был Перун, бог грома и молнии; поклонялись также солнцу под разными именами (Дажбога, Волоса), огню, ветру. Верили в загробную жизнь, думали, что души умерших могут есть, пить, и потому считали обязанностью угощать их. Общественного богослужения, храмов, жрецов у них не было; старшины или родоначальники были и жрецами, приносили жертвы.

Все пространство нынешней Европейской России к северу, северо-востоку и северо-западу от жилищ славянских было занято племенами финскими; на Волге, в нынешней Казанской губернии, жили болгары, народ турецкого племени; на западе, по Неману и в нижних частях Западной Двины, жила литва, к югу от нее жили ятвяги, народ неизвестного происхождения.

С. В. Иванов. Сцена из жизни восточных славян

Так как славянские племена жили отдельными небольшими родами, разбросаны были на обширных пространствах и ссорились между собою, то были слабы, не могли действовать вместе, заодно, собирать вдруг все свои силы для отпора врагам; нападут враги на одно племя, другие ему не помогают, и каждое порознь подчиняется чужому народу. Так славянские племена, которые жили на юго-востоке, по Днепру, по рекам, в него впадающим с востока, и по Оке, должны были платить дань козарам, народу, жившему на Дону, Волге и в Крыму. Народ этот был смешан из разных племен; между козарами можно было также найти людей разных вер – христианской, еврейской, магометанской, языческой, и главный начальник народа, каган, исповедовал веру еврейскую. Жизнь вели козары полуседлою: у них были города, но летом жители оставляли их и откочевывали в степи.

Глава II. Призвание Рюрика с братьями и общие черты деятельности первых князей русских

В то время, когда южные славянские племена платили дань козарам, северные не могли защищаться от норманнов, жителей Швеции, Норвегии и Дании, которых славяне называли варягами и русью. Эти варяги покорили себе славян северных, живших в нынешних Новгородской и Псковской губерниях, покорили также соседние финские племена. Через несколько времени племена эти, как славянские, так и финские, собрались вместе и выгнали варягов, но когда после этого стали управляться сами, то никак не могли мирно улаживаться; опять каждый род стал жить отдельно и силою разделяться с другими родами. Тогда племена собрались и сказали: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». Порешивши так, послали они за море к варягам-руси сказать им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: приходите княжить и владеть нами». На этот зов в 862 году собрались три князя варяго-русских, три брата – Рюрик, Синеус и Трувор и пришли с родными своими. Рюрик утвердился в Новгороде, у славян, живших по Ильменю; Синеус – среди финского племени на Белоозере; Трувор – у славян, живших в нынешней Псковской губернии, в городе Изборске. Скоро Синеус и Трувор умерли, и Рюрик стал княжить один; владения его стали называться Русью. Рюрик умер в 879 году, оставив малолетнего сына Игоря, и княжить стал родственник его Олег.

В. М. Васнецов. Варяги

С утверждения Рюрика князем среди северных племен славянских и финских начинается русская история, потому что этим положено основание русскому государству. Несколько северных племен славянских и финских соединились под властью одного князя;

чрез это у них прекратились междоусобия, силы их собрались в одно, а поэтому они стали сильнее всех других племен; князья их, преемники Рюрика, воспользовались этою силою и покорили себе все другие племена, которые, живя отдельно друг от друга, не могли сильно и долго сопротивляться. Таким образом племена, жившие прежде отдельно, соединились вместе, составили один народ русский. Вследствие соединения племен в один народ князья этого народа, пользуясь соединенными силами его, отражают степные, кочевые народы, не дают им грабить и пленять славянские племена, брать с них дань, как бывало прежде. Мало того, князья пользуются соединенными силами племен для того, чтобы предпринимать походы на Греческую империю, на Константинополь; вследствие этих походов завелись и мирные, торговые сношения с греками; русские стали ездить в Константинополь, познакомились там с христианством православного восточного исповедания и стали принимать его. Таким образом христианство явилось и усилилось сперва на юге русских владений, ближайших к Греции, а потом отсюда распространилось и по всем этим владениям.

Итак, в деятельности первых русских князей мы замечаем три главные стороны: 1) покорение племен славянских, соединение их под одну власть; 2) борьбу с степными, азиатскими народами; 3) войны и сношения с Грециею, вследствие которых распространяется христианство.

Глава III. Княжение Олега, Игоря Рюриковича, Ольги и Святослава Игоревича

Преемник Рюрика Олег слыл в народных преданиях вещим, то есть мудрым, хитрым. Собравши войско из подвластных ему племен славянских и финских, нанявши варягов, Олег пошел из Новгорода на юг и обложил данью племена славянские, жившие по Днепру и по впадающим в него рекам с востока и запада, также по Бугу, Днестру и около Карпатских гор. Городок Киев, бывший в земле славянского племени полян, Олег нашел во владении двоих варягов, братьев Аскольда и Дира, которые пришли еще с Рюриком, но потом отправились на юг и засели в Киеве; Олег убил их и остался сам жить в Киеве, который очень ему понравился. В 907 году, собравши войско из всех подчиненных ему племен, он ходил в лодках Днепром и морем на Константинополь, взял с греков дань и заключил с ними договор о том, как решать дела между греками и русскими, которые будут жить в Константинополе для торговли.

Олег умер в 912 году; преемником его был Игорь, сын Рюриков, известный своими неудачными походами на греков и несчастною смертью; славянское племя древляне, жившие на западе от Киева, в нынешней Волынской губернии, убили его за то, что он хотел взять с них двойную дань (945 г.). При Игоре были уже в Киеве христиане, была у них церковь Св. Ильи, а потому неудивительно, что жена Игорева, Ольга, управлявшая после мужа за малолетством сына своего Святослава, поехала в Константинополь и приняла христианство в 957 году. Ольга, подобно Олегу, слыла в народных преданиях необыкновенно мудрою: она объехала землю свою и повсюду делала разного рода распоряжения, особенно насчет сбора дани.

Сын Игоря и Ольги Святослав представляется в народных преданиях князем необыкновенно храбрым, который, набравши дружину подобных себе храбрецов, искал повсюду завоеваний, искал их в дальних богатых землях и оставался жить там, а свою землю пренебрегал. Святослав покорил жившее по Оке славянское племя вятичей, еще до сих пор остававшееся независимым; ходил на козар, победил их, взял их главный город на Дону, Белую Вежу. В 967 году по приглашению греческого императора Никифора, приславшего ему денег, Святослав пошел на дунайских болгар, завоевал их землю и остался в ней жить, а между тем в степях на юге от Киева появился сильный кочевой народ под именем печенегов. Эти печенеги в отсутствие Святослава чуть было не взяли Киева, где жила старая Ольга с маленькими внуками, детьми Святослава. Услыхав о нападении печенегов, Святослав приехал в Киев и прогнал их, но не хотел остаться на Руси, объявил матери, что Киев ему не нравится, а нравится богатая торговлею Болгария Дунайская. Мать просила его побыть в Киеве только до ее смерти, которая скоро и последовала. Тогда, раздавши русские владения троим еще несовершеннолетним сыновьям своим: Ярополку – Киев, Олегу – землю древлянскую и Владимиру – Новгород, Святослав отправился в свою любимую Болгарию. Но болгары приняли его враждебно, а с другой стороны поднялся на него греческий император Иоанн Цимиский с многочисленным войском. Несмотря на необыкновенную храбрость, Святослав не мог осилить этого войска и должен был помириться с императором на условии оставить Болгарию. На возвратном пути он был убит печенегами при днепровских порогах в 972 году.

Глава IV. Усобицы между сыновьями Святослава и княжение Владимира Святославича

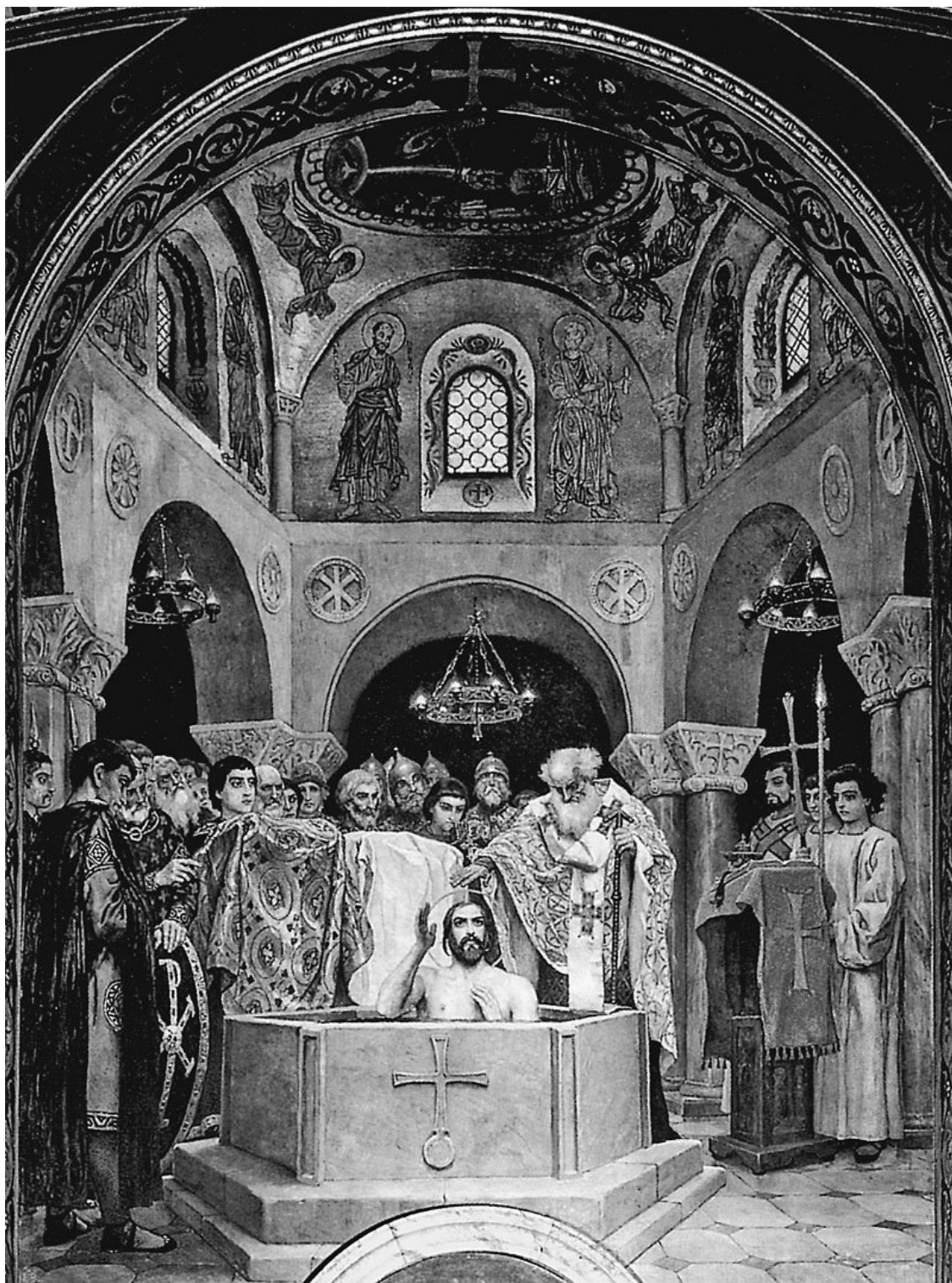
До сих пор было по одному князю на Руси; теперь, как скоро стало их трое – Ярополк, Олег и Владимир, – то и начинаются между ними усобицы. Ярополк пошел на Олега, и тот погиб в битве с братом; земля древлянская была присоединена к Киеву. Услыхав об этом, Владимир Святославич, князь новгородский, испугался и ушел за море к варягам, а Ярополк присоединил и Новгород к своим владениям, но Владимир возвратился с варягами, занял опять Новгород, Полоцк и пошел на Ярополка. Владимир был в это время еще молод, и потому сильное влияние на него имел дядя с материной стороны, Добрыня; при Ярополке главным советником был воевода Блуд, который передался на сторону Владимира, напугал своего князя и присоветовал ему отдаться в руки младшему брату, но Владимир велел убить Ярополка. Таким образом, опять на Руси остался один князь.

Владимир, живя с малолетства на севере, был мало знаком с христианством и когда по смерти Ярополка утвердился в Киеве, то показал себя ревностным приверженцем языческой религии, поставил изукрашенные идола на холме, куда собирался народ для жертвоприношений; однажды вздумали даже принести человека в жертву, кинули жребий, жребий пал на христианского мальчика, варяга, но отец его не выдал сына и погиб вместе с ним от разъяренной толпы язычников. Будучи сначала ревностным язычником, Владимир следовал и языческим обычаям, вел жизнь невоздержную, имел много жен. Но мало-помалу языческая ревность остыла, и Владимир начал думать о перемене религии; с разных сторон приходили к нему предложения на этот счет, потому что Русь была окружена разнородными народами – жиды у козар, магометанами (в Болгарии Волжской), христианами. Владимир должен был склониться на сторону христианства; бояре, которых он посылал в разные стороны разузнать о разных верах, какая лучше, говорили ему: «Мы не можем забыть той красоты, которую видели в Константинополе: всякий человек, как отведаст раз сладкого, уже не будет больше принимать горького; так и мы здесь, в Киеве, больше не останемся»; другие говорили ему: «Если бы дурен был закон греческий, то бабка твоя Ольга не приняла бы его; она была мудрее всех людей».

Святой равноапостольный князь Владимир. Фрагмент иконы. Новгород, первая треть XV в.

Началась война с греками. Владимир пошел на греческий город в Крыму Корсунь (или Херсонес, бывший подле нынешнего Севастополя) и, когда город долго не сдавался, дал обет, что если возьмет город, то примет христианство; город сдался, и Владимир послал к греческим императорам Василию и Константину требовать себе в супружество сестру их, царевну Анну, с угрозою, что если не пришлют сестры, то он возьмет и Константинополь, как взял Корсунь. Императоры отвечали, что не могут выдать сестры за язычника; тогда Владимир послал сказать им, что примет христианство; и действительно, когда Анна приехала в Корсунь, то он крестился со многими боярами.

В. М. Васнецов. Крещение князя Владимира

Возвратясь в Киев с священниками греческими, Владимир крестил сыновей своих и велел истребить идолов; духовенство ходило по городу и учило народ, после чего великий князь объявил, чтобы на другой день все некрещенные киевляне шли к реке креститься, а кто не явится, тот покажет себя противником князя; все крестились. После крещения киевлян духовенство ходило крестить народ на севере до Новгорода и Ростова. Но на севере христианство принялось не так скоро, как на юге, где оно было уже давно известно; язычество долго было еще сильно в Ростове и странах окрестных, населенных финскими племенами; из славянских племен вятичи, жившие в стороне от главной речной дороги днепровской, как были после всех покорены, так после всех приняли и христианство. На западе, в стране Волынской, христианство было распространено при участии самого Владимира, который ходил туда с духовенством. Тотчас после крещения народа в Киеве начали отбирать детей у лучших людей и отдавать духовенству для научения грамоте, для утверждения в вере.

Кроме похода на Корсунь Владимир предпринимал и другие походы: подчинил окончательно те славянские племена, которые по отдалению своему от главного водного пути днепровского пользовались всяким случаем, чтобы отказываться от платежа дани; были войны и с чужими народами, ятвягами и болгарами, но важнее всех были оборонительные войны с печенегами, которые часто приходили опустошать землю, бить, уводить в плен людей. Вот почему эти войны Владимира, которые он вел против печенегов для защиты от них земли, очень занимали народ и об них сохранялась память в украшенных воображением преданиях. Надобно вспомнить, что до основания русского государства страны эти были всегдашнею и беззащитною жертвою степных варваров, подобных печенегам. Чтоб загородить дорогу варварам на Русь, Владимир строил городки по границе, или украине, населял их лучшими, храбрейшими людьми из подчиненных ему племен: так ясны были и на первых порах выгоды соединения племен в одно государство, которое располагало общими силами для защиты страны.

Владимир умер 15 июля 1015 года. Церковь причла его к лику святых как равноапостольного; в народе осталась о нем память как о государе чрезвычайно добром, милостивом.

Глава V. Усобицы между сыновьями Владимира и княжение Ярослава Владимировича

Борис и Глеб. Икона, XIV в.

После Владимира осталось двенадцать сыновей, и вот по смерти его начинаются уособицы, точно так же как начались они по смерти Святослава, точно так же как в это время велись они в других государствах славянских – Польском, Чешском (Богемском): и здесь видим желание старших князей изгнать, умертвить, изуевчить младших братьев. Старший сын Владимира Святополк убил сначала самых младших братьев своих – Бориса, князя ростовского, и Глеба – муромского, которые казались ему опаснее других, потому что и отец их очень любил, и дружина по смерти Владимира звала Бориса княжить в Киев, но тот не согласился, не желая поднять рук на старшего брата. После Бориса и Глеба Святополк убил и третьего брата, Святослава, князя древлянского, и стал думать: «Перебью всех братьев и приму один всю власть на Руси». Но Ярослав, князь новгородский, предупредил его, собрал войско из варягов и новгородцев и разбил Святополка у Любеча. Тот бежал к тестю своему Болеславу, королю польскому, который вступился за него и разбил Ярослава на берегах Буга. Ярослав бежал в Новгород и хотел было бежать дальше, за море, к варягам, но новгородцы не пустили его и дали ему другое войско, с которым он опять пошел на Святополка. Тот между тем успел поссориться с Болеславом, который ушел к себе в Польшу, и Святополк вышел против Ярослава с толпами печенегов; злая битва была дана на реке Альте, на том месте, где был убит Борис. Святополк потерпел поражение, бежал и пропал без вести; в народе сохранилась о нем самая черная память как о русском Каине: прозвище ему было *окаянный*, тогда как убитые им Борис и Глеб, причтенные Церковью к лику святых, представлялись как образец братской любви.

Ярослав после Альтской битвы сел в Киеве, но недолго сидел здесь спокойно: на него вооружился брат его Мстислав, княживший в Тмутаракани (по всем вероятностям, в нынешней Тамани), завоеванной Святославом. Собравши войско из народов прикавказских, ясов и касогов, Мстислав пошел против Ярослава и разбил его у Листвена; Ярослав опять принужден был бежать в Новгород, но Мстислав не хотел отнимать Киева у старшего брата, хотел только прибавки земель к своей старой волости Тмутараканской; и братья разделили между собою южные русские волости Днепром: что было на западе от Днепра, досталось Ярославу, который сел в Киеве, а что было на востоке от Днепра, досталось Мстиславу, который сел в Чернигове. Но Мстислав скоро умер, не оставя детей; Ярослав взял себе его земли и владел, таким образом, всеми русскими волостями, кроме Полоцкого княжества, которое Владимир Св[ятой] отдал сыну своему Изяславу, а теперь княжил тут сын этого Изяслава Брячислав. Брячислав также вооружился было против дяди Ярослава, но успокоился, когда Ярослав дал ему два города (Витебск и Усвят).

Кроме этих уособиц в княжение Ярослава были войны с финскими племенами в области Северной Двины; на берегу Чудского озера Ярослав основал город, который назвал по своему христианскому имени (Юрий) Юрьевым (нынешний Дерпт). Ярослав воевал с поляками, возвратил от них землю Хорватскую (нынешнюю Галицию), захваченную Болеславом при Святополке. При Ярославе была последняя война с греками, которые поссорились с русскими купцами и убили одного из них; войну эту вел старший сын Ярослава Владимир с переменным счастьем, и через три года заключен был мир. Печенеги, напавшие на Киев в 1036 году, потерпели сильное поражение, после чего перестали нападать на Русь.

Ярослав умер в 1054 году, оставив по себе память князя умного и храброго, распространившего христианство и грамотность в народе; он много накопил книг, которые читал часто, днем и ночью; собрал много писцов, которые переводили книги с греческого на славянский язык и много переписали книг; строил церкви, определял к ним священников, которым давал содержание из собственных доходов. При нем в Новгороде было сделано то же, что в Киеве при Владимире: князь велел собрать детей и учить их. Ярославу приписываются первые писанные законы, так называемая «Русская Правда».

Глава VI. События при сыновьях Ярослава I Владимировича

Ярослав оставил пятерых сыновей, и опять после его смерти видим усобицы, как прежде видели по смерти Святослава и Владимира, но теперь первая усобица не оканчивается единовластием одного брата вследствие истребления или бездетной смерти других; сыновья Ярослава оставляют многих детей, которые продолжают усобицы отцовские и передают их своим детям; князья размножаются все больше и больше, и усобицы между ними продолжаются много лет. Эти продолжительные ссоры и бывавшие по временам мирные сношения между многими князьями дают нам возможность узнать, как эти князья смотрели друг на друга, за что ссорились. Отчего происходило, что как скоро после государя оставалось несколько сыновей, то они непременно начинали ссориться и воевать друг с другом?

Узнаем, что не было определено законом, как по смерти отца младшим братьям вести себя в отношении к старшему. Закон не определял, что младшие братья обязаны повиноваться старшему великому князю точно так же, как повинуются ему все остальные подданные. Говорилось, что младшие братья должны слушаться старшего, как отца, старший должен любить младших, как детей, но это было очень неопределенно: как скоро младшим казалось, что старший обходится с ними не как с сыновьями, что больше хочет добра собственным детям, то и считали себя вправе вооружаться против старшего, а средства к тому они имели: у каждого было свое княжество, своя волость, в которой он распоряжался совершенно независимо от великого князя; кроме того, подле в степях кочевали хищные орды, готовые всегда, по первому призыву становиться под знамена враждующих князей и пользоваться этим случаем, чтоб опустошать русскую землю.

Владели князья русскою землею все сообща, не разделяясь. Старший, или великий, князь владел старшим княжеством, старшим столом, как тогда выражались, Киевом; другие князья владели другими волостями по старшинству; ни великий князь, ни младшие князья не владели своими волостями вечно и не передавали их своим детям, но когда умирал великий князь в Киеве, то его место заступал не старший его сын, а старший брат, родной, двоюродный, троюродный, или старший племянник, вообще старший в целом роде княжеском, причем и другие князья передвигались таким же образом по старшинству из одной волости в другую, из худшей в лучшую. Эта передвижка не могла происходить правильно, и отсюда новые ссоры и войны. Обыкновенно требовалось, чтоб князь занимал волость *по отчине и дедине*: например, если князь умирал, не достигнув старшинства в роде и стола киевского, то сын его не мог быть после великим князем киевским и оставался навсегда владельцем одной какой-нибудь волости.

Из пятерых сыновей Ярославовых старший, Изяслав, был великим князем, владел Киевом и Новгородом; второй, Святослав, владел Черниговом, Тмутараканью и землями по Оке, страну вятичей, Рязанью, Муромом; третий, Всеволод, владел Переяславлем Южным, или Русским (так называли его в отличие от построенного после Переяславля Залесского); кроме того, Всеволод владел землями по Волге, также Ростовом, Суздалем, Белоозером; четвертый, Вячеслав, получил Смоленск; пятый, Игорь, владел Владимиром Волынским. Полоцк оставался в отдельном владении у потомков Изяслава, сына св. Владимира. Но после Ярослава остался еще внук Ростислав, сын старшего сына Ярослава, Владимира, умершего при жизни отцовской.

Так как наследником великого княжения был старший в роде и, следовательно, дядя имел всегда преимущество перед племянником, то Ростислав не получил старшего стола киевского; и так как волости княжеские не были наследственными, то Ростислав не получил

даже и Новгорода, где княжил отец его при жизни Ярославовой: он должен был довольствоваться тем, что дадут ему дядья. Когда один из них, Вячеслав Ярославич, князь смоленский, умер, то на его место перешел младший, Игорь, из Владимира Волынского, несмотря на то что у Вячеслава остались сыновья, а Владимир Волынский отдал Ростиславу Владимировичу. Но он не был доволен этою волостью, набрал себе дружину, ушел с нею на восток в степь и овладел Тмутараканью. Отсюда стал он ходить войной на окрестные народы, но греки отравили его; после него остались сыновья Володарь и Василько.

Между тем в степях произошло обыкновенное там явление: пришел с востока новый хищный кочевой народ – половцы, победил печенегов и стал, подобно им, нападать на Русь. Великий князь Изяслав с братьями пошел против половцев, но был разбит и прибежал в Киев; киевляне потребовали у него оружия и лошадей, чтоб опять идти на половцев, но он им отказал; тогда они выгнали его. Изяслав получил помощь от польского короля Болеслава Смелого и занял опять Киев, но ненадолго: он поссорился с братом своим, Святославом черниговским, который вместе с третьим братом, Всеволодом, выгнал его опять из Киева, сам стал здесь княжить, а Всеволод из Переяславля перешел на его место в Чернигов. Святослав княжил недолго в Киеве; после его смерти Изяслав опять пришел в Русь с польскою помощью, Всеволод уступил ему Киев, а сам остался в Чернигове.

Б. А. Чориков. Изяслав принят братом Всеволодом, который предложил ему мир

В это время было в живых только два сына Ярослава, Изяслав и Всеволод, трое других – Святослав, Вячеслав и Игорь – умерли, но у них остались сыновья, которым дядя не хотели давать волостей на Руси. Тогда двое из этих молодых князей – Олег Святославич и Борис Вячеславич – ушли в Тмутаракань, возвратились оттуда с толпами половцев и выгнали дядю Всеволода из Чернигова. Великий князь Изяслав заступился за брата и пошел с ним на племянников, с которыми сразился близ Чернигова, на Нежатине Ниве. Племянники были побеждены, Борис Вячеславич пал в битве, но был убит также и великий князь Изяслав (1077 г.).

Великий князь Владимир Мономах Портрет из «Титулярника», 1672 г.

По смерти Изяслава великим князем сделался брат его Всеволод, последний из сыновей Ярослава. Перешедши в Киев, он отдал Чернигов сыну своему Владимиру Мономаху; старший сын покойного Изяслава, Святополк, княжил в Новгороде, откуда потом перешел в Туров, поближе к Киеву, где должен был сесть по смерти дяди Всеволода, как требовал обычай; другому Изяславову сыну, Ярополку, великий князь отдал Владимир Волынский, но здесь прежде княжил Игорь Ярославич, потом Ростислав Владимирович; сын Игоря Давид и сыновья Ростислава – Рюрик, Володарь и Василько – также хотели утвердиться на Волыни;

по этой причине княжение Всеволода, старика слабого, было очень беспокойно. Но у Всеволода был сын, знаменитый Владимир Мономах, лучший из князей Древней Руси, оставивший по себе самую добрую память в народе как образец князя, по тогдашним понятиям: он был набожен, каждый день вставал до света и ходил к обедне, не мог молиться без слез, был гостеприимен, щедр к дружине, к духовенству, к бедным, но вместе с тем был хороший хозяин, сам смотрел за всем в доме и потому, несмотря на щедрость, в доме его всегда было много всякого добра; был ласков, прост в обхождении со всеми, не терпел пышности; будучи необыкновенно храбр, беспрестанно воевал с половцами, защищал от них русскую землю, но не одна война занимала его: каждый день после обедни он садился думать с дружиною о делах, потом судил жителей своего княжества, и судил справедливо; когда другие князья ссорились друг с другом, Мономах старался мирить их, отвращал таким образом усобицы.

Глава VII. События при внуках Ярослава I Владимировича

По смерти Всеволода (случившейся в 1093 году), киевляне хотели, чтоб великим князем был Мономах, но он объявил, что не нарушит обычая, по которому великое княжение переходило к старшему в роде. «Если я сяду в Киеве, – говорил он, – то будет у меня война с Святополком Изяславичем, потому что отец его сидел в Киеве прежде моего отца»; и Святополк стал княжить в Киеве, а Мономах остался в Чернигове. Новый великий князь нисколько не был похож на Мономаха: это был человек корыстолюбивый и властолюбивый, не храбрый и не умный. В самом начале княжения своего необдуманно, вопреки советам Мономаха и умных старых бояр вступил он в войну с половцами и потерпел два поражения. Эта беда, постигшая Русь, ободрила Олега Святославича, который все скрывался в Тмутаракани: он нанял половцев и напал с ними на Чернигов, Мономах уступил ему этот город, удовольствовался Переяславлем, но война этим не кончилась, ибо Олег, ожесточенный долгим изгнанием, несправедливостью дядей, не доверял двоюродным братьям, не хотел с ними вместе воевать половцев; усобица дошла и до далекого северо-востока, потому что Олег, выгнанный двоюродными братьями Святополком и Мономахом из Чернигова, ушел в землю муромскую и ростовскую и воевал там с сыновьями Мономаха.

А. Д. Кившенко. Долобский съезд князей – свидание князя Владимира Мономаха с князем Святополком

Потерпевши неудачу на севере, Олег согласился наконец ехать на общий съезд княжеский в Любече. Съехавшиеся князья говорили: «Зачем губим русскую землю, поднимая сами на себя ссору? Станем лучше жить единомышленно и не дадим половцам разносить рус-

скую землю». Для прекращения всяких споров князья решили, чтоб каждый владел тем, чем владел отец его: поэтому великий князь Святополк и Мономах остались при своем, один в Киеве, другой в Переяславле. Олегу с братьями, Давидом и Ярославом, отдали владения отца их, то есть Чернигов с вятичами, Рязанью, Муромом и Тмутараканью; княжество Владимиро-Волынское разделилось: собственная Волынь осталась за Давидом Игоревичем, а западная часть, Галиция, или Чермная Русь, отдана была Ростиславичам – Володарю и Васильку (брат их Рюрик уже умер).

Таким образом, на любецком съезде была прекращена усобица на востоке, в области Черниговской, потому что дети Святославовы, несправедливо выгнанные, получили теперь владения, именно те земли, которыми владел отец их, получили, таким образом, в роду значение отцовское. Но не прекратились усобицы на западе, в области Владимиро-Волынской, поделенной между Давидом Игоревичем и Ростиславичами. Давид Игоревич боялся, что Ростиславичи отнимут у него и его половину, особенно боялся он самого храброго и предприимчивого из них, младшего: Василька; нашлись люди, которые наговорили ему, что Ростиславичи в союзе с Мономахом хотят выгнать Святополка из Киева и его, Давида, из Владимира Волынского. Прямо с любецкого съезда Давид заехал в Киев к Святополку, представил ему опасность, грозившую им обоим от Василька, напугал его, и тот согласился схватить Василька и выдать Давиду, который повез его в свои владения и там ослепил.

Так как это злодейство было самым дерзким нарушением княжеского решения жить дружно, которое они объявили в Любече, то Мономах с Олегом и Давидом Святославичами немедленно пошли с войском к Киеву на Святополка; но мачеха Мономаха и митрополит уговорили их прекратить ссору с Святополком, и так как он складывал всю вину на Давида, то князья и поручили ему наказывать последнего. Святополк выгнал Давида, но захотел выгнать и Ростиславичей, чтоб взять всю Владимиро-Волынскую область себе, но это ему не удалось, потому что Ростиславичи оборонялись храбро. Наконец и войны за Владимиро-Волынскую область прекращены были на втором княжеском съезде, бывшем в Витичеве, близ Киева, в 1100 году. Здесь решено было: у Давида за его злодейство отнять Владимир Волынский и отдать сыну великого князя Ярославу. Таким образом, при Святополке на двух съездах княжеских окончены были усобицы, происходившие на востоке за область Черниговскую и на западе за область Владимиро-Волынскую. Усобицы эти, как мы видели, начались при великом князе Изяславе Ярославиче вследствие того, что сыновья не наследовали волостей после отцов своих, а дяди не хотели давать земель осиротелым племянникам.

Когда таким образом все успокоилось и на востоке и на западе, Мономах воспользовался миром между князьями и уговорил их соединенными силами ударить на половцев. Вследствие этого предпринимались два похода в степи; во второй из них русские князья доходили до самого Дона и нанесли сильное поражение *поганым*, как называли тогда половцев. Память об этих славных походах сохранилась на Руси в поэтических преданиях, в которых прославлялся главный герой их – Мономах.

Святополк умер в 1113 году. После него по старшинству в роде великое княжение должно было принадлежать Святославичам черниговским, потому что их отец был старше отца Мономахова, но киевляне решительно не захотели иметь князем Олега Святославича, которого не любили особенно за то, что он наводил половцев на русскую землю, и хотели непременно, чтобы княжил у них Мономах, на деле давно уже превосходивший всех князей достоинствами и подвигами. Когда киевляне дали ему знать о смерти Святополка и просили его приехать к ним княжить, то он отказался по тем же самым причинам, по каким отказался и прежде, по смерти отца своего Всеволода, именно, чтобы не нарушить обычая, не подать повода к усобицам; но когда в Киеве узнали об отказе Мономаха, то здесь вспыхнуло вос-

стание, и киевляне опять послали сказать Мономаху, что если он не придет к ним княжить, то будет большая беда и он отдаст за нее ответ Богу.

Тогда Мономах приехал в Киев и стал великим князем; Святославичи затаили на время обиду, потому что им нельзя было идти против Мономаха, самого храброго и самого могущественного князя, к которому народ питал такое сильное расположение. Один из полоцких князей, именно князь минский, осмелился начать войну с Мономахом, но был взят в плен; так же дурно кончил и князь волынский Ярослав, сын прежнего великого князя Святослава: он начал ссориться с соседями своими, Ростиславичами, князьями галицкими, вступил в союз с поляками, прогнал жену свою, внучку Мономахову; великий князь выгнал его из Волыни; Ярослав воротился было с поляками, венграми и чехами (богемцами), но был убит при осаде города.

Глава VIII. События от смерти Владимира Мономаха до взятия Киева войсками Андрея Юрьевича Боголюбского

По смерти Мономаха, случившейся в 1125 году, киевский стол прямо занял уже старший сын его Мстислав; соперников опять ему быть не могло: он был похож на отца, был любим народом; кроме того, племя Мономахово было сильнее всех других племен, или линий княжеских, сильнее обширностью и богатством волостей: Мстислав владел Киевом, Новгородом и Смоленском, в Новгороде княжил сын его Всеволод, в Смоленске – другой, Ростислав; братья Мстиславовы княжили: Ярополк в Переяславле, Вячеслав в Турове, Андрей на Волыни, Юрий в Ростовской и Суздальской земле. Пользуясь своею силою, Мстислав приобрел себе еще княжество Полоцкое: он взял в плен всех князей полоцких и отправил их в Грецию в изгнание, а в Полоцке посадил сына своего Изяслава.

Сильные владениями, Мономаховичи при Мстиславе были сильны братским единодушием, тогда как между Святославичами черниговскими происходили усобицы: по смерти Олега и Давида Святославичей оставался третий брат, Ярослав Святославич, который, по обычаю, как старший в племени, и должен был княжить в Чернигове, но племянник его Всеволод Ольгович выгнал его из Чернигова, и Ярослав должен был удовольствоваться северо-восточными владениями своего племени – Рязанью и Муромом; от него пошли князья рязанские и муромские. В Галиции сын Володаря Ростиславича Владимирко соединил все земли под одною своею властью.

По смерти Мстислава Владимировича, случившейся в 1132 году, начинаются усобицы и в самом потомстве Мономаха: и прежде мы видели усобицы между племянниками и дядьями, но прежде эти усобицы происходили оттого, что дядья обижали племянников, не давали им волостей, а теперь, по смерти Мстислава Владимировича, наоборот, усобицы происходят оттого, что племянники, сыновья старшего брата, обнаруживают попытку отнять у младших дядей старшинство и стол киевский.

По смерти Мстислава, по обычаю, в Киев перешел княжить из Переяславля старший по нем брат Ярополк; в Переяславль же должен был перейти следующий за Ярополком брат Вячеслав, но вместо того Ярополк перевел туда из Новгорода племянника своего Всеволода Мстиславича; дядья, и особенно самый деятельный из них Юрий Владимирович, восстали за это на племянников, Мстиславичей; враждою между Мономаховичами воспользовались Святославичи черниговские, вспомнили свою обиду, что лишены были старшинства и Киева сперва в пользу Мономаха, а потом сыновей его, и вооружились; таким образом, к усобице между племянниками и дядьями в потомстве Мономаха присоединилась еще усобица между Мономаховичами и Ольговичами (ибо в потомстве Святослава Ярославича главную роль играет линия сына его Олега). Этою же усобицею, ослаблением сил у Мономаховичей воспользовались князья полоцкие, возвратились из Греции и заняли свои прежние владения.

Б. А. Чориков Коронация Мстислава Владимировича Великого

Когда умер Ярополк Владимирович в 1139 году и старший над ним брат его Вячеслав Владимирович занял Киев, то мимо дядей не мог принять на себя главной роли: дядя Юрий ростовский никак не хотел допустить его до этого. Пользуясь такими обстоятельствами, Всеволод Ольгович прокняжил в Киеве до самой смерти своей и хотел, чтоб после него княжил здесь родной брат его Игорь Ольгович. Но киевляне этого не хотели; они не любили вообще Ольговичей как чужих князей и не отличавшихся такими привлекательными качествами, как Мономах и многие из его потомков; кроме того, князя в Киеве, Всеволод Ольгович не умел приобрести народной любви, позволяя чиновникам своим притеснять жителей. И вот как скоро Всеволод умер и брат его Игорь хотел княжить на его месте, то киевляне отказались повиноваться ему, несмотря на то что он обещал им назначить чиновников, каких они сами захотят. Они объявили своим князем Изяслава Мстиславича, который выгнал Ольговичей из Киева, причем Игорь Ольгович был взят в плен; после киевляне выразили свою ненависть к Ольговичам тем, что убили Игоря, хотя он уже постригся в монахи.

Изяслав Мстиславич стал княжить в Киеве, но не мог княжить покойно, потому что занял старший стол по тогдашним понятиям незаконно, мимо дядей: дядя Юрий ростовский два раза выгонял его из Киева, и напоследок Изяслав, чтоб избавиться от него, должен был призвать в Киев самого старшего дядю своего, неспособного Вячеслава, покаяться пред ним, объявить, что согрешил, осмелившись мимо него занять старший стол. Вячеслав, довольный честью старшинства, отдал все управление Изяславу, но Юрий не был доволен этою сделкою и требовал непременно, чтоб в Киеве княжил один Вячеслав, чтобы Изяслава при нем не было. На это требование никто не хотел согласиться, ни Вячеслав, ни Изяслав, ни киевляне, которые, увидавши разницу между Изяславом и Юрием, очень невзлюбили последнего. Юрий был разбит и должен был отказаться от надежды одолеть храброго племянника. Во время этой усобицы дяди с племянником в постоянном союзе с Изяславом Мстиславичем был венгерский король Гейза II, женатый на сестре его; постоянным же союзником Юрия Владимировича был галицкий князь Владимирко Володаревич, успевший только хитростью и обманом, к которым прибегал в крайности, удержаться на своем столе против соединенных сил Изяслава и Гейзы. Владимирко умер, оставив княжество свое нераздельным сыну Ярославу по прозванию Осмомысл.

Недолго после Владимирка жил и Изяслав Мстиславич: он умер в 1154 году. Старше Вячеслав принял к себе в сыновья и в правители Киевского княжества вместо Изяслава другого брата его, Ростислава, князя смоленского, после чего скоро умер. Ростислав, князь добрый и набожный, не был похож на брата храбростью и распорядительностью; он проиграл сражение против старшего тогда между черниговскими князьями Изяслава Давыдовича (двоюродного брата Всеволода Ольговича), бросил Киев и бежал в старую свою волость — Смоленск. Изяслав Давыдович сел было в Киеве, но принужден был уступить его Юрию Долгорукому. На этот раз Юрий остался княжить в Киеве до самой смерти своей, случившейся в 1157 году. Ростислав Мстиславич, оставшийся по смерти Юрия старшим в потомстве Мономаха, позволил занять Киев опять Изяславу Давыдовичу. Но на Волыни княжил сын знаменитого Изяслава Мстиславича Мстислав Изяславич, храбростию и деятельностью похожий на отца: когда Изяслав Давыдович поссорился с галицким князем Ярославом, то Мстислав соединился с последним, выгнал Изяслава Давыдовича из Киева и посадил здесь дядю Ростислава, а по смерти его сам сел в Киеве. Но, занявши Киев, Мстислав Изяславич находился в таком же положении, как прежде отец его, ибо не был старшим в потомстве Мономаха: старшим был двоюродный дядя его Андрей Юрьевич Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, княживший, подобно отцу, на севере, в земле Ростовской. Подобно отцу, Андрей не хотел видеть в Киеве племянника своего Мстислава и, воспользовавшись неудовольствием, которое тот возбудил против себя в князьях южных, послал против него большое войско в 1160 году. Мстислав не мог сопротивляться соединенным силам одиннадцати князей. Киев был взят и страшно разграблен.

Глава IX. От взятия Киева войсками Андрея Боголюбского до кончины Михаила Юрьевича

Казалось, что возобновятся старые времена, когда отец Андрея, Юрий, боролся с отцом Мстислава, Изяславом, но вышло иначе. Андрей, рожденный и воспитанный на севере, приходил на юг во время усобицы отца своего с Изяславом Мстиславичем, когда уже ему было за тридцать лет, отличился здесь большою отвагою, но с самого начала показывал нерасположение к югу, и когда отец его Юрий, утвердившись окончательно в Киеве, хотел, чтоб Андрей поместился подле него в Вышгороде, то Андрей вопреки воле отцовской ушел из Вышгорода на север и стал там княжить. Теперь, вооружившись против Мстислава Изяславича во имя прав своих за старшинство, Андрей не повел сам войска к Киеву, и когда этот город, к которому у прежних князей было непреодолимое стремление, был взят его войском и соперник изгнан, то Андрей не приехал в столичный город отцовский и дедовский, отдал Киев брату Глебу, а сам остался на севере, оттуда распоряжаясь делами на юге как старший и сильнейший князь.

Таким образом, со времен Андрея Боголюбского выступает на главную сцену вместо Южной Северная Россия с своими особенностями в природе страны, в характере народонаселения и в отношениях политических, отчего и русская история должна была с этих пор принять особенный характер. На севере, в княжестве Боголюбского и отца его Юрия, главным городом был Ростов Великий, за ним второе место по старшинству занимал Суздаль, большая часть других городов была построена в позднейшее время, особенно при Юрии Долгоруком, между ними была и Москва, о которой в первый раз упоминается в летописи в 1147 году. Жители Ростова, как жители других старших русских городов, Киева, Новгорода, Полоцка, Смоленска, в важных случаях сходились по звону колокола на совещания, или веча, решали тут дела, и приговору этих вечей повиновались города младшие, или *пригороды*.

Так, когда Андрей без воли отцовской приехал с юга на север, то ростовцы взяли его к себе в князя вопреки распоряжению Юрия, который хотел, чтоб Андрей остался на юге, а север назначал младшим своим сыновьям – Михаилу и Всеволоду. Но Андрей не остался жить в Ростове, а утвердил свое пребывание во Владимире (Залесском, на реке Клязьме), городе новом, не привыкшем решать дела свои на вечах самостоятельно, в котором, следовательно, власть княжеская не могла встретить для себя препятствия; потом Андрей выгнал из своего княжества младших братьев и племянников от умершего старшего брата Ростислава Юрьевича, выгнал и старых бояр отцовских; делал он это, говорит летописец, желая быть самовластцем. Хотел он быть самовластцем не на одном севере, но и во всей Руси и потому переменял обращение свое с другими князьями. До сих пор младшие смотрели на великого князя только как на старшего в роде, а не как на государя, и потому он должен был обращаться с ними по-родственному, как с братьями только, не требовал безусловного повиновения. Но Андрей начал смотреть на дело иначе, и это обнаружилось вот по какому случаю.

Брат его Глеб умер в Киеве; сыновья князя Ростислава Мстиславича, князя смоленские, выпросили у Андрея Киев и окрестные города себе, Андрей согласился, и Роман Ростиславич сел в Киеве, а младшие его братья – по другим городам. Но скоро Андрею дали знать, что брат его Глеб умер не своею смертию, и указали на некоторых бояр киевских как на отравителей его. Андрей потребовал, чтоб Ростиславичи выдали ему этих бояр, но те не послушались; тогда Андрей велел им идти вон из Киевской области и особенно сердился на одного из них, Мстислава Ростиславича, самого храброго, который из детства никого не боялся, кроме Бога одного. Ростиславичи не послушались, не вышли из Киева; мало того, Мстислав опозорил посланника Андреева и велел сказать великому князю: «Мы признали

тебя старшим, а ты стал обходиться с нами не как с князьями, а как с подручниками: так Бог нас рассудит». Андрей опять послал большое войско на юг, но на этот раз оно долго без всякого успеха стояло под стенами Вышгорода, где засел Мстислав Ростиславич, и, наконец, обратилось в бегство. Скоро после этого приближенные к Андрею люди, ожесточенные его строгостью, составили заговор и убили его в 1174 году.

Б. А. Чориков. По смерти Андрея, собралось во Владимире народное вече и избрало на престол Ярополка и Мстислава Ростиславичей, племянников Андреевых

Смертью Андрея хотели воспользоваться недовольные его правлением бояре и ростовцы, хотели выбрать себе такого князя, который бы не подражал Андрею, а вел себя по старине; они выбрали не сына Андреева Юрия и не братьев его Михаила и Всеволода, законных наследников и по старшинству, и по распоряжению Юрия Долгорукого: они выбрали Мстислава и Ярополка Ростиславичей, племянников Андреевых от старшего брата, Ростислава, давно умершего, которые по тогдашним понятиям не имели при жизни дядей права на

престол и, будучи обязаны за свое возвышение боярам и ростовцам, должны были поступать во всем по их желанию.

Ростиславичи, изгнанные, как мы видели, Андреем с севера, жили в Чернигове вместе с дядьми своими Михаилом и Всеволодом, также изгнанными. Получив приглашение от бояр и ростовцев, они поехали на север, но дядя также поехали туда, не желая отказываться от своих прав. Бояре и ростовцы не хотели и слышать о Юрьевичах – Михаиле и Всеволоде, но владимирцы приняли к себе Михаила как своего законного князя.

Владимирцы должны были сделать это, потому что в случае торжества ростовцев они должны были отказаться не только от первенства, которое дал им Андрей, утвердивши у них свое пребывание, но даже и от независимости, потому что ростовцы, озлобленные против них за предпочтение, оказанное их городу Андреем, говорили: «Владимир – наш пригород, там живут наши холопы, каменщики, сожжем их город и посадим у них своего посадника». Бояре и ростовцы со своими князьями Ростиславичами осадили Михаила во Владимире; владимирцы оборонялись семь недель; наконец, доведенные до крайности голодом, отказались от Михаила, но удерживали по крайней мере независимость, потому что старший из Ростиславичей Мстислав сел княжить в Ростове; младший его брат Ярополк – во Владимире.

Но владимирцы недолго могли быть покойны: дружина Ярополкова, набранная в Южной Руси, где он прежде жил, грабила народ, который особенно был выведен из терпения тем, что сам князь стал грабить великолепную церковь Богородицы, построенную во Владимире Андреем Боголюбским. Владимирцы жаловались ростовцам, но те на словах были только за них, а на деле были рады их беде; тогда владимирцы сговорились избавиться от Ростиславичей и призвали опять Михаила. На этот раз Михаил разбил Ростиславичей, выгнал их и утвердил свой стол во Владимире, а брат его Всеволод сел в Переяславле Залеском, также младшем городе; старший, Ростов, был покинут. Это было в 1175 году, а в следующем 1176 году Михаил умер.

Глава X. Княжение Всеволода III Юрьевича

По смерти Михаила владимирцы и переяславцы присягнули брату его Всеволоду и детям его (здесь в первый раз упоминается о присяге и детям), но ростовцы и большая часть бояр опять вызвали к себе прежнего князя своего Мстислава Ростиславича. Всеволод разбил Мстислава, после чего Ростов окончательно должен был уступить свое место Владимиру. Всеволод вел себя точно так же, как брат его Андрей Боголюбский. Он не дал волостей племянникам, подчинил себе Рязань, Новгород, распоряжался Киевом. В южной Руси продолжались прежние усобицы между Мономаховичами и Ольговичами. Всеволод поддерживал в Киеве своих, Мономаховичей, но не хотел и окончательного низложения Ольговичей, чтоб не дать слишком большой силы Мономаховичам; заводил ссоры и между самими Мономаховичами.

С Ольговичами вели борьбу за Киев Ростиславичи смоленские, из которых старший, Рюрик, был посажен Всеволодом в Киеве; но самым знаменитым из них по храбрости был сын Мстислава Ростиславича Храброго Мстислав Удалой, князь торопецкий, бывший, подобно отцу, образцом старого южнорусского князя: он не думал об усилении себя и детей своих на счет других князей, не думал об умножении своих волостей, но заботился только о том, как бы прославить себя воинскими подвигами, любил решать споры битвами, в которых видел суд Божий; с дружиною своею, славною также храбростью, он переезжал из одного конца русских владений в другой, являлся всюду, где только нужно было защитить слабого от сильного и поддержать старину.

Этим характером своим Мстислав Удалой представлял противоположность характеру Всеволода III, который в свою очередь был образцом большей части потомков своих, князей северных, был очень осторожен, не охотник до решительных действий, до решительных битв, которыми можно было вдруг выиграть, но можно вдруг и потерять, уступчив в тех случаях, где видел успех неверный, но постоянен в стремлениях к достижению цели, а цель эта, как у него, так и у потомков его, – приобрести как можно больше владений, усилить себя на счет всех других князей, подчинить их себе; это-то стремление Всеволода III и потомков его и было средством к утверждению единовластия в России.

Так разнились между собою князья из разных линий Мономахова потомства – Ростиславичи, потомки Мстислава Великого, и Юрьевичи, потомки Долгорукого, но мы видели, что у Мстислава Великого был сын старше Ростислава, знаменитый Изяслав Мстиславич, у которого был сын Мстислав Изяславич, выгнанный из Киева войсками Боголюбского. У этого Мстислава, который должен был ограничиться Волынским княжеством и умер тут, был сын Роман. В этой линии княжеской блестящие способности, храбрость и деятельность были наследственны: Роман Мстиславич, похожий на отца и деда, обратил свое внимание не на Киев, уже потерявший прежнее значение, но на запад, на богатое княжество Галицкое, и успел утвердиться здесь, когда линия князей галицких, Ростиславичей, пресеклась Владимиром, сыном Ярослава Осмомысла.

Б. А. Чориков. Великий князь Всеволод назначает наследником второго сына своего Георгия

Но здесь, в Галиче, были очень сильны бояре, сильнее, чем в других княжествах русских, и Роман, чтоб утвердиться здесь, должен был действовать против них жестокими средствами, истреблять их. Роман был убит в войне с поляками, оставив по себе дурную память между боярами галицкими и славную – в преданиях народных за свои подвиги в войнах с половцами, ятвягами и литвою. По смерти Романа осталось двое малолетних сыновей – Даниил и Василько. Бояре выгнали их и начали призывать на Галицкое княжество то того, то другого из соседних владетелей, и пошла борьба за Галич между князьями русскими – Мономаховичами и Ольговичами, также между поляками и венграми.

В то же время на северо-западе, на берегах Балтийского моря, среди дикой чуди, платившей дань князьям полоцким, утвердились немцы. Монах Мейнгард, получивший потом от папы сан епископа, стал обращать туземцев ливонских в католицизм; так как они оказывали сильное сопротивление, то третий после Мейнгарда епископ, Альберт, построивший город Ригу, основал в 1201 году орден Рыцарей Меча, чтоб держать туземцев постоянно в повиновении и распространять владения рижской церкви. Полоцкие князья были так слабы,

что не могли сопротивляться рыцарям и должны были уступить им все свои владения в Ливонии.

В таком положении находилась Россия в конце княжения Всеволода. Он послал управлять Ростовом старшего сына Константина, а пред смертью сделал распоряжение, чтоб Константин, ставши великим князем, переехал во Владимир, а Ростов отдал второму сыну, Юрию. Но Константин не был доволен таким распоряжением и требовал от отца, чтоб тот кроме Владимира дал ему и Ростов. Всеволод рассердился, лишил Константина великого княжения и отдал его второму сыну, Юрию, после чего умер в 1212 году.

Глава XI. События от кончины Всеволода III до нашествия татар

Константин Всеволодович не мог спокойно сносить того, что старшинство досталось мимо него младшему брату, и потому тотчас по смерти отца начинаются между ними усобицы. Но эти усобицы сначала ограничивались мелкими действиями, до тех пор пока не вступил в дело князь южный, знаменитый Мстислав Мстиславич Удалой, а вступился он в дело опять по поводу Новгорода. У Константина и Юрия Всеволодовичей был еще третий брат, Ярослав, княживший в Переяславле Залесском. Это был самый деятельный и предприимчивый из сыновей Всеволода III, он не упускал случая делать приобретения. Новгородцы позвали его к себе княжить, а он захотел утвердить над ними свою власть навсегда. Для этого он выехал из Новгорода, засел в Торжке и не стал пропускать в Новгород съестных припасов, отчего там сделался голод. Напрасно новгородцы упрашивали его возвратиться в Новгород: он ничего не хотел слушать, задерживал бояр и купцов новгородских. В это время приезжает в Новгород Мстислав Удалой, созывает вече и говорит: «Не быть Торжку Новгородом, а Новгороду Торжком!» Новгородцы и Мстислав целовали друг другу крест – не расставаться ни в животе, ни в смерти, и Мстислав говорил: «Либо отыщу людей и волости новгородские, либо головою повалю за Новгород». И действительно выступил против Ярослава; тот начал отступать на восток. В ссоре между сыновьями Всеволода III Ярослав держал сторону брата Юрия против Константина; теперь Юрий был за него, а Мстислав вступил в союз с Константином.

К. В. Лебедев. Мстислав Удалой въезжает на вече и избавляет новгородцев от грозившего им голода

На реке Липице произошла битва, Мстислав победил, заставил Юрия отказаться от старшинства и Владимира и вместо него посадил Константина. Но Константин недолго был великим князем: в 1219 году он умер, и Юрий опять получил старшинство и сел во Владимире, а дети Константина стали княжить в Ростове.

Юрий счастливо продолжал борьбу с болгарами и мордвою; в земле мордовской он довел границы своих владений до устья Оки в Волгу, где построил Нижний Новгород. В то время как на северо-востоке распространялись русские владения на счет варваров, на

юго-западе надобно было защищать старый русский Галич от чужих народов. Венгры овладели им, начали притеснять православную веру. И тут, как везде, на помощь притесненным явился Мстислав Удалой, прогнал венгров и стал княжить в Галиче, выдав дочь за Даниила Романовича, который, выросши в бедах, в гонениях, окреп духом и телом и обещал идти по следам отцовским и дедовским. Но бояре галицкие, желая управлять сами, не хотели иметь у себя такого князя, как Даниил, и потому уговорили Мстислава выдать другую дочь за венгерского королевича и отдать ему Галич. В других княжествах южной Руси было спокойно, Мономаховичи не ссорились с Ольговичами, когда в 1224 году прибежали в Киев половцы и объявили о новом, неслыханном враге.

Глава XII. Нашествие татар

В степях на северо-запад от Китая жили издавна два кочевых народа – монгулы и тата. В первой четверти XII века один из монгольских ханов, Темучин, известный больше под именем Чингисхана, великого хана, начал покорять себе других ханов, сделался мало-помалу единственным повелителем обоих народов и замыслил посредством их покорить себе весь мир. В 1224 году двое полководцев его прошли обычным путем кочевых орд – между Каспийским морем и Уральскими горами, вошли в землю половцев и поразили их. Половецкий хан Котян, тесть Мстислава Удалого, стал упрашивать зятя и других князей русских подать ему помощь. Князья съехались в Киев на совет и решили идти навстречу татарам. 16 июня произошла между ними битва на реке Калке; половцы, бывшие вместе с русскими, первые обратились в бегство и дали победу татарам; поражение было страшное, какого не бывало от начала русской земли, погибло восьмеро князей и семьдесят богатырей. Татары пошли следом за бежавшими русскими, но, опустошивши несколько волостей, возвратились от Днепра назад в степи, и долго после этого не было о них слышно на Руси.

Б. А. Чориков. Битва при Калке. Князь Галицкий Мстислав, проиграв сражение при Калке, спасается бегством за Днепр, 1224 г.

Здесь в 1228 году умер Мстислав Мстиславич Удалой, после чего начинаются опять войны и усобицы за Галич; враги со всех сторон поднялись на Даниила Романовича. Три раза он должен был брать Галич с бою: два раза у венгров, третий раз у князя Михаила черниговского. От врагов внешних он успел наконец избавиться, но трудно ему было сладить с врагами внутренними, с боярами, которые поднимали крамолу за крамолой, сносясь с его врагами, замышляя убить его. В области Днепровской происходили по-прежнему усобицы между Мономаховичами и Ольговичами; этими усобицами захотел воспользоваться самый деятельный из северных князей Ярослав Всеволодович переяславский; он успел опять утвердиться в Новгороде, а теперь задумал овладеть Киевом и действительно овладел им, но пробыл недолго на юге: с севера пришли страшные вести о втором татарском нашествии.

В 1227 году умер Чингисхан; ему наследовал сын его Угедей (Октай), который отдал племяннику своему Батюю страну между Яиком (Уралом) и Днепром, то есть прежние кочевья половецкие. В 1236 году этот Батый, собравши 300 000 войска, вошел в землю болгарскую, опустошил ее, а в следующем году татары явились в рязанских пределах и потребовали от тамошних князей десятины от всего, от людей и от скота. «Когда никого из нас не останется, тогда все будет ваше», – отвечали князья. Батый взял Рязань, опустошил всю страну, потом, двигаясь далее на север, разбил войско великого князя Юрия у Коломны, сжег этот город, сжег Москву и 3 февраля 1238 года осадил Владимир, откуда великий князь выехал на Волгу собирать войско. 7 февраля Владимир был взят и сожжен, причем погибло все семейство великокняжеское. От Владимира татары пошли дальше, разделившись на несколько отрядов, и пленили всю страну Поволжскую, в один февраль месяц взяли четырнадцать городов. 4 марта татары встретились с великим князем Юрием, который стоял на реке Сити; после злой битвы русские полки побежали, сам великий князь был убит. От Сити татары пошли к юго-западу, взяли Торжок и, не дошедши 100 верст до Новгорода, остановились, боясь приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку, на степь. На этой дороге Батый был задержан семь недель у города Козельска, жители которого упорно отбивались и перебили 4000 неприятелей; татары взяли наконец Козельск, истребили всех его жителей и прозвали его злым городом.

Оборона Козельска. Миниатюра из Никоновской летописи, XVI в.

В 1239 году татары из степей половецких явились в южной России, сожгли Переяславль, Чернигов, а в 1240-м сам Батый осадил Киев; жители долго и упорно защищались под начальством боярина Дмитрия, — присланного к ним князем Даниилом галицким; наконец 6 декабря Батыю удалось овладеть Киевом, после чего он двинулся на запад и опустошил Волынь, откуда князь Даниил бежал в Венгрию. Боярин Дмитрий, взятый в плен в Киеве и пощажённый за храбрость, видя опустошение русских земель, стал говорить Батыю: «Будет тебе здесь воевать; время идти на венгров; если же ещё станешь медлить, то там земля силь-

ная, соберутся и не пустят тебя в нее». Батый послушался и в 1241 году перешел Карпатские горы; татары опустошили Венгрию, Силезию, Моравию, но не шли дальше, потому что сильные полки чешские (богемские) и австрийские загородили им дорогу. Батый возвратился в свои приволжские степи, и соседняя Россия должна была признать его владычество, платить ему дань. С этих пор южная, днепровская Русь, вконец опустошенная татарами, окончательно сходит со сцены, и жизнь русская сосредоточивается на севере.

Глава XIII. Внутреннее состояние русского общества от половины IX до половины XIII века

1. Общий взгляд на события описанного времени

Если мы сравним известия летописи о быте славянских племен до половины IX века с известиями о событиях на Руси XI и XII веков, то увидим великую разницу, происшедшую именно вследствие призвания князей, собравших племена в один народ. Племенные названия исчезают; не встречаем больше названий: поляне, древляне, северяне, кривичи, меря; эти названия заменяются названиями областей, от имени главного, стольного города происшедшими: киевляне, владимирцы, черниговцы, смоляне, ростовцы, и все эти области, при видимом разделении, связаны между собою, жители их понимают, что составляют один народ русский, живут все в одной земле русской, хотя в тесном смысле Русью продолжает называться Киевское княжество.

Каждая область имела своего князя, независимого в делах внутреннего управления, но князья эти владели русскою землею сообща и меняли свои княжества, подвигаясь по старшинству к главному столу, киевскому; вследствие этого области находились в тесной связи: смерть киевского князя была событием одинаковой важности как для киевлянина, так и для черниговца, и для смолянина, и для отдаленного ростовца и новгородца, ибо она влекла за собою перемены в их родных областях; самые усобицы княжеские за старшинство, за обладание Киевом, укрепляли сознание о единстве земли, потому что вследствие их дружины северные стремились на юг, южные — на север; несмотря на огромное расстояние областей русских, например Волыни от Ростова или Новгорода, жители их принимали участие в делах друг друга благодаря этой нераздельности княжеского рода.

2. Значение князя

Название князя на Руси принадлежало только членам Рюрикова потомства и не отнималось ни у кого из них ни в каком случае; старший между ними назывался великим князем. Князь был призван для того, чтобы княжить и владеть, по словам летописи; он заботился об утверждении порядка в земле, о деле военном, о законах. Князь обыкновенно был главным вождем во время войны и верховным судьей во время мира, он наказывал преступников, его двор был местом суда, его слуги были исполнителями судебных приговоров. Князь собирал дань с жителей своей области; кроме того, в его пользу шли пошлины, которые брались при продаже товаров, с обвиненных при решении дел судебных; наконец, большой доход князьям приносили принадлежавшие им земли, населенные рабами: на этих землях князья устраивали себе дворцы, где складывались всякого рода вещи, нужные в хозяйстве, – мед, вино, медь, железо и т. п. Эти земли, доставлявшие множество съестных припасов, давали возможность князьям угощать беспрестанно дружину, духовенство, иногда всех жителей городских.

3. Дружина и войско

Подле князя видим дружину, с которою он обо всем советуется, ходит в походы, за данью, охотится, пирует; из членов дружины назначал князь правителей в города, или посадников, воевод для городских полков, или тысяцких, приставников при разных делах, или тиунов; хороший князь по тогдашним понятиям ничего не щадил для дружины, что получал, все издерживал на нее, ничего не откладывал собственно для себя, потому что с храброю, преданною дружиною никогда не мог быть беден.

Дружиннику было хорошо при князе: он был его советником (*думцем*), получал от него обильное содержание, и денежное жалованье, и доходные места, а если ему что-нибудь не нравилось, то мог свободно переходить от одного князя к другому: это не считалось изменою, ибо князья владели сообща русскою землею. Не будучи привязан к одному какому-нибудь князю, дружинник не был привязан и к одному какому-нибудь княжеству, но сопровождал князя, в службе которого ему нравилось, из одного княжества в другое. Это движение не давало дружинникам возможности усиливаться в качестве постоянных богатейших землевладельцев; не могли они усилиться и как посадники, правители волостей, городов, потому что с самого начала князья – потомки Рюрика чрезвычайно размножаются, вследствие чего все сколько-нибудь значительные города и волости находятся в управлении самих князей, а не посадников их.

Сначала, при первых князьях, дружины наполняются преимущественно варягами, но скоро потом они являются вполне туземными, хотя доступ в них постоянно был открыт всякому чужестранцу, известному своею храбростию. Дружина разделялась на старшую – бояр, или бояр, советников, думцев князя по преимуществу, и на младшую – людей молодых летами и подвигами (гриди, гридьба); в состав дружины входила также собственная прислуга князя (отроки, детские, пасынки, дворяне). Войско составлялось из дружины и полков, собираемых из остального народонаселения, городского и сельского; ополчения разделялись на конницу и пехоту и располагались пятью отделами: большой полк, два крыла – правое и левое, передовой полк и сторожевой, которого обязанность состояла в наблюдении за неприятелем.

4. Города

Городом называлось огороженное укрепленное место, устроенное для защиты от неприятеля: сюда в случае вражьего нападения укрывалось все окрестное народонаселение с семействами и пожитками. В самом городе жил князь или посадник его, окруженный дружиною, под стенами города селились люди промышленные, сначала, разумеется, те, которых изделия всего нужнее были для дружины, мастера оружейные; потом, если город находился на выгодном месте, на большой реке, на торговом пути, то число жителей и богатство их увеличивались; так явились большие города на Руси: Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, но жители, селившиеся подле других небольших городов, занимались обыкновенно земледелием; каменные стены у городов были редкостью, большею частью стены были деревянные.

Когда князь предпринимал что-нибудь, то в совет свой вместе с дружиною призывал и городских старцев; так было при первых князьях, но потом, после Ярослава I, видим, что князья созывают всех городских жителей на вече и предлагают им какое-нибудь предприятие, обыкновенно поход; граждане соглашаются или не соглашаются. Особенно значение вече поднялось во время княжеских усобиц, когда города получили возможность выбирать между несколькими князьями-соперниками, выбирать того, кто был ласковее и уступчивее; сила вече зависела также от многочисленности и богатства жителей: были сильные вече в Киеве, Новгороде, Полоцке, Смоленске, Ростове; маленькие же города или пригороды своего вече не имели, а исполняли то, что решат вече больших городов.

Особенно сильно было вече в Новгороде Великом: во-первых, по богатству и многочисленности жителей, во-вторых, потому что князья менялись очень часто вследствие усобиц, происходивших на юге, и новгородцы могли выбирать из многих; в-третьих, так как главная сцена действия была на юге, князья бились все около Киева и ближайших к нему городов, то новгородцы могли безопасно менять князей и заключать с ними ряды, или договоры: князья, занятые на юге, не имели средств и охоты ходить с большим войском к далекому Новгороду и заставлять его жителей исполнять свою долю. Но на северо-востоке, где единственный большой старый город, имевший вече, Ростов, упал при сыновьях Юрия Долгорукого и остались одни малые города, не имевшие прежде вечей, там о вече, об условиях горожан с князьями, уже не слыхать. Жители городские разделялись на десятки, каждый под начальством своего десятского, десятские зависели от сотских, начальников сотен, а сотские в свою очередь зависели от тысяцкого, или воеводы городского.

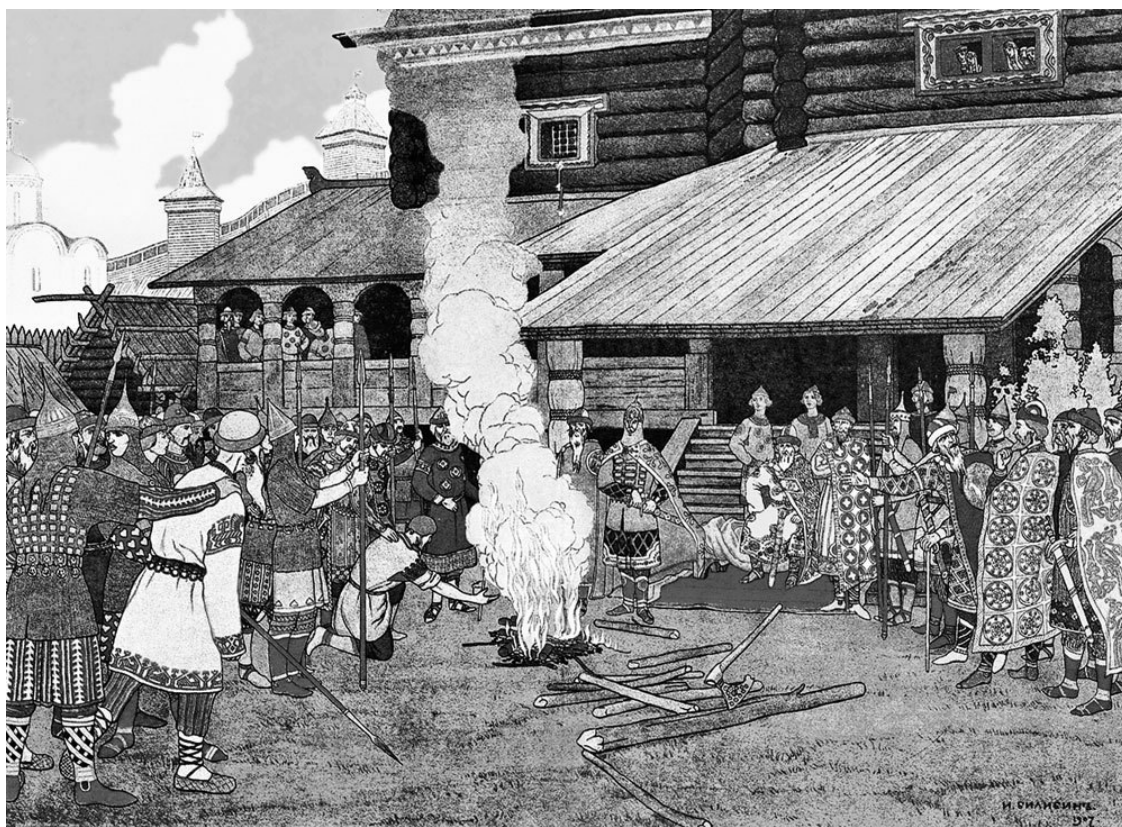
5. Торговля

Города богатели от торговли; так как самая сильная торговля в древней России производилась на пространстве между Балтийским и Черным морями, на этом водном пути, который соединял Северную Европу с Южною, то самыми богатыми городами были те, которые находились на оконечностях этого пути, – Киев на юге и Новгород на севере; Киев преимущественно торговал с Грециею, был складкою южных европейских и азиатских товаров, а Новгород торговал с скандинавскими и германскими народами; кроме Киева и Новгорода еще два города по выгодному положению своему на том же пути вели большую торговлю: Смоленск и Полоцк. Богатство городов выражалось особенно в многочисленности и богатстве церквей, которые были почти исключительными тогда общественными зданиями.

6. Сельское народонаселение

В селах жили или свободные земледельцы, или *челядь*, рабы, принадлежащие владельцам земель; свободные сельские жители управлялись своими старостами.

7. Законодательство

И. Я. Билибин. Суд во времена Русской Правды

Князья были призваны для *правды*, для суда справедливого, беспристрастного, и потому одною из главных забот первых князей был устав земский, о котором они думали с дружиною, старцами городскими и епископами. Ярославу I приписывается писанный устав, известный под именем Русской Правды. Этот устав первыми строками своими указывает на государство, только что родившееся, в котором еще ясны следы прежнего быта племен, когда они жили порознь, каждый род особо. Так, в случае убийства убийца по Русской Правде наказывался не государственною властью по закону, а должны были мстить ему ближайшие родственники убитого: брат должен был мстить за брата, сын за отца, отец за сына, дядя за племянника; если же после убитого не оставалось близких родственников, которые бы за него отомстили, то убийца платил князю пеню, *виру*, за простого человека вдвое меньше, чем за члена дружины или слугу княжеского, за женщину в половину меньше, чем за мужчину. Дети Ярослава отняли у родственников убитого право мстить убийце смертью, а положили, что он должен откупаться деньгами. Когда не было ясных свидетельств преступления, то употреблялось испытание железом, водою, а потом ввелись и судебные поединки.

8. Церковь

С самого начала сильное влияние на смягчение нравов, на распространение лучших понятий в обществе оказала новая религия – христианство. Но благотворное влияние свое христианство успешнее могло оказывать на юге, где оно принялось скорее, на севере же и на северо-востоке язычество еще крепко держалось: здесь проповедники христианства подвергались мученической смерти, как, например, св. Леонтий в Ростове, св. Кукша у вятичей; здесь являлись волхвы и возмущали народ против новой религии, пользуясь особенно физическими бедствиями, голодом. Однажды волхв явился в Новгороде, стал говорить перед народом, что все знает, что может ходить по воде, как посуху; народ поверил ему, и когда епископ вышел на площадь с крестом в руках, то на его стороне стал только князь с дружиною, все же остальные новгородцы стали на стороне волхва; епископа спасла от гибели только решительность князя, который подошел к волхву и разрубил его топором; народ, видя, что старые боги не умели защитить своего слугу, разошелся.

Христианство торжествовало видимо, но в народе, особенно в низшем его слое, языческие предания и представления были еще очень сильны: духовенство постоянно жалуется на языческие обычаи, на двуверие народа, который был наполовину христианским, а наполовину оставался при прежних верованиях. Если мы теперь в низшем слое народонаселения встречаем еще много языческих преданий и представлений, то что же было в XII веке?

Касательно управления русская Церковь зависела от константинопольского патриарха, который поставлял для нее митрополитов и произносил окончательные приговоры в делах церковных. Митрополиты были обыкновенно греки; из русских были только: при Ярославе I – Иларион, русский и поставленный собором русских епископов без ведома патриарха; потом при Изяславе Мстиславиче – Климент, поставленный также в России без ведома патриарха, но некоторые епископы не соглашались на его поставление. После этой попытки патриарх продолжал присылать митрополита в Киев из Константинополя, но с согласия великого князя. Митрополит с своей стороны поставлял епископов во все епархии, но опять с согласия тамошних князей; новгородцы избирали своих архиепископов, или владык, жребием. Для содержания главных, или любимых, церквей, также домов архиерейских некоторые князья давали десятую часть (десятину) из своих доходов, давали села, слободы, иногда целые города.

Преподобные Антоний и Феодосий Печерские. Икона, XIII в.

Для упрочения христианства нужно было, чтоб оно распространялось не словом только, но самым делом, чтобы новые русские христиане увидели в лучших людях действие христианства и в этом действии признали превосходство новой религии над старою. Такое влияние на молодое русское общество производили монахи, из которых особенно прославились монахи Киевского Печерского монастыря.

Основателем монастыря был св. Антоний родом из города Любеча; он был на Афонской горе, постригся там, возвратился в отечество и поселился в Киеве в пещере на берегу Днепра в княжение Изяслава Ярославича. Слух о подвигах его суровой монашеской жизни скоро разнесся по Киеву, и около него собралась братия; из этой братии знаменитее всех своими подвигами был св. Феодосий, в ранней молодости бросивший богатый дом отцовский, для того чтобы жить суровою монастырскою жизнью. Ставши игуменом Печерского монастыря после Антония, Феодосий был защитником притесненных, у себя в келье ходил за больным монахом, писал поучения монахам и князьям, по ночам отправлялся спорить с жидами; знаменитый повсюду, он отличался смирением необыкновенным. Кроме Антония и Феодосия Печерский монастырь выставил ряд проповедников христианства, епископов, летописцев; в нем видели, как проходил монашеский искуc один из князей черниговских, Святослав (Святоша) Давыдович, как он рубил дрова, был привратником и служил при трапезе братской. Для содержания своего и в это уже время монастыри имели недвижимые имущества; до нас дошла в подлиннике грамота великого князя Мстислава Владимировича (1128–1132 годов) новгородскому Юрьеву монастырю на волость; это древнейшая подлинная грамота, до нас дошедшая.

9. Просвещение

С распространением христианства распространялась и грамотность: человек благочестивый, который хотел быть крепок в вере, хотел побольше знать о божественном, должен был читать, приобретать книги для собственной духовной пользы и пользы других. Князья и простые люди, священники и монахи обращались к архиереям и знаменитым игуменам с разными вопросами, особенно их занимавшими; те должны были отвечать им, иногда письменно; эти ответы, имевшие всеобщую занимательность, переписывались, распространялись и таким образом дошли до нас. Новых русских христиан занимал вопрос: зачем Христос воплощался – ведь и евреи знали единого истинного Бога? Это нужно было объяснить, и вот еще при Ярославе первый киевский митрополит из русских, Иларион, писал об этом.

В Киев приходили христиане римского исповедания; русским людям хотелось знать, какая разница между этим исповеданием и греческим. И католики тоже христиане, а между тем греки их не любят, называют их веру неправую. И вот появились сочинения, показывавшие эту неправоту, между прочим и ответ св. Феодосия на вопрос великого князя Изяслава о вере латинской. Из поучений, написанных для князей, особенно замечательно поучение митрополита Никифора Владимиру Мономаху, из которого мы узнаем об образе жизни этого знаменитого князя. Записывались поучения, которые говорили архиереи в церквях всему народу: так, записано было простое краткое поучение новгородского епископа Луки Жидяты о том, как должен вести себя христианин; записаны одушевленные, красноречивые проповеди Кирилла, епископа туровского, содержащие в себе объяснения прославления разных евангельских событий; поучения св. Феодосия Печерского, из которых мы узнаем о нравах того времени.

Кроме поучений, принадлежащих духовным лицам, до нас дошло поучение, написанное Владимиром Мономахом для своих детей, которых он учит быть благочестивыми, правосудными, никого не убивать, держать свое слово, не зарывать добра в землю, в доме за всем смотреть самим, чтоб гости не осмеяли обеда; вышедши на войну, не надеяться на воевод, а за всем смотреть самим; во время дороги не давать слугам своим обижать жителей; ласкать иностранцев всякого звания, потому что они разносят добрую и дурную славу; учиться всему доброму; в заключение Мономах рассказывает детям о своих трудах. Охота к паломничеству, к путешествиям в Святую землю распространилась в это время между русскими людьми, и вот дошло до нас описание одного из таких путешествий, совершенного игуменом Даниилом. От этого же времени дошло до нас сочинение другого Даниила: «Послание Даниила Заточника к князю Юрию Владимировичу Долгорукому»; сочинение это наполнено изречениями житейской мудрости того времени, собранными, как говорит сам автор, из многих книг.

Самые старинные исторические песни и сказки, дошедшие до нас уже в измененном виде, содержат рассказы о подвигах богатырей времени св. Владимира, о борьбе их с степными народами, которая больше всего занимала народ. После св. Владимира эта борьба продолжалась, больше всех князей приобрел в ней славы Владимир Мономах, и поэтому в летописях мы встречаем следы народных поэтических сказаний о подвигах Мономаха против половцев. От позднейшего времени дошло до нас в целости поэтическое сказание о несчастном походе северских князей, Игоря Святославича с братьями, на половцев – «Слово о полку Игореве». Особенная храбрость этих князей, их ревность добыть себе славы в борьбе с погаными, их великодушие, по которому они не захотели покинуть в беде простых людей, заслуженная поэтому народная любовь к этим князьям, любопытные подробности похода, необыкновенная удача вначале, необыкновенное бедствие в конце, наконец, удивительное

спасение Игоря из плена – все это должно было возбудить внимание народа к событию, которое и стало предметом поэтического сказания.

Наконец, от описываемого времени дошли до нас летописи, то есть погодные записки о событиях; дошли они до нас в виде сборников, составленных из разных летописей, написанных в разных местах разными лицами, но предание сохранило нам имя древнейшего летописца, монаха Киево-Печерского монастыря преподобного Нестора. С половины XI века мы замечаем в летописях явные следы, что события записываются современниками и даже очевидцами; до этого же времени события записаны по устным преданиям. До нас дошли в целости и в отрывках летописи, написанные в Киеве, Новгороде, на Волыни, в Полоцке, в области Черниговской, в области Ростовской или Суздальской. Влияние этих различных местностей отразилось на характере летописного рассказа: так, летописи южные – Киевская и Волынская – отличаются живостию, полнотою рассказа, в них описываются не только действия исторических лиц, но и приводятся речи их, отчего эти лица и являются людьми живыми. Новгородская летопись отличается краткостию и силою. Рассказ суздальского летописца сух, не имея силы новгородской речи, и вместе многоглаголив без художественности речи.

Глава XIV. От Батыева нашествия до кончины Александра Ярославича Невского

К счастью для России, после Батыева нашествия оставался в живых самый деятельный, предприимчивый и распорядительный из сыновей Всеволода III, Ярослав. Узнавши о гибели старшего брата Георгия, он приехал из Киева во Владимир, очистил церкви от трупов, собрал людей, оставшихся в живых после татар, утешил их. О сопротивлении татарам нечего было и думать; надобно было другим средством предохранить опустошенную страну от нового опустошения, и Ярослав отправился в Орду к Батыю, который раскинул стан свой на берегу Волги; чрез несколько времени великий князь поехал к великому хану в Татарию, где и умер в 1246 году.

Великий князь Александр Ярославич Невский. Портрет из «Титулярника», 1672 г.

В то время как на востоке русские князья принуждены были признать над собою власть татарских ханов, ездить к ним в степь кланяться и обдаривать их, западные русские области, Новгород и Псков, подвергаются сильным нападениям с трех сторон: со стороны шведов, ливонских рыцарей и Литвы. Шведский владетель Биргер, побуждаемый папскими посланиями, вздумал идти на русских крестовым походом для обращения их в католицизм. В Новгороде в это время княжил сын Ярославов Александр. Узнавши, что шведы пришли в устье

Ижоры в Неву, Александр с небольшою дружиною выступил против неприятеля и 15 июля 1240 года нанес ему сильное поражение, за что получил прозвание Невского. Шведы ушли, но в том же году уехал из Новгорода и Александр, рассорившись с его жителями, потому что вел себя с ними, подобно отцу и деду. А между тем немцы ливонские взяли Изборск, разбили псковичей и стали владеть во Пскове вместе с изменником Твердилою Ивановичем. Немцы не довольствовались Псковом, но стали завоевывать и новгородские области: в тридцати верстах от Новгорода не было проезда купцам. В такой беде новгородцы опять послали за Александром Ярославичем; тот приехал, очистил от немцев и Новгородскую область, и Псков и 5 апреля 1241 года одержал над немцами знаменитую победу на льду Чудского озера, почему она и слывет Ледовым побоищем; немцы должны были заключить мир и отступились от всего ими захваченного. Оставались литовцы, которых толпы опустошали новгородские владения; Александр три раза поразил их.

Так прославился Александр в своей молодости отбитием трех врагов от границ русских. Но по смерти отца начиналась для него другая, печальная деятельность. По смерти Ярослава великим князем во Владимире стал брат его Святослав; Александр Невский с храбростью древних южных князей соединял холодную рассудительность князей северных; он бился храбро со шведами, немцами и Литвою, потому что видел возможность одолеть их; сопротивляться татарам он не видел никакой возможности и потому употреблял все средства, чтоб не раздражить ханов против России.

По смерти отца он поехал к Батюю вместе с братом Андреем, а между тем в отсутствие их на Руси произошла важная перемена: один из младших братьев их, Михаил прозвищем Хоробрит, князь московский, отнял у дяди Святослава великое княжение и сам заступил его место. Этот поступок Михаила очень замечателен, потому что московский князь действует тут только по праву сильного, презирая все прежние родовые права: он вооружается против дяди, не будучи старшим из племянников. Михаил скоро погиб в битве с литовцами еще до возвращения старших братьев из Орды, где Александра утвердил хан на столе киевском и новгородском, Андрею же дал великое княжение Владимирское; дядя Святослав остался и на этот раз в стороне, но и Андрей недолго княжил во Владимире: изгнанный татарами в 1252 году, он принужден был бежать в Швецию, а великое княжество Владимирское получил Александр Невский. После Андрей возвратился в отечество и получил от брата Суздаль.

Ставши великим князем, Александр Ярославич больше всего хлопотал о том, чтоб сдерживать своих подданных от восстаний против татар, с которыми они не были в силах бороться. Еще при Ярославе татары сделали первую перепись народа в России для сбора дани. По смерти Батюя при брате его Берке была вторая перепись: приехали татарские посланники, сочли всю землю, поставили десятников, сотников, тысячников, темников (начальников над 10 000), не считали только духовенства. В это время в Новгороде уже образовались две стороны: сторона лучших и сторона меньших людей (аристократическая и демократическая). Лучшие соглашались на перепись, но меньшие не хотели; насилу Александр мог уговорить их. Но когда успокоились новгородцы, поднялись волнения на востоке: здесь народ был выведен из терпения насилиями татарских откупщиков дани, которые и были выгнаны из Ростова, Владимира, Суздаля, Переяславля и Ярославля.

Полки татарские уже посланы были пустошить за это Россию; тогда Александр, чтоб отмолить людей от беды, поехал в четвертый раз в Орду и успел в своем деле, но это было уже последнее его дело: на возвратном пути он умер в Городце Волжском 14 ноября 1263 года, «много потрудившись за землю русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая живот свой, за правоверную веру». Сохранение русской земли от татарского нашествия на востоке, подвиги за веру и землю против шведов, немцев и Литвы на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его виднее всех князей от Мономаха до Дмитрия Донского.

Глава XV. Княжение братьев Невского, Ярослава и Василия

Александру Невскому наследовал по старине брат его Ярослав Ярославич, князь тверской. Новый великий князь, поступая в Новгороде подобно своим предшественникам, возбудил против себя новгородцев, которые его выгнали, но он не хотел оставить этого дела так: стал собирать полки и послал в Орду с просьбою о помощи на новгородцев, которых выставил противниками татар. Хан отправил уже войско к Ярославу, и Новгороду грозила большая беда, но он был спасен родным братом Ярослава, Василием, князем костромским, который поехал в Орду, сказал хану, что новгородцы правы, и воротил с дороги татарское войско. Ярослав с одними своими силами не мог сладить с новгородцами, должен был приехать к ним с поклоном и стал у них княжить на всей их воле.

В княжение Ярослава, именно в 1266 году, кончилось первое, самое тяжелое двадцатипятилетие татарского ига; в этом году, говорят летописи, умер хан Берке и была ослаба Руси от насилия татарского; Берке был первый хан, который переменял языческую веру на магометанство. На западе, у Новгорода и Пскова, по-прежнему шли войны с Литвою и немцами. В Литве в это время произошли убоицы, вследствие которых прибежал в Псков один из князей литовских, именем Довмонт, принял крещение под именем Тимофея и был посажен псковичами княжить. Псковичи не ошиблись в своем выборе: отличаясь христианскими добродетелями, Довмонт отличался с тем вместе храбростью, оборонял Псков от Литвы и от немцев, предпринимал удачные походы и внутрь земли неприятельской. Он участвовал и в знаменитом походе новгородцев в Ливонию под начальством семи князей; у Раковора (Везенберга) русские встретились с немецким войском, а после страшного побоища, какого не видали ни отцы, ни деда, русские победили, потерявши, однако, много убитыми.

В 1271 году умер великий князь Ярослав; ему наследовал на великом княжении брат Василий Ярославич костромской. Казалось бы, что он будет жить в согласии с новгородцами, которых спас прежде от беды, но вместо того Василий тотчас же начинает войну с новгородцами, требует, чтоб они уничтожили выгодный для них договор с прежним великим князем Ярославом. Таким образом, оказалось, что Василий и прежде вступался за Новгород для того только, чтоб не дать усилиться брату своему Ярославу, ибо теперь все великие князья хлопочут только о том, как бы скорее усилить свое княжество на счет других, и обыкновенно с этою целию нападают на Новгород: Василий успел сесть в Новгороде на всей своей воле с помощью татар, но не имел времени предпринять ничего более для усиления Костромского княжества, ибо умер в 1276 году.

Глава XVI. Судьба Юго-Западной России после татарского нашествия

После татарского нашествия старинная Русь, Киевская область, потеряла последние силы: Киев сделался ничтожным городом, в котором едва насчитывалось домов с двести; окрестности его представляли пустыню, по которой разбросаны были черепа и кости человеческие; литовцы свободно гуляли по Приднепровью, истребляя и последнее, что осталось после татар; защищаться было некому. Народ разбегался или в северо-восточные русские области или на запад, где в уголке прикарпатском уцелело еще русское княжество, поддержанное знаменитым Даниилом Романовичем.

Но и в этом уголке, несмотря на татарское опустошение, доканчивалась старинная усобица между Мономаховичами и Ольговичами; Мономахович Даниил Романович должен был бороться с Ольговичем Ростиславом, сыном Михаила черниговского. Во время татарского нашествия оба они, и Даниил и Ростислав с отцом, скрывались в Польше, но, как только татары схлынули, начали воевать друг с другом; война эта кончилась в 1249 году битвою на реке Сане, где Ростислав потерпел от Даниила совершенное поражение с союзниками своими, венграми и поляками. Так кончилась последняя усобица между Мономаховичами и Ольговичами на юго-западе.

Даниил окончательно утвердился на галицком столе, но от Батые с Волги пришел к нему грозный зов, и Даниил отправился в Орду. Тяжко было южному князю, в котором рассудительность не преобладала над чувствами, как у северных князей, тяжело было правнуку Изяслава, который привык везде честь свою брать, тяжело было Даниилу унижаться пред степным варваром, становиться перед ним на колени, пить кумыс. Хан отпустил его ласково, но эта ласка показалась Даниилу злою обидою, и все плакали от досады, когда Даниил, возвратившись домой, рассказал о ласке татарской: «злее зла честь татарская», говорит по этому случаю летописец южный.

Не могши никак помириться с мыслью, что должно остаться подданным хана, Даниил начал хлопотать, как бы свергнуть татарское иго. С одними средствами своего Галича да Волыни, где княжил брат Даниилов Василько, этого сделать было нельзя, — надобно было вступить в союз со всеми соседними европейскими государствами и предпринять крестовый поход на татар, общих врагов всего христианства; но о крестовом походе в союзе с католическими державами нельзя было думать без соединения с папою, и потому Даниил завел сношения с Римом насчет этого соединения. Папа очень обрадовался, прислал Даниилу венец королевский, писал в разные стороны о необходимости крестового похода против татар; но так как послания папские не имели никакого следствия, то Даниил скоро прервал сношения свои с Римом, удержав, однако, титул королевский, и стал думать, как бы собственными средствами избавиться от татар. Для этого он начал укреплять города, не позволяя ханским воеводам утверждаться в низовьях Днестра и вступил в явную войну с слабым воеводою Куремсою; но когда вместо Куремсы пришел другой сильный воевода, Бурундай, то Даниил увидал невозможность бороться с татарами и принужден был по их требованию разорить укрепления своих городов.

Б. А. Чориков. Даниил Галицкий и ляхи

Но если Даниил не имел успеха в борьбе с татарами, зато был счастлив в войнах с другими своими соседями. В это время Литва начала усиливаться благодаря ослаблению русских княжеств и единовластию, которое начал утверждать в ней князь Миндовг, варвар хитрый и жестокий, не разбиравший средств для достижения своих целей; несмотря на то, Даниил счастливо воевал с ним, и по смерти Миндовга сын его Воишелк признал свою зависимость от брата Даниилова, Василька волынского. Так же удачно шла война с ятвягами, которые наконец обещались служить Даниилу и строить города в земле своей. Такие успехи прославили Даниила среди соседей, которые искали его союза и помощи; вследствие этого Даниил принимал участие в борьбе венгров с чехами за Австрию, которой престол был тогда праздный; по уговору с венгерским королем сын Даниилов Роман женился на сестре умершего австрийского герцога Фридриха и в приданое брал Австрию; но венгерский король обманул Романа, не дал ему помощи против чешского короля Оттокара, и Даниил должен был отказаться от надежды посадить сына своего на австрийский престол.

Кроме военных подвигов король Даниил славился также своею правительственною распорядительностью: после татарского опустошения он успел привести свою землю в цветущее состояние: населил, обстроил города, усилил промышленность, торговлю. Но должно заметить, что Даниил, желая населить города свои, наполнил их, подобно соседям своим, князьям польским, чужестранцами: немцами, поляками, армянами, жидами; от этого городское население Галицкого княжества, богатое и сильное, но чуждое русской народности, не имело патриотизма, не могло содействовать к поддержанию независимости Галиции. Даниил умер между 1264 и 1266 годами, почти в одно время с Александром Невским. Между этими знаменитыми современниками есть сходство, но есть и важное различие, показывающее именно, что один был южный, а другой северный князь.

Даниил, оскорбленный унижением, которое он претерпел в Орде, не мог помириться с мыслью о необходимости татарского ига; Александр, не менее Даниила храбрый и славный своими победами, но более расчетливый, осторожный и благоразумный, признал тяжкую необходимость только дарами и поклонами отмаливать людей своих от беды татарского нашествия; то, что Даниил должен был отказаться от своих надежд свергнуть иго, должен был скрыть свои крепости, служит лучшим оправданием поведения Александра.

По смерти короля Даниила Галицкая земля разделилась между троими его сыновьями, Львом, Мстиславом и Шварном, а Волынь осталась по-прежнему за дядею их, Васильком Романовичем. В Литве сын Миндовгов, Воишелк, пошел в монахи и отдал все свои владения Шварну Даниловичу, женатому на его сестре. Но Шварн скоро умер бездетным, и литовцы опять вызвали Воишелка из монастыря для управления княжеством. Воишелк был убит братом Шварна, Львом Даниловичем, который хотел приобрести себе Литву, но не получил успеха в этом деле, и литовцы выбрали себе князя из своего народа. Из князей восточной стороны Днепра соперник Даниилов князь Михаил Всеволодович черниговский вместе с боярином своим Феодором скончался в Орде мученическою смертью, не желая изменить христианству.

Глава XVII. Борьба между сыновьями Александра Невского

По смерти всех сыновей Ярослава Всеволодовича старшинство, великое княжение Владимирское, досталось старшему сыну старшего из них, Димитрию Александровичу, князю переяславскому. Следуя примеру своих предшественников, Димитрий начал с того, что захотел усилиться на счет Новгорода, но точно так, как прежде Василий Ярославич костромской, боясь усиления старшего брата, Ярослава Ярославича тверского, заступился за Новгород и остановил стремления Ярослава, так точно теперь младший брат Димитрия, Андрей Александрович, князь городецкий, вооружается против старшего брата и, мало того, что хочет остановить усиление последнего, – хочет добыть себе старшинство, ибо старые понятия о праве старшинства теперь все более и более ослабевают.

Андрей отправляется в Орду, задаривает хана, получает ярлык на великое княжение и войско татарское против Димитрия; остальные князья русские также соединяются с Андреем против Димитрия. Последний не мог сопротивляться и убежал за Балтийское море. Татары, приведенные Андреем, опустошили Россию, но как скоро они ушли к себе в степь, Димитрий возвратился из-за моря с наемными войсками; Андрей опять уехал в Орду за татарским войском, но в это время Орда разделилась: на берегах Черного моря раскинулась Орда Ногаева, независимая и враждебная Золотой, или Волжской. Димитрий обратился сюда к хану Ногаю и с помощью его полков осилил Андрея. Но Андрей вместе с другими князьями опять отправился в Золотую Орду, взял здесь войско и на этот раз окончательно низложил Димитрия, который должен был отказаться от великого княжения и скоро после того умер (1294 г.).

И княжение Андрея не было спокойно, князья разделились: одни держали сторону Андрея, другие были против него. В это время, когда старшие Александровичи истощали свои силы в усобице, усиливалось княжество Московское, которым владел младший сын Невского, Даниил. Этот Даниил сперва был в союзе с Андреем против Димитрия, но потом, когда Димитрий был низложен и умер, Даниил вместе с сыном Димитрия, Иваном переяславским, и Михаилом Ярославичем тверским вооружается против Андрея; тот же самый Даниил удачно воевал с князем рязанским, взял его в плен; наконец, Даниилу удалось усилить свое княжество важным приобретением: племянник его, Иван Димитриевич переяславский, умирая бездетным, отказал свое княжество Даниилу, ибо северные князья смотрят теперь на себя как уже на полновластных владельцев своей области, которою могут распоряжаться по произволу, тогда как прежде области находились в общем родовом владении и судьба их зависела от распоряжения целого рода княжеского.

Великий князь Андрей Александрович не хотел допустить, чтоб московский князь таким образом усилился благодаря новым понятиям и обычаям, но безуспешно. В 1303 году умер Даниил Александрович московский. Старший сын его Юрий также имел в виду, как бы только усилить свое княжество: он не отдал Переяславля дяде Андрею и оторвал Можайск от Смоленского княжества.

Глава XVIII. Борьба между Москвою и Тверью до смерти князя Юрия Даниловича Московского

Когда умер Андрей Александрович в 1304 году, то великое княжение Владимирское принадлежало по старшинству тверскому князю Михаилу Ярославичу, но мы уже видели, что место родовых споров между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрий Данилович московский был так же силен, если еще не сильнее Михаила тверского, и потому хотел быть сам великим князем владимирским. Соперники отправились в Орду покупать ярлык на великое княжение; Михаил осилил на этом аукционе, наддал больше и возвратился великим князем.

Сердясь на Юрия и за соперничество, и за то, что Юрий и ему не отдавал Переяславля, Михаил два раза нападал на Юрия, подступал к Москве, но без успеха; подобно предшественникам своим, Михаил старался также усилиться на счет Новгорода; наместники его теснили новгородцев, а когда те не хотели сносить их обид, то Михаил прекратил подвоз съестных припасов в Новгород, принудил его этим заплатить 1500 гривен, и наместники тверские по-прежнему стали притеснять новгородцев.

Юрий с своей стороны также хлопотал о том, как бы усилить свое княжество всякими средствами: он убил отцовского племянника, князя рязанского, удержал за собой рязанскую волость Коломну, заставил братьев своих выехать из Москвы в Тверь, значит, не хотел дать им уделов. В таком положении находились дела, когда в 1313 году умер хан Тохта и престол его занял молодой племянник его Узбек. Михаил должен был ехать в Орду, чтоб взять ярлык от нового хана; этим отсутствием решились воспользоваться новгородцы, чтоб с помощью московского князя избавиться от притеснения тверского, как прежде от притеснения отца Михайлова, Ярослава, избавились с помощью Василия костромского, от притеснения Димитрия Александровича переяславского избавились с помощью Андрея городецкого. Новгородцы послали в Москву звать к себе князя Юрия; тот поехал к ним и был принят с радостью. Но недолго они радовались: хан прислал звать Юрия в Орду, и тот поехал вместе с послами новгородскими, а между тем Михаил возвратился из Орды и поразил новгородцев, решившихся ему противиться; Новгороду грозила большая беда, как вдруг пришел Юрий московский из Орды.

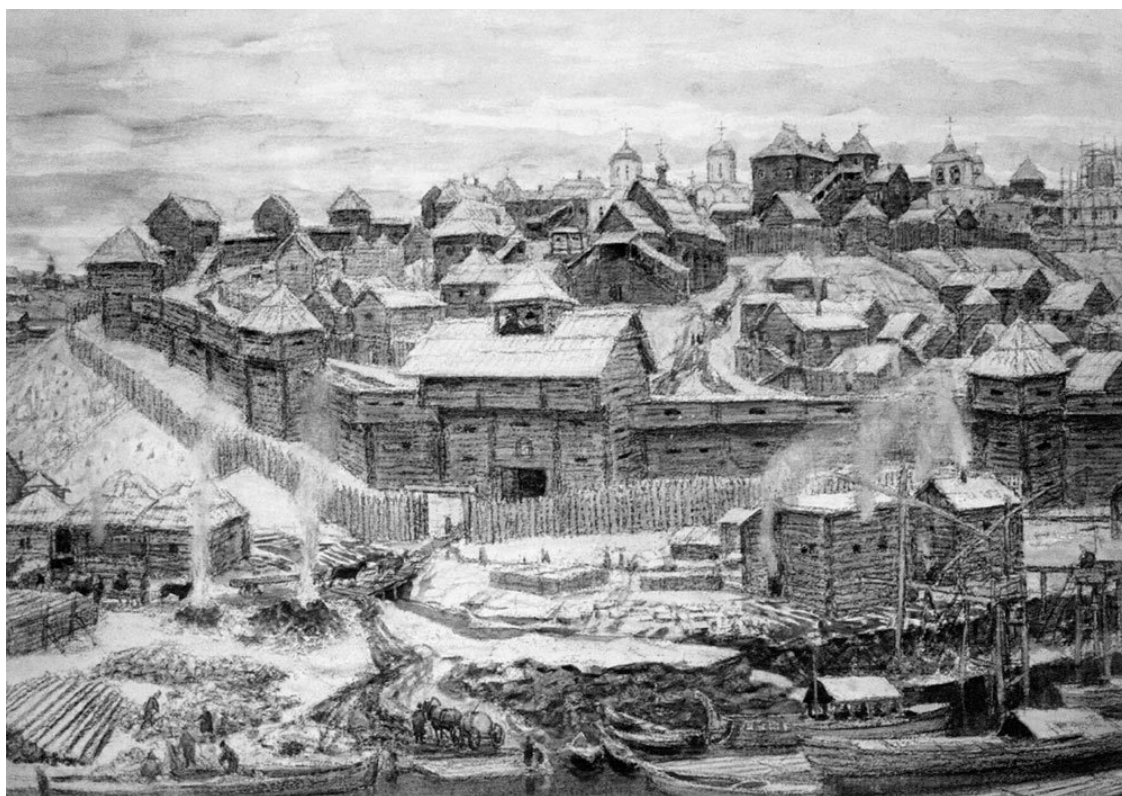
Юрий недаром жил в Орде: он не только оправдался в обвинениях Михайловых, но умел сблизиться с семейством хана и женился на сестре его Кончаке, которую при крещении назвали Агафьею. Ханский зять возвратился в Россию с послом татарским Кавгадыем и начал войну с Михаилом. Последний разбил его в 40 верстах от Твери, в селе Бортеневе, взял в плен жену его, брата Бориса, многих князей и бояр; Юрий убежал в Новгород; новгородцы и псковичи взяли его сторону и пошли с ним на Михаила; у Волги соперники встретились, но битвы не было: они условились идти в Орду и там решить спор. В это время жена Юрьева умерла в Твери в плену: пронесся слух, что ее отравили. Такой слух был выгоден для Юрия; он отправился в Орду с Кавгадыем, многими князьями, боярами и новгородцами жаловаться хану на Михаила. Кавгадый сильно подкреплял эти жалобы, и Михаил был вызван к хану в 1319 году; его осудили и убили варварским образом за Тереком, недалеко от Дербента, куда хан переселился для охоты.

Юрий возвратился в Москву с ярлыком на великое княжение; тверские князья, дети Михайловы, из которых старшим был Димитрий Михайлович по прозванию Грозные Очи, на время смирились перед Москвою, но, когда Юрий отправился в Новгород защищать его от врагов, Димитрий Михайлович поехал в Орду с обвинениями на Юрия; последний также поехал в Орду; соперники встретились, и Димитрий убил Юрия. Хан за это самоуправство

велел убить Дмитрия, но великое княжение отдал брату его Александру Михайловичу. Таким образом, на этот раз Тверь вышла все же победительницею из борьбы.

Глава XIX. Иоанн I Данилович Калита

Юрию в Москве наследовал также брат, Иоанн Данилович по прозвищу Калита (мешок, сумка для денег). Остальные братья Калиты умерли еще при жизни Юрия, следовательно, он владел Московским княжеством один. Управляя Москвою при жизни Юрия, который беспрестанно был в отлучках, Калита успел сделать для своего княжества важное приобретение: еще в 1299 году митрополит Максим оставил опустошенный Киев, где не мог найти безопасности, и переехал жить во Владимир. Калита умел приобрести расположение преемника Максимова, Петра, который поэтому жил в Москве больше, чем в других местах, умер и погребен в ней. Выбор святого мужа казался внушением Божиим, и новый митрополит, Феогност, уже не хотел оставить гроба и дома чудотворца. Это утверждение престола митрополичьего в Москве имело важное значение: оно давало ей вид главного города всей русской земли, ибо князей было еще много и один не успел еще подчинить себе всех других, а митрополит был один; кроме того, престол митрополичий способствовал возрастанию и обогащению Москвы, ибо в нее со всех сторон приезжали лица, имевшие нужду до верховного святителя русской Церкви; наконец, митрополит должен был действовать постоянно в пользу того князя, в городе которого жил. Другие князья предвидели следствия утверждения митрополичьего престола в Москве и сердились, но помочь было уже нельзя.

А. М. Васнецов. Кремль при Иване Калите

Но в то время как московский князь утверждением у себя митрополичьего престола приобретал такие важные выгоды, в Твери случилось происшествие, которое было губительно и для князя, и для княжества. В 1327 году приехал туда ханский посол Чолхан, или Щелкан, как его называют наши летописи, двоюродный брат Узбека, и, по обыкновению всех послов

татарских, позволял себе и людям своим всякого рода насилия. Тверичи вышли из терпения, встали на татар и всех их истребили вместе с Чолханом. Узбек очень рассердился, узнав об участии Чолхановой; этим воспользовался Калита, поехал в Орду и возвратился оттуда с 50 000 татарского войска; Александр бежал в Псков, и Тверское княжество было страшно опустошено. Калита и брат Александров, Константин Михайлович, поехали в Орду: Узбек дал великое княжение Калите, Константину Михайловичу дал Тверь и отпустил их с приказом искать князя Александра. Князя и новгородцы послали в Псков уговаривать Александра, чтоб ехал в Орду, иначе всем им придется пострадать за него от татар. Александр хотел ехать в Орду, но псковичи не пустили его, говоря: «Не езди, господин, в Орду; что б ни случилось, умрем с тобою вместе». Видя, что псковичи обещались умереть за Александра, и боясь потерпеть неудачу под Псковом, Калита уговорил митрополита Феоноста отлучить от Церкви Александра и весь Псков, если они не исполнят требования князей. Средство подействовало, Александр сказал псковичам: «Братья мои и друзья! Не будь на вас проклятия ради меня; еду вон из вашего города и снимаю с вас крестное целование». Псковичи со слезами отпустили Александра в Литву, потому что он пришелся им по сердцу своею добротою.

Полтора года пробыл Александр в Литве и, когда гроза приутихла, возвратился к жене в Псков, жители которого приняли его с честью и посадили у себя на княжение. Десять лет спокойно княжил Александр во Пскове, но тосковал по своей родной Твери и беспокоился насчет будущности детей своих. «Если умру здесь, – говорил он, – то что будет с детьми моими? Все знают, что я выбежал из княжества моего и умер на чужбине, так дети мои будут лишены своего княжества». Псков же по формам своего быта не мог быть наследственным княжеством для сыновей его. В 1336 году Александр послал в Орду сына Феодора попытаться, нельзя ли как-нибудь умиловить хана, и, узнавши, что есть надежда на успех, поехал к Узбеку, вымолил прощение и возвратился с ярлыком на великое княжество Тверское, которое Константин Михайлович должен был ему уступить.

Великий князь Иван I Данилович. Портрет из «Титулярника», 1672 г.

Но возвращение Александра служило знаком к возобновлению борьбы между Москвою и Тверью: в 1339 году Калита отправился в Орду; по его внушению Александр получил приказ явиться туда же и по приезду был убит вместе с сыном Феодором. Калита же возвратился из Орды с великим пожалованием и честью; Тверское княжество досталось опять Константину Михайловичу, который называется собирателем и восстановителем Тверской волости.

Прежде когда великий князь задумывал усиливаться, то находил препятствие этому в других князьях, начиная с родных братьев, но теперь московский князь так усилился, что самовластные поступки его в других княжествах не встречали ниоткуда сопротивления; ни один князь не мог соперничать с Калитою ни в России, ни в Орде, ибо ни у одного не было столько денег, как у Калиты. Вельможи московские позволяли себе разного рода насилия в Ростове, разогнали многих из его жителей в другие страны; Тверь также терпела насилия от Москвы по смерти Александра. Новгородцы, избавленные Москвою от беды, которою грозила им Тверь в борьбе этих двух княжеств, были постоянно за Москву; но как скоро Калита осилил Тверь, то спешил показать новгородцам, что переменялось только имя и что ни один сильный великий князь не будет их другом. Уже давно новгородцы привыкли откупаться деньгами от великих князей, с которыми не могли сладить, а деньги теперь были очень нужны князьям, ибо с деньгами можно было все сделать в Орде. Калита требовал денег с новгородцев и за отказ опустошил их владения, строил слободы на их землях, посылал рать свою в Двинскую область, которою очень дорожили новгородцы, получая оттуда серебро и дорогие меха. Но если в Ростове, Твери и Новгороде не были довольны Калитою, то очень довольны были им в Московской и Владимирской великокняжеской области: с началом его княжения наступила здесь великая тишина, о татарах не было слышно; тишина эта и внешняя безопасность дали князю возможность заняться устройством порядка и внутренней безопасности, истреблением вредных для общества людей, живущих на чужой счет.

Калита умел воспользоваться обстоятельствами, тем, что приготовлено было для Москвы Даниилом и Юрием, дал современникам почувствовать первые добрые следствия единовластия и потому перешел в потомство с именем первого собирателя русской земли. Собственно, Калита завоеванием не приобрел ничего и в этом отношении не может называться собирателем земли русской, но он копил деньги и скупал небольшие княжества у князей их, например Белоозеро, Галич.

Глава XX. События при сыновьях Иоанна Калиты

Калита московский умер в 1341 году, поделивши свое княжество вместе с имением движимым между тремя сыновьями и женою. Старший сын его Симеон вместе со всеми другими князьями русскими отправился в Орду, но соперничество других князей с богатым и сильным князем московским было невозможно, хан объявил Симеона великим князем владимирским, и «все князья русские даны были под руки Симеона», говорят летописи. Итак, исполнилось то, чего боялись князья еще со времен Мстислава Храброго: они перестали считаться полноправными родственниками великого князя и стали его *подручниками*, подчиненными. Сын Калиты заставил князей почувствовать перемену: доказательством служит прозвание *Гордый*, которое они ему дали; с новгородцами поступал он так же, как и предшественники его: ходил к ним войною и заставил дорого купить мир.

Со стороны татар во владениях Симеона было спокойно точно так же, как и при отце его; Симеон пять раз ходил в Орду и всякий раз возвращался оттуда с большою честью и пожалованием. С востока было покойно, но зато на западе поднимался опасный враг: то была Литва. Мы видели, что Гедимин занят был подчинением себе областей западной России; сын его Ольгерд обратил внимание и на восточную. Ольгерд, по отзыву летописца, был очень умен, говорил на разных языках, не любил забав, а занимался делами день и ночь, был воздержан, хмельного не пил, от этого приобрел великий разум и смысл, коварством своим многие земли повоевал и увеличил свое княжество. Ольгерд начал войну с Симеоном походом под Можайск; не надеясь одолеть Симеона одними своими силами, Ольгерд хотел погубить Московское княжество посредством татар и отправил брата своего к хану просить у него помощи против Симеона. Но московский князь представил хану, как и для самих татар будет опасно могущество Ольгерда, если он усилится покорением восточной России; хан послушался, задержал брата Ольгердова и выдал его Симеону, что заставило Ольгерда просить мира у московского князя. С другой стороны, важною помощью для восточной России было то обстоятельство, что Ольгерд постоянно отвлекался на западе опасною для него борьбою с немецким орденом в Пруссии.

Псковичи в это время вели постоянно войны с ливонскими немцами; не получая помощи от великого князя из далекой Москвы, они должны были обращаться к ближайшему великому князю, литовскому, взяли к себе в князья Ольгердова сына Андрея, но тот не стал жить у них сам, а хотел управлять Псковом через наместников; псковичи не были этим довольны и выгнали литовских наместников, чем нажили себе нового врага в Литве. Новгород боролся со шведами, которых король Магнус опять вздумал предпринять крестовый поход против Новгорода с целью обращать русских в католицизм. Магнус овладел было Орешком, но новгородцы взяли этот город обратно. Во время шведской войны новгородцы, нуждаясь в помощи псковитян, признали полную независимость Пскова от Новгорода: положено было, что посадникам новгородским во Пскове ни сидеть, ни судить, псковичей на суд в Новгороде не вызывать ни по каким делам, Пскову называться не пригородом, но младшим братом Новгорода. Осталась зависимость только в церковном отношении, ибо архиепископ новгородский был вместе и псковским, но и тут положено, что судья от владыки по церковным делам будет во Пскове пскович же, а не новгородец.

В 1353 году умер великий князь Симеон от морового поветрия, которое под именем *черной смерти* свирепствовало тогда в России. Симеон, не имея детей, отказал удел свой и все движимое и недвижимое имение жене, по смерти которой все это переходило к брату Симеонову, Иоанну. Это обстоятельство важно в том отношении, что два удела Московского княжества соединились теперь в один и таким образом сила князя Иоанна Иоанновича увеличилась вдвое; третий сын Калиты, Андрей, умер тотчас после Симеона; уже по смерти его

родился сын его Владимир, который получил только один удел отцовский. В духовной грамоте своей Симеон наказывал братьям, чтоб они слушались владыки Алексея митрополита и старых бояр, которые отцу их и им добра хотели.

У брата Симеонова Иоанна явился соперник в искании великого княжения Владимирского: то был Константин Васильевич, князь суздальский, происходивший по одним известиям от Андрея Ярославича, брата Александра Невского, по другим – от Андрея Александровича, сына Невского. Константин не имел никакого права на великое княжение, потому что ни отец, ни дед его не были великими князьями, но он искал великого княжения не по старым родовым правам, а по новому обычаю, по которому всякий князь считал себя вправе, когда был отважен, богат и силен. Константин был отважен, но не был так богат и силен, как московский князь, который потому получил ярлык в Орде и удержался великим князем, несмотря на то что богатые новгородцы, недовольные московскими князьями, хлопотали в Орде за Константина.

В правление Иоанна, кроткого, тихого и милостивого князя, как называет его летописец, произошло в Москве следующее замечательное событие. Когда на севере князья перестали переезжать из одного княжества в другое, а оставались всегда в одном, то вместе с ними уселась и дружина, отчего бояре должны были приобрести большее значение как постоянные знатные и богатые обыватели княжества, могшие передавать свое значение и детям своим. Большее значение должен был приобрести и тысяцкий как воевода городских полков, имевший ближайшее, непосредственное отношение к жителям города: он мог теперь отправлять свою важную должность при нескольких князьях сряду без смены, мог передать ее сыну. Еще при Симеоне Гордом боярин Алексей Петрович Хвост поднял крамолу против великого князя, был изгнан, лишен своих волостей; все три брата, князья Симеон, Иоанн и Андрей, поклялись не принимать к себе мятежного боярина, ни детей его; и, несмотря на то, Алексей Петрович явился тысяцким в княжение Иоанна, но в 1357 году Алексей Петрович был тайно убит, и пошел слух, что убили его другие бояре; в городе от этого встал сильный мятеж, и большие бояре московские должны были отъехать в Рязань; но, когда все утихло, великий князь переезжал к себе опять из Рязани двоих бояр: Михаила и зятя его, Василия Васильевича Вельяминова, который получил должность тысяцкого.

Глава XXI. Димитрий Иоаннович Донской

В 1359 году умер Иоанн московский, 33 лет от роду, оставив малолетних сыновей Димитрия и Ивана и малолетнего же племянника Владимира Андреевича. Казалось, что ранняя смерть Иоанна будет гибельна для Москвы, ибо малютка-сын его мог ли хлопотать в Орде, мог ли бороться с другими князьями? И действительно, когда все князья явились в Орде и не достало одного московского, то хан отдал великое княжение Владимирское суздальскому князю Димитрию Константиновичу. Но Москва была уже так сильна, что и такое неблагоприятное обстоятельство, как малолетство князя, не могло повредить ей. Бояре московские, привыкшие быть боярами сильнейших князей всей Руси, не хотели сойти на низшую степень или отъехать к новому великому князю, в новое княжество, где ничто не было им известно и обеспечено; они начали стараться добыть ярлык своему князю.

Дмитрий Донской. Портрет из «Титулярника», 1672 г.

Малютка Димитрий отправился в Орду, но там нельзя было ничего добиться при сильной смуте, когда один хан сменял другого; наконец Орда разделилась между двумя ханами – Абдулом, именем которого правил сильный вельможа Мамай, и Мюридом. Московские бояре отправили послов к последнему, и он дал ярлык Димитрию. Бояре посадили на коней всех трех малолетних князей своих – Димитрия, Ивана и двоюродного брата их Владимира Андреевича и выступили с ними на Димитрия Константиновича; этот князь не мог противиться московским полкам и покинул Владимир. Одиннадцатилетний Димитрий москов-

ский занял старинную столицу великокняжескую, и когда приехал сюда к нему посол от хана Абдула с ярлыками, то он принял его с честью и отпустил с дарами. Это рассердило Мюрида, который, чтоб отомстить Димитрию московскому, прислал новый ярлык на Владимира Димитрию суздальскому. Тот обрадовался и сел на другой раз во Владимире, но сидел очень недолго, потому что Димитрий московский опять пришел на него с большим войском, выгнал из Владимира, осадил в Суздале и заставил отказаться от великого княжения. После, когда Димитрию Константиновичу выслали в третий раз ярлык из Орды, то он уже не хотел вступать в борьбу с Москвою и даже выдал дочь свою за ее князя.

Отделавшись от соперника, Димитрий московский тотчас же дал почувствовать свою силу князьям слабейшим: он привел в свою волю князя ростовского, а князя стародубского и галицкого выгнал из их княжеств. Между тем моровая язва сильно опустошила Россию, умерло много князей, в том числе молодой брат Димитрия московского Иван; великий князь присоединил его удел к своему, что произошло совершенно спокойно, тогда как в других княжествах за выморочные уделы между князьями пошли усобицы; так, встала усобица между Димитрием Константиновичем суздальским и братом его Борисом за Нижний Новгород. Четырнадцатилетний великий князь московский вступился за Димитрия и заставил Бориса уступить ему Нижний. Тут он действовал не одним светским оружием, но и духовным, ибо митрополит Алексей постоянно поддерживал политику московского князя и старался утвердить его силу: он отнял епископию нижегородскую у суздальского владыки; и в то же время послом от московского князя явился в Нижнем преподобный Сергей, игумен Радонежский; он позвал Бориса Константиновича в Москву, и когда тот не послушался, то Сергей по приказу митрополита и великого князя московского запер все церкви в Нижнем.

Москва хотела утвердить свое влияние и в Тверском княжестве, пользуясь тамошними усобицами, но тверской князь Михаил Александрович, деятельный и смелый, не хотел уступить Москве без борьбы. Разумеется, он не мог противиться собственными силами и потому обратился к зятю своему (сестрину мужу) Ольгерду литовскому; следовательно, на эту вторую борьбу Твери с Москвою мы должны смотреть, собственно, как на борьбу московского князя с литовским по поводу тверского князя. У Ольгерда, по словам летописца, был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход; этою-то хитростию он и забрал города и волости, и Димитрий московский узнал о замыслах Ольгерда, когда уже тот стоял на границе с братом Кейстутотом, молодым сыном его Витовтом, своими сыновьями, Михаилом тверским и полками смоленскими. Димитрий не успел собрать войска, велел пожечь посады московские и заперся в каменном Кремле, только что построенном. Ольгерд не мог взять Кремля, но страшно опустошил окрестности Москвы, и Димитрий должен был помириться с Михаилом, уступив ему все у него захваченное. Но когда Ольгерд ушел, отвлекаемый на западе немцами, то московский князь, отдохнувши, вооружился опять против тверского и опустошил его княжество; Михаил опять бросился в Литву, Ольгерд опять вместе с ним осадил Москву, но, узнав, что на помощь ей собирается войско в Перемышле, заключил перемирие с Димитрием и возвратился назад.

Не видя большой пользы от союза с Ольгердом, Михаил поехал в Орду и вывез оттуда ярлык на великое княжение Владимирское, но Димитрий взял во Владимире и по всем городам этого княжества присягу с жителей не передаваться Михаилу; и действительно, владимирцы не пустили к себе этого князя. Чтоб отнять у Михаила всякую надежду на Орду, Димитрий сам поехал туда, задарил там всех, пожалован был великим княжением Владимирским и отпущен с большою честью; в это же время находился в Орде сын Михаила тверского Иван, наблюдавший за выгодами отца; этот Иван задолжал здесь 10 000 рублей; Димитрий московский заплатил долг и взял Ивана с собой в Москву, где он сидел, пока отец не выкупил его. Таким образом, тверской князь принужден был задолжать в Орде, а московский имел средства выкупить его: значит, борьба была неравная, и московский князь как богатейший

имел всегда возможность восторжествовать над соперниками. Не получив помощи от Орды, Михаил в третий раз повел Ольгерда на Москву; на этот раз Дмитрий приготовился, встретил Ольгерда с сильным войском у Любутска, заставил его бежать и заключил перемирие.

Дмитрий Донской и Тимофей Вельяминов. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Но усобицы в Твери и внутренние смуты в Москве повели опять к войне московского князя с тверским. Михаил тверской ссорился с своим родственником, удельным князем кашинским; тот, не будучи в состоянии бороться с Тверью собственными силами, прибегал под покровительство Дмитрия московского; с другой стороны, и Михаил нашел внутри

самой Москвы врагов Димитрию. В 1374 году умер тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов, и великий князь не назначил другого на это важное место. Сын покойного Иван, вероятно надеявшийся получить отцовское место и обманутый в своей надежде, сговорился с другим недовольным, купцом Некоматом, оба бежали к тверскому князю и успели побудить его снова искать великого княжения Владимирского.

Михаил отправил их в Орду, а сам поехал в Литву, и когда Некомат вынес ему ярлык из Орды, то он объявил войну московскому князю. Но он обманулся в своих расчетах: ни татары, ни Литва ему не помогли; осажденный в Твери Димитрием, он должен был заключить мир на всей воле московского князя; независимый великий князь тверской, не утрачивая титула «великий князь», обязался считать себя младшим братом Димитрия, равным удельному московскому, Владимиру Андреевичу: когда великий князь московский или брат его выступят в поход, то и тверской князь обязан садиться на коня; если пошлют воевод, то и он обязан послать своих воевод; Михаил должен был согласиться, чтоб княжество Кашинское было независимо от Тверского. Важное условие постановлено относительно татар; из него уже видно, какая большая перемена произошла во взгляде князей на татарские отношения. «Будем ли мы в мире с татарами, – говорил Димитрий, – дадим ли выход или не дадим – это зависит от нас: если татары пойдут на нас или на тебя, то нам биться вместе; если мы пойдем на них, то и тебе идти с нами вместе».

Наконец, Михаил должен был отказаться от союза с Литвою и даже обязался воевать с нею, если она нападет на московского князя. Иван Вельяминов, уехавший в Орду, вздумал было потом возвратиться в отечество, но на дороге был схвачен, приведен в Москву и торжественно казнен. Народ, которого толпы присутствовали при казни, плакал «о благородстве его и о величестве его». Как действительно знаменит был этот боярский род, видно из того, что за родным братом казненного, Николаем Вельяминовым, была замужем родная сестра великой княгини московской, дочь великого князя нижегородского. Во время войны с Тверью и Литвою, которые занимали преимущественно внимание Димитрия, у него была война и с великим князем рязанским, Олегом Ивановичем, в 1371 году; война эта окончилась также счастливо для московского князя, воевода которого, Димитрий Михайлович Волынский-Боброк, нанес Олегу жестокое поражение. В Рязани шла постоянная вражда между двумя княжескими линиями, рязанскою и пронскою; эта борьба помогала Москве точно так, как в Твери помогали ей усобицы между князьями тверскими и кашинскими.

Скоро после мира с Тверью московский князь избавился от опасного врага, который поддерживал Михаила тверского: в 1377 году умер Ольгерд; великим князем стал сын его, Ягайло, который не походил на отца, был недалек, ленив, бесхарактерен, любил удовольствия. По наговору любимца своего он начал ссоры с дядею, Кейстутом, князем Троким; сперва Кейстут осилил его и отнял великое княжение, но потом Ягайлу коварством удалось захватить Кейстута и сына его Витовта; Кейстут был умерщвлен, Витовту посчастливилось убежать в Пруссию, к немцам, которых он поднял против Ягайлы. Эти усобицы отняли у литовских князей средства враждебно действовать против Москвы и дали последней возможность обратить все свое внимание на восток, на татар. Димитрий вырос в неповиновении хану, два раза в детстве своем ходил он отнимать Владимирское княжение у Димитрия суздальского, у которого был ярлык ханский.

Княжество Московское постоянно усиливалось, тогда как Орда видимо ослабевала вследствие внутренних смут, усобиц и ничтожные ханы, подчиненные могущественным вельможам, свергаемые ими, теряли все более и более свое значение, переставали внушать страх.

От страха перед татарами начал отвыкать русский народ и потому, что со времен Калиты перестал испытывать их нашествия и опустошения; возмужало целое поколение, которому чужд был трепет отцов пред именем татарским; московский князь, находившийся

во цвете лет, в самом полном развитии сил, был представителем этого нового поколения. С малолетства привык Дмитрий действовать иначе, нежели действовали дед, дядя и отец его; в детстве с оружием в руках добыл он себе великое княжение Владимирское; потом, выросши, не выпускал из рук оружия, выдержал опасную борьбу с Литвою, Тверью, Рязанью и вышел из нее победителем с полным сознанием своих сил. Неудивительно, что такой князь решился первый поднять оружие против татар.

Князья пограничных княжеств, Рязанского и Нижегородского, перестали терпеливо сносить татарские нападения и прогоняли разбойников; великий князь московский заботливо сторожил от них берега Оки; по окончании борьбы с Литвою и Тверью он впервые после татарского ига начал наступательное движение на восток, на страну волжских болгар, или на Казань, и заставил князей ее заплатить себе дань. В 1377 году московские и нижегородские войска были поражены татарским царевичем Арапшею на реке Пьяне по самонадеянности воевод, но эта самая самонадеянность уже показывала, что на Руси перестали бояться татар и получили выгодное понятие о своих собственных силах. В следующем 1378 году Мамай отправил князя Бегича с большим войском на Дмитрия московского, но тот вышел навстречу к Бегичу и поразил его на реке Воже.

Наконец, в 1380 году Мамай решился двинуться сам со всеми своими силами, чтоб наказать Дмитрия; Ягайло литовский обещал также соединиться с ним; великий князь рязанский Олег, которого пограничное княжество больше всех других страдало от татар, испуганный союзом Орды с Литвою, не надеясь, чтоб Дмитрий осмелился вступить с ними в борьбу, вошел в переговоры с Мамаем и Ягайлом. Но Дмитрий не испугался: собравши как можно больше войска в своих областях и в областях князей подручных, подкрепленный нравственно благословением и увещанием св. Сергия, игумена троицкого, Дмитрий выступил в поход, переправился за Дон и 8 сентября при устье Непрядвы, на Куликовом поле, дал татарам битву, которая была решена в пользу русских засадным отрядом, находившимся под начальством князя Владимира Андреевича и боярина Волынского-Боброка.

Битва на реке Пьяне. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Куликовская победа была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением; победителей погибло так много, что летописец говорит: «Оскудела совершенно вся земля русская воеводами и слугами и всяким воинством, и от этого был страх большой по всей русской земле». Мамай, возвратившись в Орду, собрал опять большое войско, с тем чтоб идти на московского князя, но был остановлен другим врагом: на него напал хан заяицкий (зауральский) Тохтамыш, выгнал его и овладел Золотою Ордою.

Тохтамыш отправил к русским князьям послов, известил их о своем воцарении, князья приняли послов с честью, отправили своих послов с дарами для нового хана, но сами к нему не поехали с поклоном. Тохтамыш сердился и думал о том, как бы заставить русских вспомнить о своих недавних повелителях. В 1382 году внезапно с большим войском перевезся он через Волгу и пошел к Москве, наблюдая большую осторожность, чтоб в русской земле не узнали о его походе. Эта осторожность показывала лучше всего перемену, произведенную Куликовскою битвою: хан надеется иметь успех, только напавши врасплох на московского князя, боится встретить его приготовленным в чистом поле, употребляет осторожность, хитрость, орудие слабого, и тем самым обнаруживает слабость Орды перед новым могуществом Руси. Великий князь Дмитрий, узнавши о приближении татар, не мог собрать достаточного числа войска, потому что области его оскудели народом после Куликовской битвы, и потому уехал на север собирать полки.

Тохтамыш осадил Москву, не мог взять ее силою, взял коварством и опустошил, но, узнавши, что великий князь собирает полки на севере, а брат его Владимир Андреевич стоит с войском на западе, тотчас ушел назад. Несчастьем Москвы спешил воспользоваться тверской князь Михаил и поехал в Орду за ярлыком; это заставило Дмитрия отправить в Орду сына своего Василия с боярами; Тохтамыш был удобрен, но для этого Дмитрий должен был наложить тяжелую дань на свои области, и без того уже опустошенные.

Кроме татар после Куликовской битвы Дмитрий воевал с Олегом рязанским; силою нельзя было принудить к миру этого смелого и любимого своим народом князя, и потому отправился в Рязань троцкий игумен св. Сергей, он тихими и кроткими речами склонил Олега к миру с Москвою. Были ссоры у Дмитрия и с двоюродным братом его Владимиром Андреевичем; до нас дошли любопытные договоры между двоюродными братьями, показывающие перемену в отношениях между князьями; младший брат обязывается держать княжение старшего честно и грозно, служить ему без ослушания, а старший обещается кормить его по его службе: прежние родственные отношения заменяются служебными. Владимир обязался не домогаться московской отчины Дмитриевой и великого княжения Владимирского не только при жизни самого Дмитрия, но и при сыновьях его; впервые дядя признал старшинство племянника и обязался служить ему. Подобно предшественникам своим, Дмитрий ходил войною на новгородцев и взял с них деньги за мир; причиною похода были разбои новгородской вольницы на Волге. Псковичи продолжали воевать с немцами.

Б. А. Чориков. Великий князь Дмитрий Донской утверждает новый порядок наследования

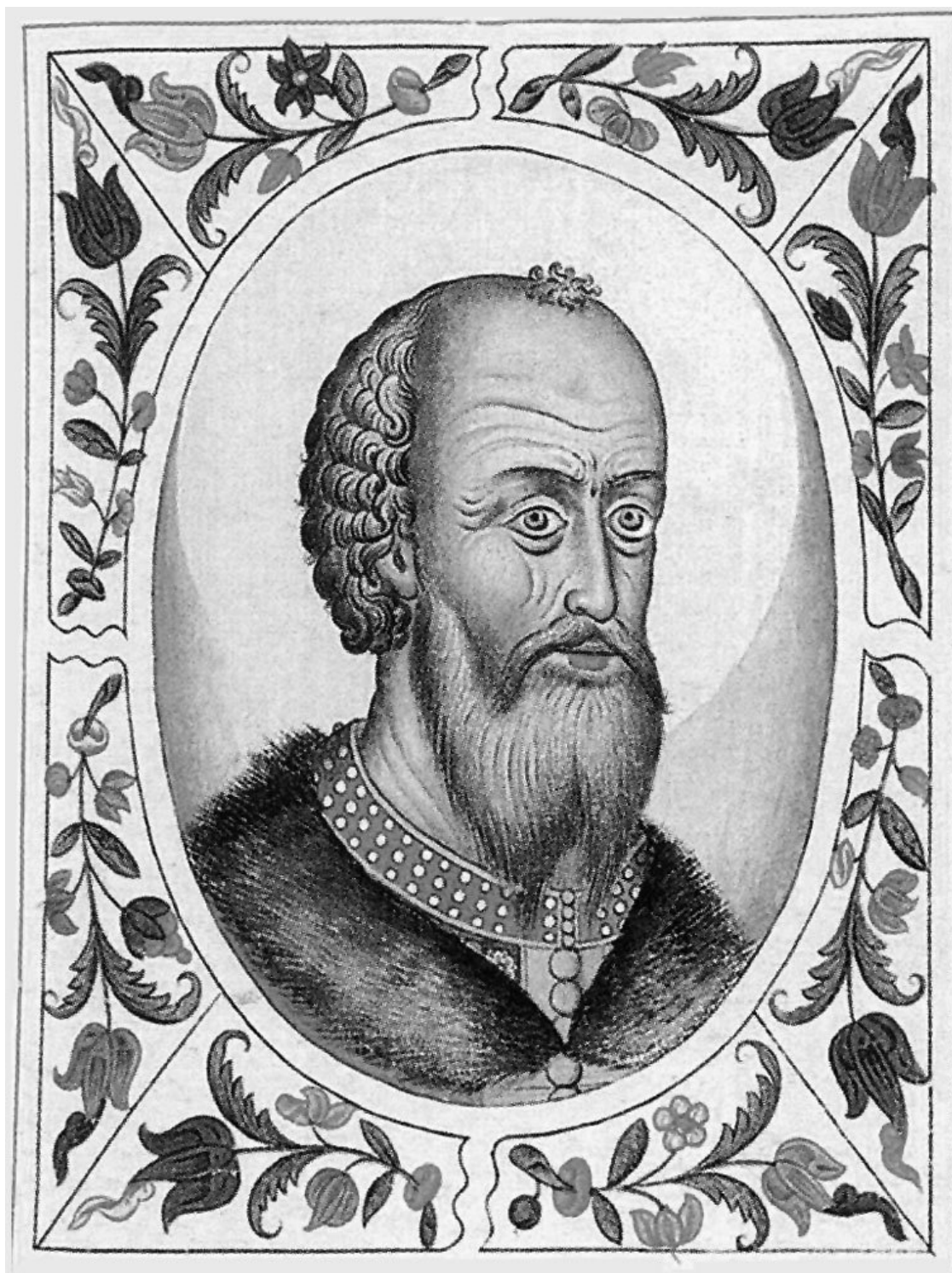
Димитрий, прозванный Донским за куликовскую победу, умер в 1389 году, еще только 39 лет от рождения. Дед, дяди и отец Димитрия в тишине приготовили средство к борьбе открытой с татарами; Димитрий умел воспользоваться этими средствами, умел развернуть приготовленные силы и дать им вовремя надлежащее употребление. Богатое событиями княжение Димитрия, протекшее с начала до конца в упорной и важной борьбе, легко затмило бедные событиями княжения предшественников; куликовская победа сильно поразила воображение современников, надолго осталась в памяти потомства, и победитель Мамай получил подле Александра Невского самое видное место между князьями новой северо-восточной Руси. Важные следствия деятельности Димитрия обнаруживаются в его духовном завещании; в нем встречаем неслыханное прежде распоряжение: московский князь благословляет старшего своего сына Василия великим княжением Владимирским, которое зовет своею вот-

чиною; Донской уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля и не стесняется тем, что хан может дать ярлык кому-нибудь из них.

Глава XXII. Василий Димитриевич

Сын Донского, Василий Димитриевич, в самом начале княжения своего показал, что главною целью его будет увеличение своего княжества на счет других, собирание русской земли. Через год после того как посол Тохтамышев посадил его на великокняжеский стол во Владимире, Василий поехал в Орду и купил там ярлык на княжество Нижегородское, которое незадолго перед тем выпросил себе в Орде же Борис Константинович, двоюродный дед московского князя по матери; с другой стороны, Василий преклонил на свою сторону бояр нижегородских, которые и выдали ему своего князя.

По тому же ярлыку кроме Нижнего Василий приобрел Городец, Муром, Мещеру, Тарусу. Но у Бориса нижегородского оставалось двое племянников, сыновья Дмитрия Константиновича, следовательно, родные дядья по матери московскому князю. Последний не оставил их спокойно княжить в Суздальской области, они выбежали оттуда в Орду добиваться ярлыков на отчину свою и долго беспокоили Василия вместе с сыновьями Бориса Константиновича; потомки их не отставали от своих притязаний и при сыне Василия, но при внуке его все должны были вступить в службу московскую. Василий хотел было приобрести также и владения Новгорода Великого в области Северной Двины; это ему не удалось, зато он утвердил свое влияние в Пскове, который с этих пор начинает принимать князей от руки великого князя московского. В Твери по смерти Михаила Александровича, знаменитого соперника Донского, знаменитого установлением внутреннего порядка в своем княжестве, начались усобицы: наследник Михаила великий князь тверской по обычаю хотел привести в свою долю младших братьев. Великий князь московский не мог воспользоваться усобицами тверскими по причине дел татарских и литовских.

Василий I Дмитриевич. Портрет из «Титулярника», 1672 г.

В конце XIV века для Азии повторились времена Чингисхана: сын небогатого чагатайского князька Тимур, или Тамерлан, начал в половине века поприще свое мелким грабежом и разбоями, а в 1371 году владел уже землями от Каспийского моря до Маньчжурии. Ему был обязан Тохтамыш престолом Золотой Орды, но не хотел быть благородным, вооружился против Тамерлана, потерпел поражение и принужден был спасаться бегством в лесах болгарских, и Тамерлан вошел в русские пределы, взял Елец, пленил его князя, опустошил окрестную страну. Нападение не было нечаянное, и Василий Дмитриевич имел время при-

готовиться; он собрал большое войско и стал на границах своего княжества, на берегу Оки. Но он не дождался врага: простоявши 15 дней в земле Рязанской, опустошивши оба берега Дона, Тамерлан вышел из русских пределов в тот самый день, когда москвичи встретили образ Богородицы, принесенный из Владимира; образ этот остался с тех пор в Москве, в Успенском соборе как главнейшая святыня столицы.

После разгрома Тамерланова Золотая Орда долго не была опасна московскому князю. Несколько ханов переменялось в ней, а Василий не думал не только ездить сам к ним на поклон, но даже не посылал никого; на требование дани отвечал, что княжество его стало бедно людьми, не на ком взять выхода, тогда как татарская дань шла в казну великокняжескую; наконец, обращение с татарами переменялось: над послами и купцами ордынскими начали смеяться в областях московских, мстить им за прежнее разными притеснениями.

В это время, как во время Мамаево, всеми делами в Орде заправлял князь Едигей; долго терпел он презрительное обращение московского князя с бывшими повелителями, наконец решился напомнить о себе. Но подобно Тохтамышу, и Едигей не осмелился явно напасть на Москву, встретиться в чистом поле с ее полками; только от хитрости и тайны ждал он успеха: в 1408 году он дал знать Василию, что хан со всею Ордою идет на Литву, а сам с необыкновенною скоростью устремился к Москве. Василий Димитриевич, застигнутый врасплох, оставил защищать Москву дядю Владимира Андреевича да братьев своих, а сам уехал в Кострому. Едигей осадил Москву, разослал отряды в разные стороны для опустошения областей великокняжеских и хотел зимовать под столицей, надеясь взять ее голодом, но из Орды пришли дурные вести: кто-то напал там на хана, и Едигей принужден был спешить домой, взявши с москвичей 3000 рублей за отступление, ибо москвичи не знали, что он отступает поневоле.

Ослабленные татары могли вредить России только внезапными разбойническими нападениями; опаснее была Литва, которая домогалась завоеваний прочных. Ягайло, угрожаемый немецким орденом, под покровительство которого отдался Витовт, примирился с двоюродным братом. В это время шел важный для Восточной Европы вопрос о том, кто будет мужем молодой польской королевы Ядвиги, дочери короля Людовика; польские вельможи заставили Ядвигу отдать свою руку Ягайлу литовскому, потому что тот обещал принять католицизм сам и со всем литовским народом и соединить навеки свои владения, т. е. Литву и Русь, с Польшею.

Он исполнил обещание, заставил тех литовцев, которые еще не приняли христианства по православному исповеданию, принять его по латинскому, но вследствие этого в областях литовско-русских стали теперь друг подле друга два враждебных исповедания, что послужило неодолимым препятствием к внутреннему прочному слиянию западной, литовской России с Польшею, хотя Ягайло и преемники его сильно старались поддержать внешнее их соединение.

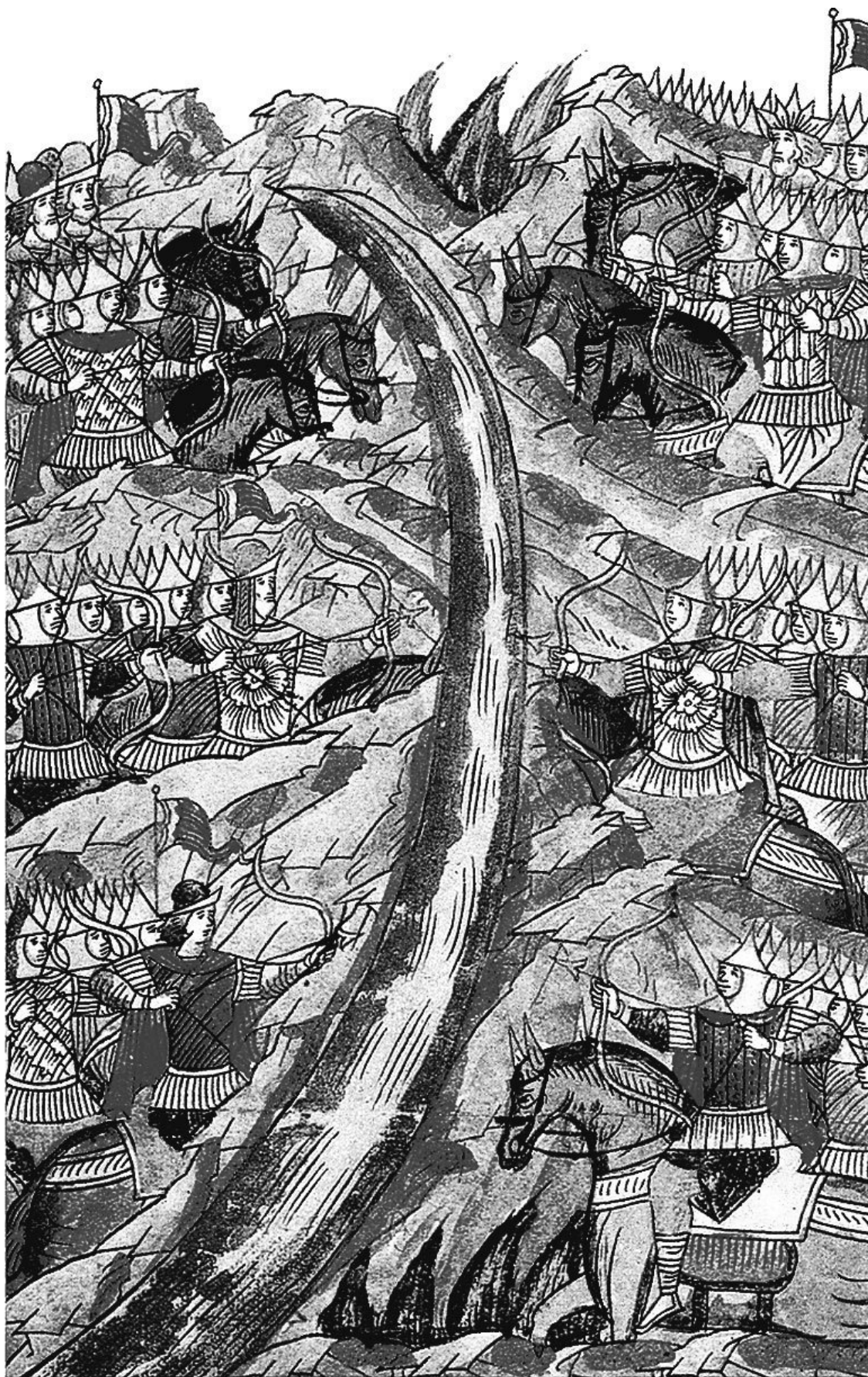

Свадьба великого князя Литовского Ягайло и польской королевы Ядвиги. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Но если Ягайлу и полякам хотелось присоединить Литву к Польше, то литовцам не хотелось потерять своей самостоятельности, и они поддерживали замыслы Витовта, который, заставив Ягайла признать себя великим князем литовским в зависимости от Польши, тяготился этою зависимостью и хотел получить для себя независимую королевскую корону. Этот-то Витовт, стремясь, с одной стороны, к самостоятельности и королевскому титулу в Литве, с другой – стремился увеличить свои владения на востоке на счет областей русских, несмотря на то что родная дочь его, Софья, была замужем за Василием Дмитриевичем, великим князем московским. В Смоленске в это время происходили убоицы между кня-

зьями вследствие всеобщего тогда стремления великих князей заставить служить себе удельных, слабейших. Этим воспользовался Витовт и захватил Смоленск обманом, выставивши себя посредником между его князьями; старший из этих князей, Юрий, с помощью рязанского великого князя Олега отнял было Смоленск у Витовта, но ненадолго; когда Юрий уехал в Москву просить Василия Дмитриевича о помощи, Витовт подступил к Смоленску и овладел им окончательно с помощью тамошних бояр.

Но одного Смоленска было мало Витовту: он обратил свои властолюбивые виды на Новгород Великий и на самую Москву. Принявши в свое покровительство изгнанного Тохтамыша, он взялся доставить ему Золотую Орду с условием, чтоб тот помог ему овладеть Москвою. Но возвратить Тохтамышу престол ордынский Витовту не удалось, потому что он потерпел страшное поражение от Едигея на берегах Ворсклы в 1399 году. Отдохнувши от этого поражения, Витовт напал на Псковскую область; новгородцы и псковичи послали просить помощи в Москву, и Василий Дмитриевич объявил войну тестю; три раза полки московские сходились с литовскими, но битвы не было, потому что и Витовт и Василий отличались одинаковою осторожностью. Витовт был, таким образом, удержан от дальнейших замыслов на восточную Россию; река Угра, на которой встретился он в последний раз с великим князем московским, назначена была границею между литовскими и московскими владениями; так эта граница была близка от Москвы! Но здесь был последний предел распространения литовских владений в русских областях.

Стояние на Угре. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Василий Димитриевич умер в 1425 году. Главными советниками его были сначала боярин Федор Андреевич Кошка, а потом сын его Иван.

Глава XXIII. Василий Васильевич Темный

Василий Димитриевич оставил одного малолетнего сына, Василия, под опекою матери его Софьи Витовтовны. До сих пор не было усобиц в роде князей московских: мы видели, что двоюродный брат Донского, Владимир Андреевич, без борьбы уступил старшинство племяннику Василию Димитриевичу, но этот брат Донского был, во-первых, брат двоюродный, во-вторых, не мог занять старшего стола по *отчине*: отец его не был великим князем московским и владимирским; у Василия же Димитриевича были родные братья, из которых старший по нем был Юрий Димитриевич звенигородский и галицкий (Галича костромского).

Этот князь, считая себя по старине полноправным наследником старшинства, отказался признать старшинство племянника Василия Васильевича, отказался признать новый порядок престолонаследия от отца к сыну. Несмотря на то, молодой Василий начал княжить в Москве, ибо у Юрия не было средств силою вытеснить его оттуда. Чтоб избежать войны, дядя и племянник согласились ехать в Орду и положиться на решение хана; в Орде благодаря ловкости боярина московского Ивана Димитриевича Всеволожского хан объявил, что великим князем должен быть Василий, но Юрий не хотел успокоиться на ханском решении и, возвратясь домой, ждал только благоприятного для себя случая начать борьбу с племянником. Этот случай скоро представился.

Василий Васильевич, будучи в Орде, дал обещание боярину своему Всеволожскому жениться на его дочери, но по приезде в Москву мать великого князя Софья Витовтовна никак не согласилась на этот брак и настояла, чтоб сын обручился на княжне Марье Ярославне, внучке Владимира Андреевича. Тогда рассерженный боярин Иван Димитриевич отъехал из Москвы к князю Юрию и начал поднимать его на племянника; в то же время сыновья Юрия, приехавшие на свадьбу к великому князю, были оскорблены Софьею Витовтовною, и это послужило предлогом к войне. Василий Васильевич, праздновавший свою свадьбу, вовсе не был готов к войне, выступил против дяди с наскоро собранными нестройными толпами, был разбит наголову и взят в плен.

П. П. Чистяков. Великая княгиня Софья Витовтовна, срывающая пояс с Василия Косого на свадьбе Василия Темного

Юрий вступил в Москву и сел на столе великокняжеском, племяннику же Василию отдал в удел Коломну по совету любимца своего, боярина Морозова, но как скоро Василий приехал в этот город, то начал призывать к себе отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться к нему князья, бояре, дворяне, потому что, говорит летописец, не привыкли они служить галицким князьям: дружина так уже привыкла теперь к преемству престола от отца к сыну, что старший в роде, дядя, считался каким-то чужим князем, служить которому было унижительно, тогда как молодой сын покойного великого князя уже считался великим князем. Увидавши, что около Василия в Коломне собралось большое войско, с которым не сладить, сыновья Юрия, Василий Косой и Димитрий Шемяка, в припадке досады и злости убили боярина Морозова за то, что присоветовал отцу их возвратить Василию Васильевичу свободу и дать удел. Убегая отцовского гнева, убийцы уехали из Москвы; тогда Юрий, видя себя оставленного всеми, послал к племяннику звать его обратно на великое княжение, а сам уехал в Галич, сопровождаемый только пятью человеками. Он заключил с Василием Васильевичем договор, в котором обязался не принимать к себе сыновей – Косого и Шемяку и признал племянника старшим братом.

Понадеявшись на обещание дяди, Василий отправил войско против Косого и Шемяки, но те разбили москвичей; узнавши, что Юрий не сдержал обещания, что полки его помогали Косому и Шемяке, великий князь опять начал войну с дядею, которая опять кончилась для него несчастливо: он принужден был бежать из Москвы и собирался уже в Орду, как вдруг узнал о скоропостижной смерти Юрия и о том, что сын последнего, Василий Косой, занял престол московский по новому обычаю, потому что по старине старшинство в роде по смерти Юрия принадлежало Василию Васильевичу как сыну старшего брата. Но Косой, оставленный даже и родными братьями, Шемякою и Димитрием Красным, не мог удержаться в Москве. Лишенный и великого княжения, и удела своего – Звенигорода, Косой не

переставал однако ж воевать с Василием Васильевичем, опустошая его области; наконец был разбит, взят в плен и ослеплен.

Во время этой усобицы умерли и три остальные сына Донского, дядя Васильевы; двое из них умерли бездетны, а третий, Андрей, оставил двоих сыновей: Ивана, князя можайского, и Михаила, князя верейского.

Борьба великого князя с двоюродными братьями возобновилась по поводу дел татарских. В 1437 году хан Улу-Махмет, изгнанный из Золотой Орды братом своим, засел в опустелой от русских набегов Казани, поставил себе город на новом месте и в 1439 году явился нечаянно под Москвою. Великий князь не успел собраться с силами и уехал за Волгу; хан стоял 10 дней под Москвою, взять ее не мог, но наделал много зла русской земле. В 1445 году татары Улу-Махметовы опять появились на русских границах, и великий князь вышел против них с небольшим войском, всего тысячи с полторы, потому что полки других князей не успели собраться; подле Суздаля сошлись русские с татарами и потерпели сильное поражение, сам великий князь попался в плен и был отведен в Казань. Татары не пошли дальше, и хан отправил посла к Шемяке, который принял его с большою честью и отправил с ним вместе в Казань своего посла уговаривать Улу-Махмета, чтобы не отпускал Василия на великое княжение. Но так как послы эти долго не приезжали в Казань, то хан, думая, что посол его убит Шемякою, вошел в переговоры с своим пленником и согласился отпустить его в Москву за известную сумму денег; кроме того, с Василием выехало много татар, которых он принял в свою службу.

Приезд этих неприятных гостей и тяжелые подати, наложенные для того, чтобы собрать обещанные хану деньги, возбудили неудовольствие, которым спешил воспользоваться Шемяка: он начал сноситься с великим князем тверским Борисом и князем можайским Иваном Андреевичем, сообщил им слух, который носился тогда об условиях Василия с ханом Махметом, именно шла молва, будто великий князь обещал отдать хану все Московское княжество, а сам брал себе Тверь. Князья тверской и можайский поверили и согласились действовать заодно с Шемякою, в пользу которого составилась в Москве заговор. В 1446 году заговорщики дали знать союзным князьям, что Василий поехал на богомолье в Троицкий монастырь. Шемяка и можайский князь ночью 12 февраля овладели врасплох Москвою, схватили мать и жену великого князя, казну его разграбили, верных бояр перехватывали, и в ту же ночь князь можайский отправился к Троице с большою толпою вооруженных людей, схватил там Василия, вовсе не ожидавшего беды, и привез его в Москву; здесь его ослепили, сказавши ему такие вины: «Зачем привел татар на русскую землю и города с волостями отдал им в кормление? Татар и язык их любишь сверх меры, а христиан томишь без милости; золото, серебро и всякое имение отдаешь татарам; наконец, зачем ослепил князя Василия Юрьевича?»

Шемяка отослал слепого (Темного) Василия в Углич и провозгласил себя великим князем, но не мог удержаться в Москве с своими малочисленными приверженцами; большинство было за Василия. Приверженцы его, и убежавшие в Литву (как то: князь Василий Ярославич серпуховской, брат жены Васильевой, князь Оболенский, Басенок), и оставшиеся в московских областях, как то: князья Рязполовские и многие дети боярские, явно действовали в его пользу; Шемяка, особенно по настоянию епископа Ионы, назначенного в митрополиты, решился освободить Василия и дал ему в удел Вологду, взявши клятву не искать великого княжения. Но приверженцы Василия ждали только его освобождения и толпами кинулись к нему; игумен Кириллова Белозерского монастыря разрешил его от клятвы, данной Шемяке, и Василий с своими приверженцами отправился к Твери, которой князь Борис Александрович обещал ему помочь с условием, чтоб он обручил своего старшего сына и наследника Ивана на его дочери Марье: жениху было тогда только семь лет; Василий согласился и с тверскими полками пошел на Шемяку к Москве, а с другой стороны шли туда же из Литвы

князь Василий Ярославич серпуховской с товарищами своего изгнания. Шемяка вместе с князем Иваном Можайским выступил против Василия, но в его отсутствие Москва так же внезапно и легко была захвачена приверженцами последнего, как прежде приверженцами Шемяки, который, узнавши о потере столицы, не бившись с Василием, убежал в Каргополь и заключил мир с Василием в 1447 году, отказавшись от великого княжения и от некоторых своих волостей.

Но мир не был продолжителен; везде: в Великом Новгороде и Казани, между князьями удельными и в стенах самой Москвы – Шемяка заводил крамолы, хотел возбудить нерасположение к Василию. Тот отдал свое дело на суд духовенству, которое отправило к Шемяке грозное послание. Послание это замечательно тем, что в нем духовенство вооружилось прямо против старого порядка престолонаследия; укоряя отца Шемякина, князя Юрия, за то, что он не по праву искал великого княжения под племянником, духовенство грозило проклятием Шемяке, если он не будет исполнять условий договора, заключенного им с великим князем. Шемяка не послушался увещаний духовенства и несколько раз возобновлял войну; лишенный своего удела, Галича костромского, он скрылся в Новгороде Великом и продолжал оттуда нападать на земли великокняжеские; наконец, в 1453 году он умер в Новгороде от отравы, присланной из Москвы. Сын Шемяки, Иван, ушел в Литву, где дали ему волости.

Но кроме Шемяки в Московском княжестве оставались еще другие удельные князья, от которых Василий хотел избавиться; он начал с союзника Шемякина, князя Ивана Можайского, который не послушался митрополита, два раза звавшего его на помощь к великому князю против татар; Можайский князь не мог бороться с московским, убежал в Литву, и удел его присоединен к Москве. Потом великий князь за какую-то неизвестную нам крамолу велел схватить в Москве и заточить брата жены своей, серпуховского князя Василия Ярославича, которого удел также был присоединен к Москве. Таким образом, из всех уделов Московского княжества остался только один – Верейский, где княжил Михаил Андреевич, ведший себя так спокойно, что не мог возбудить никакого опасения со стороны великого князя. Так кончилась усобица между князьями московскими, потомками Калиты. Вместо того чтоб раздробить, ослабить это княжество, отнять у него приобретения прежних князей, она кончилась тем, что Василий Васильевич, вовсе не превосходивший своих предшественников личными достоинствами и к тому еще слепой впоследствии, уничтожил уделы (кроме одного) в Московском княжестве и удержал приобретения отцовские и дедовские: так новый порядок вещей уже был крепок в Московском княжестве, так отвыкли здесь повиноваться удельным князьям мимо сына великого князя.

Б. А. Чориков. Жители Можайска требуют милосердия у великого князя Василия Темного

Но в то время как в Московском княжестве происходила эта усобица между правнуками Калиты, усобица первая и последняя, в это время что же делали великие князья, давние соперники московских, князь рязанский и тверской? Отчего они не воспользовались усобицею и не постарались усилиться на счет Москвы? Они были так слабы, что им не приходило и на мысль подобное предприятие, им оставалось на выбор – подчиниться московским или литовским великим князьям, смотря по тому, которые из них возьмут верх. Когда усиление Московского княжества было приостановлено усобицею между потомками Калиты, рязанский князь почел нужным примкнуть к Литве и заключил с Витовтом договор, в котором отдался ему на службу; князья Пронский, Новосильский, Одоевский и Воротынский сделали то же самое. Таким образом, чего с одной стороны не успевали сделать князья московские, то с другой доканчивали литовские, отнимая независимость у князей восточной Руси, заставляя их вступать к себе в службу. Но когда Витовт умер, и Литва ослабела от междоусобий, тогда тот же рязанский князь Иван Федорович примкнул к Москве и, умирая, отдал маленького сына на руки великому князю Василию: последний перевез малютку вместе с сестрою к себе в Москву, а в Рязань и другие города княжества послал своих наместников.

И тверской великий князь также сначала колебался между союзом московским и литовским, но под конец предпочел союз с Василием Темным.

Но если во время усобиц московских Рязань и Тверь колебались между Москвою и Литвою, то Новгород Великий хотел быть самостоятельнее; новгородцы следовали правилу признавать победителя своим князем, а между тем давать у себя убежище и побежденному, но это, разумеется, не нравилось победителю. Мы видели, что они держали Шемяку до самой его смерти, несмотря на увещания митрополита Ионы не сообщаться с отлученным от Церкви князем. Новгородцы должны были ждать мести от Василия, и действительно, в 1456 году великий князь выступил против Новгорода, и воеводы его, князь Стрига-Оболенский и Федор Басенок, разбили новгородцев, которые принуждены были купить мир за 10 000 рублей. Но на этот раз великий князь не довольствовался одними деньгами и заставил новгородцев отказаться от права раздавать грамоты на вече без участия великого князя или его наместников, заставил их принять свою великокняжескую печать и присягнуть, что не будут принимать никого из враждебных ему князей. Во Пскове власть московского князя утвердилась еще более.

Литва не мешала Василию утверждать свою власть в Рязани, Новгороде и Пскове. Страшный Витовт умер в 1430 году; великим князем в Литве провозглашен был родной брат Ягайлов, Свидригайло Ольгердович, который хотел непременно возратить Литве независимость от Польши; началась усобица между братьями; поляки выставили Свидригайлу соперника в брате Витовта, Сигизмунде Кейстутовиче, который согласился признать свою зависимость от короны польской. Вследствие этого произошло разделение: Литва стала за Сигизмунда, русские области остались верны Свидригайлу, и усобица между ними не прекращалась. Ягайло умер в 1434 году, и поляки выбрали себе в короли сына его Владислава III, который после получил и престол венгерский. В Литве жестокий и безнравственный Сигизмунд был убит вследствие заговора, и поляки прислали на его место молодого Казимира Ягайловича, брата короля Владислава, в качестве наместника польского, но литовцы провозгласили его великим князем. В 1444 году Владислав, король польский и венгерский, пал в битве с турками при Варне, и это событие повело опять к соединению Литвы с Польшею, ибо поляки выбрали Казимира себе в короли. Затруднительно было положение этого короля между стремлениями поляков присоединить к себе некоторые литовские области, Волынь, Подолию, и между стремлениями литовцев удержать в целости свои владения и свою независимость от Польши; иногда дело доходило до явного разрыва, и больших усилий стоило Казимиру отвратить кровопролитие, а с другой стороны, дела немецкого ордена отвлекали его внимание на запад.

Понятно, что при таких обстоятельствах Литва не могла воспользоваться московскими усобицами, помешать Василию Темному собрать московские уделы и усилить свою власть в соседних княжествах. В последнее время своей жизни Василий думал нанести окончательный удар Новгороду Великому; только архиепископ новгородский Иона, пользовавшийся всеобщим уважением, успел удержать его от похода, уговаривая обратить все свое внимание на татар, врагов христианства, которые действительно не переставали нападать на русские области.

В 1462 году умер Василий Васильевич, оставив престол великокняжеский старшему сыну Иоанну, которого еще при жизни своей объявил великим князем и соправителем: все грамоты писались от имени двоих великих князей. Димитрий Донской первый решился благословить старшего сына великим княжением Владимирским, потому что не боялся ему соперников ни из Твери, ни из Нижнего; Василий Дмитриевич не решился благословить сына своего утвердительно Владимиром, зная о притязаниях брата своего Юрия. Василий Темный не только благословляет старшего сына своего отчиною, великим княжением, но считает область великого княжества Владимирского неразрывно соединенною с Москов-

ским княжеством, вследствие чего Владимир и другие города его области смешивает с городами московскими. Кроме Иоанна у Василия осталось еще четверо сыновей: Юрий, Андрей Большой, Борис и Андрей Меньшой, которым всем он дал уделы, но старший, Иоанн, получил городов гораздо больше, чем все остальные братья вместе, не говоря уже о значении городов и величине областей. Таким образом, старшему даны были все средства держать младших под своей рукою.

Глава XXIV. Внутреннее состояние русского общества от половины XIII до половины XV века

1. Главные явления означенного времени

С половины XIII до половины XV века главные явления были, во-первых, отделение России западной от восточной: западная, истощенная усобицами и опустошенная кочевыми ордами, не могла сохранить своей самостоятельности, собраться в одно целое собственными средствами и должна была подчиниться князьям литовским, а потом вместе с Литвою соединилась с Польшею, Галицкое же королевство непосредственно подчинилось Польше. Русь северо-восточная, имевшая более свежих сил, с которыми недавно выступила на историческую сцену и тотчас же приобрела явный перевес над западною, – Русь северо-восточная могла самостоятельно, собственными средствами собраться, составить одно государство.

Разумеется, ей помогли в этом разные благоприятные обстоятельства: нашествие Батыево не повторялось, татары откочевали далеко, ханы, получая дань и дары от князей, не принимали никакого участия во внутренних делах России, вовсе не понимали того, что там делается: вместо того чтоб поддержать усобицы, не давать сильнейшим князьям усиливаться на счет других, они поступали наоборот, принимали и отпускали от себя с великою честью и с пожалованиями князей, которые давали им больше денег, не предугадывая, что это самые опасные для них князья. На западе опасных соседей также не было у северо-восточной Руси: Литва не пошла дальше Угры, не могла овладеть ни Новгородом, ни Псковом, ибо сначала сдерживалась немецким орденом, а потом усобицами и затруднительными отношениями к Польше. Наконец, к счастью для северо-восточной Руси, в Ярославле Всеволодовиче и его потомстве она имела князей деятельных и благоразумных, неуклонно стремившихся к одной цели – усилиться на счет других, примыслить к своему отдельному княжеству как можно больше волостей, заставить других князей сделаться из родственников слугами.

А. М. Васнецов. Двор удельного князя

В старой, юго-западной Руси мы видели, что князья владели землею сообща, целым родом, переменяя волости по старшинству, в новой же, северо-восточной Руси хотя Владимир с своею областью и считается собственно великим княжением, но великие князья не живут более в нем, остаются в своей вотчине: тверские – в Твери, московские – в Москве; в старину род княжеский сохранял свое единство и потому имел одного старшего, великого князя; теперь же этого единства больше нет, и потому является несколько великих князей: так называется московский князь, и тверской, и рязанский, и нижегородский. В старину, при единстве княжеского рода, великому князю наследовал не сын его, но старший по нем в целом роде, дядя имел преимущество перед племянником, имел для племянника значение отца; если и были попытки племянников, сыновей от старшего брата, отнимать старшинство у дядей, младших братьев отцовских, то попытки эти были неудачны, встречали неодобрение в обществе как дело преступное, греховное; теперь же на севере все эти старые предания ослабели: племянники с успехом вооружаются против дядей, отнимают у них великое княжение Владимирское, младшие братья отнимают старшинство у старших; великие князья стараются передать великое княжение своим сыновьям, минуя братьев, стараются заставить последних отказаться от своих прав в пользу племянника. Так как от старых родовых представлений и названий еще не освободились, новые еще не выработались отчетливо, то употребляются странные выражения: дядя, например, обязывается считать племянника старшим братом, отцом! Дядя, разумеется, противится, не хотят отказываться от своих прав, но их сопротивление напрасно, ибо против них идет теперь целое общество, что так ясно обнаружилось во время борьбы Василия Васильевича с дядею Юрием: все ратные люди бросились к молодому Василию в Коломну, не желая служить галицкому князю, дяде, старшему в роде; духовенство вооружается против поступка Юрьева, как против греха, сравнивает его с грехом праотца Адама, захотевшего быть равным Богу. Таким образом, новый порядок престолонаследия утвердился на самом деле, но не по закону; мы теперь знаем, что после императора наследник – старший сын его, ибо таков закон империи, но в XV веке закона

не было, и потому, чтоб упрочить престолонаследие за сыном, великий князь должен был прибегать к самому Делу; так, Василий Васильевич при жизни своей назвал сына своего Иоанна великим князем, присоединяя имя его к своему собственному во всех грамотах.

Из XIV и XV веков до нас дошло много духовных завещаний и договорных грамот княжеских, из которых можем видеть, как постепенно, но очень медленно происходила перемена прежних, родовых отношений между князьями на новые, служебные: сюда относятся выражения, что младший должен держать старшего *честно и грозно*, обязан служить ему, а тот обязан кормить его по его службе; младшие, удельные князья не имели права непосредственно сноситься с ханом, *знать Орду*, как тогда выражались. В завещаниях князья обыкновенно дают большое значение женам своим: отказывают им богатые волости, приказывают сыновьям во всем слушаться матери, которой дается право в случае смерти одного сына разделять его удел между оставшимися в живых; поэтому князья-братья начинали договоры свои так: «По слову и благословению матери нашей». Такое значение матерей имело религиозное основание: «держи мать свою в чести и матерстве, как Бог сказал», говорят князья сыновьям в завещаниях; поэтому и духовенство во имя религии подтверждало эти приказания.

2. Татарское влияние

И теперь в новой, северной Руси вступление великого князя на престол сопровождалось обрядом посажения, с тем, однако, различием, что теперь сажал на стол посол татарский, в чем ясно выражалась зависимость князя от хана. Как же велика была эта зависимость? При описании первых времен татарского ига говорится, что Батый поставил наместников (баскаков) своих по всем городам русским; в известии о перечислении для наложения поголовной дани говорится, что численники поставили десятников, сотников, тысячников, темников (десятитысячников).

Под 1266 годом летописец уже говорит, что притеснения татарские ослабели; потом не находим уже больше известий о баскаках на севере: после 1375 года не упоминается более о перечислении – знак, что ханы по разным причинам начали оказывать полную доверенность великим князьям и что последние взяли на себя доставку дани в Орду. Таким образом, чрез удаление баскаков, численников и сборщиков дани, к концу XIII века князья освобождались совершенно от татарского влияния на свои внутренние распоряжения, но и во время присутствия баскаков мы не имеем основания предполагать большого влияния их на внутреннее управление.

С. В. Иванов. Баскаки

Как скоро исчезли татарские численники, то прекратилась и несправедливая подушная дань, разная для всех, следовательно, легкая для богатых, тяжелая для бедных; князья стали брать дань по *силе*, то есть по средствам плательщиков; дань бралась с *сох* (количество земли, обрабатываемое известными средствами, например с помощью трех лошадей) и с промыслов, которые приравнивались к сохе (например, невод считался за соху, кузница также); в случае нужды, при запросах из Орды, бралась дань и с членов дружины, смотря по их доходам. Кроме выхода, или дани, в Орду были еще другого рода издержки на татар,

ордынские тягости и проторы, как тогда говорили. Таков был *ям* (от татарского слова – *ям* – дорога) – обязанность доставлять подводы татарским чиновникам; содержание послов ханских и их многочисленной хищной свиты; наконец, поездки князей в Орду, где должно было дарить хана, жен его, вельмож и всех сколько-нибудь значительных людей; неудивительно, что у князей иногда не доставало на все это денег и они должны были входить в долги. Дань шла в казну княжескую тогда только, когда не было запросов из Орды, то есть когда можно было не удовлетворять этим запросам; постоянные же доходы княжеские состояли по-прежнему в пошлинах торговых, судных и доходах с земельной частной собственности.

3. Дружина

Князья на севере перестают переходить из одного княжества в другое, постоянно сидят в одном, которое усиливают на счет других; это обстоятельство дает возможность и членам дружины оставаться в одной области и приобретать здесь значение постоянных богатейших землевладельцев и наследственно пользоваться правительственными должностями. Вместе с усилением московского князя усиливаются московские бояре, им выгодно удержать эту силу навсегда за своим князем, и они действительно хлопочут об этом, подкрепляемые митрополитами: так, в малолетство Дмитрия Донского они удержали за ним великое княжение Владимирское. Дружинники, бояре, дети боярские и слуги вольные по-прежнему удерживали право свободного перехода от одного князя к другому; дружинникам слабейших князей выгодно было переходить в дружину сильнейших, чем они еще более усиливали последних: так, мы видели, поступили бояре нижегородского князя, передавшие московскому; они не считали себя изменниками, потому что во всех договорах княжеских повторялось: «боярам и слугам нашим вольным воля». Как усилилось значение бояр московских, видно из того, что великие князья нижегородский, тверской искали родственных союзов с ними. Но это усиление не было опасно для великого князя: ни одна знатная фамилия долго не сохраняла своего могущества, ибо ко двору московскому беспрестанно приезжали новые знатные и богатые выходцы и теснили старых; чем сильнее становился московский князь, тем большее число людей находило выгодным вступать к нему в службу; притом же эти пришельцы, люди новые, окруженные новыми лицами, новыми явлениями, не имели на что опереться, не могли действовать обдуманно и дружно.

Скоро начали стекаться отовсюду в Москву князья, лишенные своих владений, и Рюриковичи русские, и Гедиминовичи литовские, и оттесняли старых московских бояр от первых мест; князья Рюриковичи приезжали лишенные уже своих княжеств, уделов; за ними оставалось несколько земель в этих уделах, земель раздробленных и дробившихся все более и более с умножением детей княжеских, которые все получали участки в отцовском владении; Гедиминовичи же литовские приезжали вовсе без земель и получали их по милости великих князей московских; все эти князья, следовательно, не были сильны, не были опасны. За службу свою дружинники получали от великих князей волости и села в кормление. Кроме дружины в состав войска входили по-прежнему полки из городского и сельского народонаселения.

4. Города

В городах, которые как стольные города великокняжеские занимают теперь главное место, в Москве, Твери, Рязани, Нижнем, Суздале, даже в знаменитом Владимире, мы не встречаем больше вечей и того участия горожан в делах, какое встречали прежде в Киеве, Чернигове, Смоленске, Ростове; усобицы между князьями продолжают по-прежнему, но города не принимают в них участия как прежде, их голоса не слышно; ни один князь не собирает веча для объявления горожанам о походе или о каком-нибудь другом важном деле, ни один князь не заключает ни о чем договора с ними. Под именем веча теперь летописцы понимают незаконное мятежное собрание народа, собравшихся летописцы называют мятежниками, крамольниками. Очень дурно отзываются московские летописцы и о вечевом быте Новгорода, обнаруживают к нему отвращение. Мы видели, что новгородцы, не будучи в состоянии защищать свою вольность силою от великих князей, выкупали ее деньгами; за деньги великие князья оставляли новгородцев жить по старине, подтверждая эту старину договорами, из которых самый древний, дошедший до нас, относится ко временам великого князя Ярослава Ярославича; договоры эти заключались от имени владыки, посадника, тысяцкого, сотских, от всех старейших и от всех меньших, от всего Новгорода; князь раздавал правительственные места Новгородской области только новгородцам; без посадника не раздавал мест и грамот; не мог управлять Новгородом, не находясь в Новгороде; без вины, по своему произволу не мог никого лишить должности; не мог судить никого без посадника. Уже давно, по всем вероятностям во второй четверти XII века, новгородцы стали сами себе выбирать посадника и тысяцкого и поместили посадника подле князя при суде и раздаче мест, хотя при этом князь не потерял влияния при избрании посадника и не лишился права требовать его смены, объявивши только вину его. В прежнее время великие князья, не имея возможности сами жить или часто бывать в Новгороде, посылали туда вместо себя одного из родственных себе князей, но потом великие князья, особенно московские, посылали в Новгород наместников своих из бояр.

А. М. Васнецов. Новгородский торг

В городах юго-западной Руси в это время кроме русского народонаселения видим немцев, жидов и армян; во время литовского владычества жида получили здесь большие выгоды; тогда же русские города начали получать право немецкое, магдебургское, по которому горожане освободились из-под ведомства воевод, судей и всяких чиновников великокняжеских и во всех делах расправлялись перед своим начальником, который носил название войта. Полоцк, имевший одинакий быт с Новгородом Великим и другими старыми русскими городами, сохраняет этот быт и при князьях литовских: он заключает договоры с Ригию, с магистром ливонским; по грамоте короля Казимира бояре, мещане, дворяне и все жители полоцкие должны были собираться для рассуждения о городских делах на том же самом месте, где прежде издавна сходились; мещане, дворяне и чернь не могли собирать сеймов без бояр; казну берегли сообща выборные из всех городских сословий, из бояр, мещан, дворян и черни.

5. Сельское народонаселение

Пустых земель было много, народу мало, и потому князья старались перезывать в свои области поселенцев из других областей, давая им на несколько лет свободу от всяких податей. Крестьяне свободно переходили от одного землевладельца к другому, но они могли оставить землю, или отказываться, как тогда называли, только в известный срок, по преимуществу осенью, по окончании полевых работ: за две недели до Юрьева дня и неделю спустя после него. Встречаются также случаи, когда князья запрещали переход крестьян в пользу известного землевладельца; например, великий князь Василий Темный пожаловал Троицкий Сергиев монастырь, запретив переход крестьянам одного из сел, принадлежавших этому монастырю. Землевладельцы получали от князей право суда над поселившимися на их землях крестьянами, кроме случаев уголовных. Но кроме переходного, свободного сельского народонаселения по-прежнему видим народонаселение несвободное, принадлежащее землевладельцам.

6. Казаки

В конце первой половины XV века в первый раз встречаем название *казаков*, именно рязанских. Под этим именем у предков наших разумелись вообще люди бездомовные, бесемейные, принужденные добывать себе пропитание работой у чужих людей; таким образом, казак значил то же самое, что работник, батрак, и в этом отношении казаки противопоставлялись *земским людям*, имеющим постоянное место жительства и собственность. Соседство с степью, не бесплодною, но привольною для жития, орошаемою рыбными реками, влекло туда самых отважных из этих бездомовников, казаков, к ним присоединялись и поневоле все те, которым нельзя было остаться в обществе, которых закон преследовал за беспорядочную, преступную жизнь, наконец, беглые холопы.

Из таких-то людей образовалось военное пограничное население, известное преимущественно под именем казаков. Казаки эти имели важное значение, потому что, как люди отважные, они пролагали пути к населению пустых степных пространств; выход в казаки был легок русскому человеку, потому что, уходя в степь, он не уходил в чужую сторону, не переставал быть православным русским человеком, и в степи среди казаков он находил своих же; казаки признавали над собою власть правительства русского, но повиновались ему только тогда, когда это было им выгодно; в большей зависимости от правительства находились те казаки, которые жили недалеко от границ, под руками правительства, в меньшей – те, которые удалялись в глубь степей, но таких в описываемое время еще не могло быть много, потому что в степях еще были сильны татары.

Ополчение великого князя Дмитрия Ивановича в 1380 г. Лубок XVII в.

7. Торговля

Самым значительным торговым городом на Руси после упадка Киева оставался Новгород Великий; от этого он был и самым богатым городом; в Новгород приезжало много немцев для торговли, новгородские купцы ездили торговать в Любек, Готландию, в Стокгольм, как видно из договоров, которые они заключали с немцами, с Ганзою. После Новгорода значительную заграничную торговлю вели Псков, Смоленск, Полоцк; немцы привозили сюда хлеб, соль, овощи, сельди, сукно, полотно, металлы и металлические вещи, пергамен, вино, пиво; вывозили меха, кожи, сало, воск, лес и восточные произведения: жемчуг, шелк, дорогие ткани. На юге Киев, несмотря на опустошение татарское, по удобству положения и по старой привычке привлекал к себе купцов иностранных, итальянских. Немцы ездили на Волынь и в Галицию; галичане и подольцы торговали в Молдавии, Бессарабии, Венгрии; русские купцы ездили также торговать в Судак (Сурож) и Феодосию (Кафу), в Грецию и Турцию.

На северо-востоке Нижний Новгород благодаря своему выгодному положению уже начинает быть известен как богатый торговый город, вследствие чего суздальские князья и перенесли в него свой стол; в Нижний кроме татар приезжали торговать и армяне; армяне и литовские купцы приезжали также в Москву; татарские купцы приезжали в русские города обыкновенно вместе с послами. Главным препятствием для торговли, кроме татарских опустошений, были еще разбои, производившиеся в больших размерах, особенно по Волге; эти разбои производились преимущественно новгородцами.

8. Богатство народа, его домашний быт

Богатые торговлею города, Новгород и Псков, славились прочностью своих укреплений, обилием каменных церквей; церкви эти были небольшие, строились скоро, иногда очень неискусно; мастера, строившие церкви, были русские, но расписывали церкви греческие мастера или русские ученики греков; из русских славился особенно Андрей Рублев. Владыки начинают строить для себя палаты каменные в Новгороде и Москве; наконец, вводятся кое-где в употребление *звонящие* часы. Домашний быт отличался по-прежнему простотою. Князья, строившие города, церкви, богато их украшавшие, спали на соломе; в завещаниях московских князей упоминается об иконах, дорогих платьях, цепях, редко о дорогом оружии, о нескольких сосудах столовых, и все это в таком небольшом количестве, что не могло занимать много места, легко могло быть спрятано, собрано, увезено.

Но если так было у князей, то чего же мы должны искать у простых людей? У них, кроме самой простой и необходимой рухляди, нельзя было ничего сыскать, ибо все, что получше и подороже, хранилось в церквях как местах, наименее подвергавшихся пожарам и разграблениям. Это отсутствие мебели, домашних украшений и удобств помогало нашим предкам равнодушнее переносить частые пожары и неприятельские нашествия: если жизнь и свобода были спасены, то об остальном нечего было много тужить, дорогого было так мало, что его легко было унести с собою, небольшие же деревянные дома легко было вновь построить по необыкновенной дешевизне материала.

9. Церковь

Прежде упоминалось о сильном сопротивлении, которое христианство встретило на севере от финского язычества, от волхвов; теперь же такого сопротивления мы больше не видим: христианство распространяется между карелами на северо-западе, между зырянами, или пермяками, на северо-востоке. Апостолом зырян был св. Стефан, который приготовился к своему подвигу тем, что изобрел азбуку и перевел нужнейшие для богослужения книги на язык зырянский. Как св. Стефан заботился о новообращенных, которых был первым епископом, видно из «Плача земли Пермской» по нем, помещенного в житии его: «Теперь мы лишились защитника, который Богу молился о душах наших, а перед князем и вельможами был нашим защитником, избавлял нас от насилий, работы и чиновнических грабежей; сами новгородцы разбойники слов его слушались и не воевали нас».

Деятельность главных архиереев русской Церкви, митрополитов всей Руси, становится теперь заметнее, чем прежде, во-первых, потому, что совершается великий переворот в судьбах отечества, устанавливается единовластие, причем должно было духовенство решительно высказаться и высказалось в пользу единовластия; во-вторых, теперь митрополиты выбираются из русских, а не из греков, которые не могли принимать так к сердцу русские интересы, не могли как чужеземцы иметь такого сильного влияния на князей и народ. Кроме того, были еще другие важные дела, в решении которых духовенство должно было принимать сильное участие, таковы были дела татарские, литовские, греческие.

Так как Киев и вообще южная Русь потеряла свое главное значение, которое перешло к Руси северной, то и главные пастыри русской Церкви, митрополиты, должны были обратить особое внимание на север и тамошних князей: они начинают ездить туда по нескольку раз, а митрополит Максим окончательно переехал на жительство из Киева во Владимир. Преемник Максима, св. Петр, родом русский из Волыни, избрал своим пребыванием Москву и тем много способствовал усилению ее на счет всех других княжеств; Петр ездил в Орду и был там принят с большою честью, ибо татары уважали служителей всех религий; когда наложена была дань на русских, духовенство было освобождено от нее, и ханы давали нашим митрополитам ярлыки, или грамоты, которыми подтверждались свобода духовенства от всяких поборов в пользу татар. Преемником св. Петра был грек Феогност; как до сих пор митрополиты должны были обращать особенное внимание на север и наконец утвердиться здесь, так теперь они должны были обратить одинаковое же внимание и на юго-запад, ибо здесь русские области соединились теперь под властью одного могущественного князя – литовского; вот почему Феогност не раз ездил на Волынь и жил там долгое время. Преемником Феогноста был св. Алексей из знатного московского рода Плещеевых, которые выехали в Москву из Чернигова. Алексей много помогал московским князьям, особенно Димитрию Донскому, при утверждении их могущества, потому что князья, которые осмеливались противиться московским князьям, имели против себя и митрополита; так, Алексей наложил проклятие на некоторых князей, которые обещали великому князю московскому выступить вместе с ним против татар и не исполнили обещания; наложил проклятие на смоленского князя, который помогал Ольгерду против Москвы; кроме этой деятельности внутри России св. Алексей ездил в Орду и своим влиянием на хана спасал Россию от беды, которою грозили ей татары.

Дионисий. Святитель Алексей митрополит Московский. Икона, XV в.

Но если митрополит вся Русь, москвич, живший в Москве, так помогал московскому князю усиливаться, то, конечно, это не могло нравиться литовским князьям; от этого у них родилось желание иметь для подвластных им русских областей особого митрополита в Киеве, который бы находился под их влиянием. Ольгерд жаловался константинопольскому патриарху, что митрополит Алексей помогает московскому князю в его завоевательных замыслах, не ездит в Литву и Киев, освобождает от присяги перебежчиков из Литвы в Москву; Ольгерд требовал другого митрополита для подвластных ему и союзных русских княжеств. В Константинополе исполнили это требование и поставили митрополитом для

юго-западной Руси Киприана, родом из южных славян, но с тем чтобы по смерти престарелого Алексея он был митрополитом и всея Руси; потом, однако, по смерти св. Алексея, в Константинополе согласились поставить особого митрополита для Москвы, Пимена; по смерти последнего Киприан соединил под своею властью обе русские церкви, что было легко сделать, когда великий князь московский Василий Димитриевич жил согласно с тестем своим Витовтом литовским. Но когда последовал между ними разрыв, то преемнику Киприанову, греку Фотию, невозможно стало удержать за собою Киев: Витовт настоял, чтоб в 1415 году собор юго-западных русских епископов сам собою посвятил в киевские митрополиты Григория Цамблака, ученого болгарина, ибо константинопольский патриарх не соглашался на это. Цамблак умер в 1419 году; в это время вражда к Москве остыла в Витовте, все внимание его было поглощено делами польскими, и он не хлопотал об избрании преемника Цамблака, вследствие чего Фотий опять получил в управление Церковь южнорусскую.

По смерти Фотия усобицы великого князя московского Василия Васильевича с дядею и потом с двоюродными братьями долго мешали назначению нового митрополита; наконец был избран рязанский епископ Иона; но когда он приехал в Константинополь для поставления, то нашел, что там уже посвящен был для России митрополит Исидор, грек. Исидор, приехавши в Москву, стал собираться на собор, созванный в Италии для соединения церковей восточной и западной. Самое уже место собора в стране неправославной возбудило подозрение в Москве. Великому князю Василию Васильевичу не хотелось, чтоб Исидор ехал в Италию; когда же он не мог отклонить митрополита от этого путешествия, то сказал ему: «Смотри же, приноси к нам древнее благочестие, какое мы приняли от св. Владимира, а нового, чужого не приноси, мы не примем». Исидор обещал крепко стоять в православии, но не исполнил своего слова, на соборе Флорентийском подписал соединение с западною Церковью и возвратился в Москву в звании папского легата, велел на литургии поминать папу вместо патриархов восточных, а после литургии читать народу грамоту о соединении церковей, о принятии римского учения насчет происхождения Св. Духа и другие новизны. Тогда великий князь велел посадить его под стражу, а сам созвал духовенство и велел ему рассмотреть дело; духовенство решило, что Исидор поступает несогласно с божественными правилами и преданиями, а между тем он успел бежать из заключения.

После свержения Исидорова Иона рязанский был поставлен в митрополиты собором русских епископов; впрочем, великий князь дал знать греческому императору, что русская Церковь этим нисколько не разрывает тесной связи своей с греческою Церковью и всегда будет сохранять православие. С этих пор митрополиты у нас постоянно избирались из русских архиереев и не посылались на посвящение в Константинополь к патриарху. При митрополите Ионе произошло окончательное отделение юго-западной русской Церкви от северо-восточной; с этих пор были постоянно два особых митрополита – один в Москве, другой в Киеве.

Относительно власти митрополита в грамоте, составленной по взаимному согласию великого князя Василия Димитриевича и митрополита Киприана, положено, что все лица, принадлежащие к Церкви, подчиняются суду митрополита; из этой грамоты узнаем, что митрополит имел своих бояр и слуг, которые в случае войны выступали в поход под начальством особого митрополичьего воеводы, но под знаменем великокняжеским; слуг великокняжеских и людей, платящих дань в казну великокняжескую, митрополит не имел права ставить в священники или в дьяконы, потому что этим наносился ущерб службе и казне: здесь причина, почему в духовное звание поступали только люди из того же звания. Из слуг своих митрополит посылал для управления своими селами (в волостели), для суда церковного (в десятичники).

Митрополиты для обсуждения важных вопросов созывали соборы из епископов; епископы в своих епархиях созывали соборы из подведомственного им духовенства; кроме того,

митрополиты для исправления нравственности в народе писали послания к духовенству и мирянам. Особенное внимание не только митрополитов русских, но и патриархов константинопольских во второй половине XIV века обратили на себя Новгород и Псков вследствие появившейся там ереси стригольников; еретики отвергали необходимость священников, упрекая последних в дурном поведении; утверждали, что миряне могут учить вере, что не должно молиться за умерших; ересь эта прекратилась в первой половине XV века.

Монастыри продолжают сохранять свое важное значение. Чем был в старину Печерский монастырь для Киева, тем был Троицкий Сергиев монастырь для Москвы. Основателем этого монастыря был Варфоломей, в иночестве Сергей, сын ростовского выходца, поселившегося в Радонеже. Сергей в молодости еще удалился в дремучий лес и долго жил здесь один, но не мог утаться: иноки стали собираться к нему; Сергей своими руками строил кельи, носил дрова из леса и колол их, носил воду из колодезя к каждой келье, готовил кушанье на всю братию, служил всем, как раб. Это-то смиренное служение прославило Сергия по всем областям русским и дало ему то значение, с каким мы уже встречали его в княжение Дмитрия Донского. Из монастыря Сергиева выведены были другие монастыри сподвижниками, учениками и учениками учеников Сергиевых; из этих монастырей особенно важен в нашей истории монастырь Белозерский, основанный св. Кириллом, славным святостью жизни и поучениями, в которых он напоминал князьям об их обязанностях.

Монастыри в описываемое время имели еще то важное значение, что были проводниками гражданской жизни в диких пустынях: монахи расчищали леса, заводили пашню, привлекали к себе народонаселение; монастыри были гостиницами для странников, во время голода кормили бедных. Средства к тому монастыри получали от своих сел и деревень, которые дарили им князья и другие богатые люди – на помин душам своим и своих родителей, как тогда выражались. Несмотря на укоренившийся обычай отдавать села и деревни монастырям, уже возникал вопрос: следует ли монахам владеть ими? И митрополит Киприан думал, что не следует. Сначала в монастырях каждый монах имел свое особое хозяйство, но с конца XIV века начало вводиться общее житие.

10. Состояние нравственности народной

Нравы народа становились заметно грубее, потому что русские все более и более удалялись от европейских христианских народов и находились в постоянном сообщении только с азиатскими, нехристианскими народами, от которых нечего было заимствовать хорошего. Кроме того, были и другие причины огрубения нравов: шли усобицы между князьями, но шли они не за право на старшинство, как прежде, а за то, какому князю быть сильнее всех других, отнять у всех других волости, подчинить себе всех других; о правах нет уже более речи; старых родовых прав никто более не уважает, новые еще не утвердились на место старых; силе поэтому открылась полная свобода действовать. Сильный при первом удобном случае прибегал к насилию, слабый, чтоб спастись от сильного, прибегал к хитрости, коварству, ехал в Орду, льстил, унижался пред ханом, его женами и вельможами. Народ находился в положении тяжелом, ему не было покоя и от чужих, татар и Литвы, и от своих: сильные князья, желая привести в свою волю слабых, притесняли их подданных; когда в каком-нибудь княжестве начинались усобицы, то народ убегал из него в другие области; когда усобицы стихали, народ возвращался.

Таким образом, народ жил в постоянном страхе пред своими и чужими, не было безопасности, без которой не могут успевать ни промышленность, ни торговля, и жизнь не украшалась ни наукою, ни искусством. При этой бедности жизни были доступны человеку одни грубые удовольствия, которые не могли способствовать смягчению нравов, а только вели к усилению нескромности, которая выражалась и на деле, и в словах. Женщина для сохранения скромности должна была избегать общества, предавшегося таким удовольствиям; отсюда укоренился обычай, что жены и дочери значительных и богатых людей укрывались в теремах, не появляясь в мужских обществах, отчего мужчины еще более грубели в своих нравах, ибо не сдерживались присутствием женщины.

М. П. Клодт. Терем царевен

Обличения нравам времени слышались из уст святых мужей, отшельников, но людей, которых будил их голос, очищал от грязи житейской, было немного; для немногих избранных монастырь, церковь служили приютом, спасением от грубости нравов, утешением в бедах жизни, но для большинства единственным развлечением и утешением в бедах жизни оставался пьяный пир, сопровождавшийся бранью и драками, а иногда и убийствами.

11. Просвещение

При таком состоянии общества литература не могла процветать. Нигде не встречаем мы известий об образованности князей и вельмож. Но грамотность по-прежнему сохранялась в сословии духовном; епископы продолжали говорить народу поучения в церквах. Из этих проповедников особенно замечателен был Серапион, епископ владимирский: он в своих проповедях призывал к покаянию, указывая на страшные бедствия, удручавшие Русь. Особенно замечательно из слов его то, где он говорит против привычки приписывать общественные бедствия женщинам, которых считали ведьмами, и губить их за это.

От времени до времени являлись люди, которые не только словом, но и делом, святою, исполненною чудес жизнью возбуждали всеобщее внимание, благотворно действовали на общество; подвиги этих святых мужей записывались и передавались в наставление потомству; путешественники ко Святым Местам описывали чудеса природы и искусства, которые они встречали на пути. Кроме путешествий ко Святым Местам дошло до нас описание путешествия во Флоренцию, составленное одним из спутников митрополита Исидора; другой спутник Исидора, монах Симеон Суздалец, составил описание Флорентийского собора.

Продолжали переводить с греческого, но большая часть этих переводов сделана была не в России, а на Афонской горе, в русском и сербском монастырях.

Б. А. Чориков. Дмитрий Донской и Пересвет

Что касается до литературы светской, то до нас дошли от описываемого времени исторические песни, сказания и летописи. Так, в песне рассказана смерть Шевкала в Твери; эта песня замечательна тем, что в ней описывается поведение татарских баскаков в городах русских. Как прежде содержанием исторических песен и сказаний служили подвиги князей и богатырей против печенегов и половцев, так теперь с XIII века содержанием сказаний служит борьба с татарами на востоке, с немцами и Литвою на западе. Сказания, относящиеся

к борьбе с татарами, начинаются рязанским сказанием о нашествии Батыя, описываются подвиги и гибель рязанских князей, гибель княгини Евпраксии, которая, услышав об убийстве мужа своего, князя Федора, Батыем, бросилась вместе с малюткою-сыном с высоких хором и убила до смерти; рассказывается о необыкновенной храбрости и гибели боярина рязанского Коловрата. Составилось несколько сказаний о знаменитой Куликовской битве, из которых одно носит явные следы подражания «Слову о полку Игореве»; но ни одно из этих северных сказаний не может сравниться поэтическими красотами с «Словом о полку Игореве». Нашествие Тохтамыша на Москву послужило также предметом особого сказания; известия о Тамерлановом нашествии вошли в повесть о чуде от Владимирской иконы Богородицы: здесь говорится, что к выходу из русских владений побудил Тамерлана сон, в котором явилась ему на воздухе жена, запрещающая ему идти далее на русскую землю. Составилось сказание о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича (Донского), царя русского: это похвальное слово, в котором почти исключительно выставляются нравственные достоинства Дмитрия с тою целию, чтоб цари научились подражать ему. Это похвальное слово есть самое блестящее литературное произведение описываемого времени.

В борьбе на западных границах со шведами, немцами и Литвою прославились два князя – Александр Невский и Довмонт Псковский, поэтому подвиги их описаны в особых украшенных сказаниях. Летописи по-прежнему составлялись в разных городах – в Ростове, Твери, Москве, Новгороде и Пскове.

Глава XXV. Княжение Иоанна III Васильевича

Счастливым потомок целого ряда умных, деятельных, бережливых предков, Иоанн III вступил на московский престол, когда собрание русской земли в одно государство могло почитаться уже оконченным. Общество так образовалось, что власти государевой ниоткуда не могло быть сильного противодействия – ни со стороны духовенства, ни со стороны бояр, ни со стороны городов. Новгород, Тверь, уделы княжества Московского, ждали только первого движения со стороны великого князя московского, чтоб подчиниться ему; Орда падала сама собою от разделения и усобиц. На западе король польский и великий князь литовский занят внутри раздором между Польшею и Литвою, занят извне делами Пруссии, Богемии, Венгрии, власть его ограничена вельможами и сеймом, и он не может мешать Москве усиливаться, не может бороться с ее могущественным неограниченным государем и уступает ему целые области. Иоанну III принадлежит честь за то, что он умел пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, в которых он явился истинным правнуком Всеволода III и Калиты, истым князем северной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращение от мер решительных, которыми можно было много выиграть, но и много потерять, и при этом стойкость в доведении до конца раз начатого, хладнокровие – вот отличительные черты в характере Иоанна III.

Великий князь Иван III. Гравюра из «Космографии» А. Теве. 1584 г.

1. Покорение Новгорода и Вятки

Василий Темный как скоро избавился от опасных или беспокойных князей, так начал тяготиться, что Новгород не воздает ему достойной чести, и только увещание архиепископа Ионы да скоро потом случившаяся смерть помешали ему нанести Новгороду последний удар. Чего не успел сделать отец, то готов был исполнить сын. Новгородцы понимали опасность своего положения, видели, что против Иоанна III не будет им помощи ни от кого из северных русских князей, и потому должны были искать помощи в другой стороне. Кроме великого князя московского, теперь сильного, спокойного, замышлявшего нанести последний удар Новгороду, был еще великий князь литовский, который назывался также и русским, и не понапрасну, потому что под его властью находились все княжества юго-западной Руси; к этому князю отъезжали из северо-восточной Руси все князья недовольные, лишенные волостей, угрожаемые князем московским; к нему обратились и новгородцы в последний, решительный час. Но великий князь литовский и вместе король польский был католик; отложиться от московского, православного князя и поддаться литовскому, католику, казалось большей части новгородцев изменою православию.

И прежде не один раз великие князья литовские предлагали свое покровительство Новгороду; их предложения были отвергаемы, ибо от Москвы не было еще тогда такой опасности, но теперь нашлись люди, особенно между вельможами, которые считали необходимым поддаться литовскому великому князю, чтоб сохранить свой прежний быт. Во главе этих людей, преданных Литве, стояли Борецкие, дети умершего посадника Исака; мать их Марфа, женщина с сильным характером, имела большое влияние над детьми и заправляла всем.

Под влиянием литовской стороны в Новгороде начали оскорблять Иоанновых наместников, утаивать пошлыны, следующие великому князю. Последний несколько раз отправлял в Новгород послов, требуя, чтоб жители его исправились, но не получал никакого удовлетворения. В Новгород приехал литовский князь Михаил Олелькович (т. е. Александрович), выпрошенный приверженными к Литве вельможами, которые взяли наконец верх на вече посредством подкупленных ими людей и отдали Новгород под покровительство короля Казимира. Казимир заключил с новгородцами договор как с вольными людьми, обязался оставить ненарушимым весь их старый быт и защищать их от великого князя московского. Последний, узнавши об этом, выступил в поход летом 1471 года; он вел большое войско, с ним были тверичи и псковичи, а к новгородцам не приходило помощи ниоткуда, король Казимир не трогался, и князь Михаил Олелькович уехал из Новгорода. Передовой отряд московского войска нанес новгородскому войску сильное поражение на берегах реки Шелони; в числе пленников, доставшихся победителям, находился сам посадник Борецкий, которого Иоанн велел казнить.

Несмотря на это, литовская сторона все еще была сильна и приготвилась защищаться, но когда вздорожал хлеб, то простой народ поднялся на вельмож, укоряя их, зачем они привели великого князя на Новгород; вследствие этого архиепископ Феофил с знатными людьми поехал бить челом Иоанну, который расположился станом на устье Шелони; великий князь согласился дать мир новгородцам с условием, чтоб они заплатили ему 15 500 рублей и обязались не отдаваться вперед Литве, не брать к себе оттуда князей и архиепископов своих посылать на посвящение только в Москву.

В старые годы, при ослаблении власти княжеской в Новгороде вследствие постоянной борьбы многих князей-соперников, образовались здесь партии, также постоянно боровшиеся между собою; боярин, имевший средства платить многочисленным *вечникам* (крикунам на вече), мог отважиться на все, мог отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбления; иногда целые улицы, целые части города (концы) враждовали друг с другом, отста-

ивая того или другого вельможу; сила решала споры, предводитель победившей стороны достигал должности посадника и в этом звании позволял себе мстить тем гражданам, которые были против него. Что оставалось побежденным и слабым? Молчать и ждать благоприятных обстоятельств, ждать усиления своей стороны, ждать возможности собираться на вече в большом числе, низложить соперников и поступить с ними по их же примеру.

Так бывало прежде, когда великий князь был далеко, а наместников мало слушались. Но теперь, когда великий князь хотел и мог восстановить свое значение верховного судьи, теперь стороне угнетенной не нужно было долго дожидаться удобного случая к низложению врагов своих: она могла требовать защиты и суда от великого князя. Так, когда посадник Ананьин с некоторыми другими боярами напал на враждебных ему людей и даже на целые улицы, пограбил их и побил несколько человек, то обиженные послали жаловаться на него в Москву. Вследствие этих жалоб Иоанн в 1475 году приехал в Новгород и потребовал на суд обвиненных; суд был по старой форме, в присутствии владыки и старых посадников, и найдено, что обвиненные действительно виновны; тогда великий князь велел сковать их и отправить в Москву. Многим понравилось искать защиты от обид на суде великокняжеском, и когда Иоанн возвратился в Москву, то и туда новгородцы начали ездить к нему на суд. Иоанн видел, что пришло время нанести последний удар.

Б. А. Чориков. Уничтожение Новгородской республики в 1478 г.

Однажды приехали в Москву двое послов новгородских и называли Иоанна *государем*, тогда как прежде новгородцы называли великого князя только *господином*. Иоанн воспользовался этим и тотчас послал спросить новгородцев: на каком основании они называют его государем, какого хотят государства, хотят ли, чтоб у них был один суд государев? Новгородцы отвечали, что они не хотят ничего нового, хотят, чтоб все оставалось по старине. Но Иоанн говорил: «Я не хотел у них государства, сами присылали, а теперь запираются, выставляют меня лжецом», – и объявил поход под Новгород. На этот раз Иоанн осадил Новгород без битвы; владыка Феофил явился просить мира, спрашивал, как великий князь хочет жаловать свою отчину. «Хотим государства в Великом Новгороде такого же, какое у нас в Москве, – отвечал Иоанн, – вечевому колоколу в Новгороде не быть, и государство все нам держать». Новгородцы, подумавши, согласились и 13 января 1478 года присягнули Иоанну как самовластному государю. Новгород, однако, не вдруг мог забыть свой прежний быт: происходили волнения, вследствие которых несколько тысяч лучших граждан были переведены в города восточной России, а на их место в Новгород переселены дети боярские и купцы из Москвы и других восточных городов. Колония новгородская Вятка, пользуясь отдаленным положением своим, хотела также быть независимой, позволила себе в некоторых случаях не слушаться великого князя: в 1489 году Иоанн отправил против нее большое войско под начальством князя Даниила Щени; вятчане принуждены были покориться и выдали троих главных зачинщиков неповиновения, которые и были повешены, остальные же лучшие люди были выселены и получили поместья на южной границе государства, а купцы поселены в Дмитров. Псков удержал на время свою старину, потому что постоянно старался угождать великому князю, покорностью утишать гнев его.

2. Власть Иоанна в Рязани

И Рязань сохранила свою самостоятельность по имени, потому что на самом деле беспрекословно подчинялась распоряжениям великого князя московского. Рязанский великий князь Василий, взятый малюткою в Москву при Василии Темном, вырос здесь и женился на сестре великого князя Иоанна. Василий умер, оставя двоих сыновей, Ивана и Феодора; последний, умирая бездетным, отказал свой удел дяде, великому князю московскому; старший, Иван, умер, оставя пятилетнего сына Ивана под опекою матери и бабки; эта бабка, великая княгиня Агриппина, слушалась во всем брата своего Иоанна III.

3. Покорение Твери

Вполне независимым великим княжением была Тверь; ее великий князь Михаил Борисович находился в мире и союзе с Иоанном до конца 1484 года; в это время в Москве узнали, что тверской князь начал держать дружбу с Казимиром литовским и женился на его внучке; в договоре с королем Михаил обязался стоять с ним заодно против всех без исключения. Это обстоятельство было явным нарушением обязательств, заключенных прежде с московским князем, и потому последний объявил Михаилу войну, которая началась опустошением Тверской области; Тверь одна не могла воевать с Москвою, литовская помощь не являлась, и Михаил принужден был просить мира. Иоанн дал мир, потому что не любил ничего делать с одного раза, а приготавливал верный успех исподволь. Бояре тверские начали переезжать в Москву на службу к Иоанну, не могли сносить обид от него, потому что в спорах за земли между москвичами и тверичами если москвичи обижали, то тверичи не находили никакой управы, если же тверичи обижали, то Иоанн с бранью и угрозами посылал к тверскому князю, ответам его не верил, суду быть не позволял. Михаил Борисович опять завел сношения с Литвою; в Москве узнали об этом и стали собирать войско; испуганный Михаил напрасно присылал бить челом Иоанну, тот не хотел ничего слышать и осадил Тверь; Михаил ночью убежал в Литву, и Тверь присягнула Иоанну в 1485 году.

4. Присоединение удела Верейского

После Василия Темного кроме уделов, которые он раздал меньшим сыновьям своим, оставался еще один удел, Верейский, принадлежавший Михаилу Андреевичу, внуку Дмитрия Донского. Этот старик Михаил Андреевич уступал всем требованиям Иоанна, отдавал все, чего только тот ни просил, и таким образом не представлял никакого предлога к присоединению Верейского удела к Москве. Предлог, однако, нашелся: великая княгиня, жена Иоаннова, выдав замуж племянницу свою за сына Михаила, Василия, дала ей в приданое некоторые вещи, которые потом понадобились Иоанну; узнавши, что они у Василия верейского, Иоанн рассердился, послал забрать у него все женино приданое, причем грозил посадить его в тюрьму вместе с женою; молодой князь испугался и убежал в Литву. Тогда Иоанн отобрал Верею у старика Михаила за вину сына его и хотя отдал назад, но только в пожизненное владение; по смерти Михаила Верея присоединена была к Москве.

5. Отношения Иоанна к родным братьям

С другими удельными князьями московскими, родными братьями своими, Иоанн жил мирно до 1472 года, когда умер старший из них по нем Юрий Васильевич дмитровский; Иоанн присоединил его удел к Москве, не давши ничего братьям; те рассердились, на этот раз, однако, дело кончилось перемирием, причем Иоанн дал братьям некоторые волости. Но потом неудовольствия возобновились, когда великий князь нарушил право бояр, членов дружины, переходить свободно от одного князя к другому; один из князей, находившихся в службе Иоанна, Оболенский-Лыко, недовольный великим князем, отъехал, по обычаю, из Москвы к брату Иоаннову князю Борису волоцкому. Но великий князь велел тайно схватить Оболенского и в оковах отвезти в Москву. Князь Борис, услышав об этом, послал к брату Андрею углицкому с жалобою на старшего брата, и удельные решили защищать свои права. Собравши большое войско, они двинулись к литовским границам, чтоб там удобнее пересылаться с королем Казимиром; войско их сильно опустошило русские области, чрез которые проходило. Занятый войною татарскою, великий князь не мог развлекать своих сил еще войною с братьями и потому исполнил все их требования. Через десять лет после этого, осенью 1491 года, Иоанн велел братьям отправить воевод своих на помощь крымскому хану, на что имел полное право по договорам; князь Борис послал свои полки, но князь Андрей не послал. За это ослушание великий князь велел схватить Андрея, когда тот приехал в Москву; сыновья его были также схвачены и заключены в оковы, удел присоединен к Москве.

6. Брак Иоанна на греческой царевне и следствия этого брака

Кроме ссор с братьями Иоанна сильно беспокоила смута, происходившая в собственном его семействе. Иоанн в первый раз был женат на Марии Борисовне, дочери великого князя тверского, которая умерла в 1467 году. От этого брака Иоанн имел сына Иоанна, которого он, по примеру отца, назвал великим князем, так что грамоты писались от имени двоих великих князей, двоих Иоаннов. Но не прошло еще двух лет от смерти Марии, как началось сватовство великого князя на царевне греческой. После взятия Константинополя турками брат убитого на стенах его императора Константина, Фома Палеолог, нашел с семейством убежище в Риме; после него осталось здесь двое сыновей и дочь Софья, которую папа Павел II и предложил в супружество московскому великому князю, без сомнения желая воспользоваться случаем завязать сношения с Москвою и утвердить здесь свою власть посредством Софьи. Предложение было принято; в 1472 году Софья приехала в Москву и обвенчалась с великим князем. Кардинал, приехавший с нею, завел спор с митрополитом о необходимости для русской Церкви соединиться с Римом, но не мог переспорить русского книжника Никиту Поповича, которого выставил против него митрополит; и Софья не думала благоприятствовать видам папы, ее деятельность была обращена на другое. Племяннице греческого императора не нравилось, что муж ее, великий князь московский, не имел еще вполне царственного положения, был окружен боярами, которые не забыли еще недавней старины, когда они при малейшем неудовольствии могли отъехать от одного князя к другому, был окружен князьями, которые хорошо помнили, что они одного происхождения с великим князем и очень недавно были еще князьями владетельными. Эти князья и бояре заметили, что после брака на Софье Иоанн переменил с ними обращение, окружил себя небывалым прежде величием, заставил их держаться в почтительном от него отдалении, стал взыскателен и строг, отчего и получил прозвание Грозного. Князья и бояре приписали такую перемену Софье и сильно ее невзлюбили. Эта нелюбовь особенно обнаружилась, когда возник вопрос о престолонаследии.

Б. А. Чориков. Венчание великого князя Ивана III с греческой царевной Софьей Палеолог

В 1490 году умер Иоанн Молодой, старший сын великого князя, он был уже женат на Елене, дочери господара молдавского Стефана, и оставил малолетнего сына Димитрия. Но у старого великого князя Иоанна был сын от Софьи, Василий, и вот рождался вопрос: кому наследовать великое княжение, сыну или внуку? Враждебные Софье вельможи стали на сторону Елены и сына ее Димитрия, и сначала им удалось одержать победу: Василий, обвиненный в заговоре против отца, был посажен под стражу; приверженцы его, люди все незнатные, казнены; великий князь удалился и от жены, которую стал подозревать в злых умыслах, и торжественно венчал внука Димитрия на великое княжение. Но торжество врагов Софьи было непродолжительно: она успела опять сблизиться с мужем, и следствием было, что страшная опала постигла две самые знатные фамилии, особенно близкие к великому князю и потому более других враждебные Софье, — князей Патрикеевых, литовских выходцев, потомков Гедимины, и родственников их, князей Рязанских-Стародубских, потомков Всеволода III: Рязанскому отрубили голову, Патрикеевых, отца и сына, постригли в монахи. После этого великий князь стал обнаруживать нерасположение ко внуку Димитрию,

сблизился с сыном Василием, объявил его сначала великим князем Новгород и Пскова, а потом посадил под стражу Димитрия и мать его Елену, а Василия провозгласил великим князем и самодержцем всея Руси.

7. Спадение татарского ига

Кроме влияния на дела внутренние Софья Фоминична, как говорят, требовала от мужа, чтоб он перестал быть татарским данником. Татарское царство в это время делилось на три независимые орды – Золотую, Казанскую и Крымскую. Хан Золотой Орды Ахмат не был доволен Иоанном за то, что тот не ехал к нему с поклоном и не удовлетворял его требованиям относительно дани; притом же польский король Казимир, не имея средств прямо бороться с Иоанном, подстрекал Ахмата, чтоб тот нападал на Московское государство и таким образом отвлекал внимание Иоанна от запада на восток.

А. Д. Кившенко. Иван III разрывает ханскую грамоту

Ахмат в 1472 году напал на московские границы со стороны Оки и, сжегши Алексин, удалился назад. В 1480 году, услышавши о восстании братьев великого князя и сговорившись с Казимиром литовским действовать заодно, Ахмат опять напал на московские владения, теперь уже со стороны реки Угры, и обнаруживал намерение идти далее, к самой Москве; Иоанн, сам крайне осторожный и уговариваемый двумя приближенными вельможами, Ощерою и Мамоном, опасался дать битву хану и хотел удалиться в северные области. Оставя войско на берегу Оки, он приехал в Москву, где был встречен сильным негодованием народа; митрополит и особенно ростовский архиепископ Вассиан уговорили Иоанна без боязни встретить Ахмата и дать ему битву. «Зачем боишься смерти? – говорил ему Вассиан, – ведь ты не бессмертен; а без року нет смерти ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войско в руки: увидишь, уклоню ли я лицо свое пред татарами!» Иоанн поехал опять к войску и завел переговоры с ханом; в это время получил он грамоту от Вассиана, который опять в сильных выражениях увещевал его не слушаться людей, советующих избегать битвы. Иоанн прервал переговоры, а между тем наступила осень, река Угра стала, и таким образом открывалась возможность татарам переправиться на другой берег; Иоанн

велел своему войску отступить к Боровску, обещая дать битву татарам в окрестностях этого города; войско не отступало, а бежало, пораженное страхом, но татары не преследовали его, ибо начались лютые морозы, которые отняли у плохо одетых татар всякую возможность идти далее на север, где еще они должны были сражаться с войском московским. 16 ноября Ахмат ушел назад в степи, где в начале 1481 года был настигнут врасплох и убит Иваком, ханом Тюменской Орды.

8. Союз Москвы с Крымом

Таким образом, последний грозный для Москвы хан Золотой Орды погиб от одного из потомков Чингисхановых; после Ахмата остались сыновья, которым также суждено было погибнуть от татарского оружия. Еще в княжение Василия Темного стала известна Крымская Орда, составленная Едигеем из улусов черноморских, но сыновья Едигеевы погибли в усобицах, и родоначальником крымских ханов был Ази-Гярей, от которого все его потомки назывались Гиреями. Сын Ази-Гиреев, Менгли-Гирей, по причине жестокой наследственной вражды с ханами Золотой Орды почел полезным для себя сблизиться с великим князем московским, чтоб вместе действовать против общих врагов; в случае изгнания от этих врагов Менгли-Гирей выговорил себе убежище у московского государя, который охотно принимал к себе татарских ханов для увеличения своего войска. Менгли-Гирей должен был готовить себе убежище на всякий случай и потому еще, что в 1475 году Крым был завоеван турками; Менгли-Гирей остался ханом, но в качестве подручника султана и боялся, что в Константинополе могут когда-нибудь сменить его. Вражда Ахматовых сыновей с Менгли-Гиреем продолжалась, и московские войска ходили на помощь крымским; в 1502 г. Менгли-Гирей напал на последнего Ахматова сына, Шиг-Ахмета, и нанес его Орде тяжелый, окончательный удар; Шиг-Ахмет убежал в Польшу и там умер в темнице. Так окончилось существование Золотой Орды.

9. Подчинение Казани и завоевание Перми

Незадолго перед тем потеряла свою независимость и Орда Казанская. С начала своего княжения Иоанн все воевал с Казанью, несколько раз высылал против нее большое войско, которое, однако, возвращалось без значительных успехов; так шли дела до самой смерти хана Ибрагима, когда начались усобицы в Казани между двумя сыновьями его, Алегамом и Магмет-Аминем. Магмет-Аминь приехал в Москву, назвал Иоанна отцом себе и просил у него войска на старшего брата; это войско отправилось в 1487 году, осадило Алегама в Казани, и тот принужден был сдаться; на его место был посажен Магмет-Аминь как подручник великого князя московского. Иоанн распространил свою власть и на отдаленном северо-востоке, в странах, лежащих по обе стороны Уральских гор: в 1472 г. покорена Пермь; потом московские воеводы совершили несколько удачных походов за Уральские горы, в югорскую землю; русские суда явились на Иртыше и на Оби; дикие вогуличи принуждены были отказаться от нападений на русские области.

10. Войны с Литвою и Ливониею

Но важнее были дела на западе, где московский великий князь впервые после тяжелых времен Витовтовых начинает наступательное движение и высказывает мысль, что все западные русские волости должны принадлежать ему как потомку св. Владимира, а не князьям литовским. Не имея средств вести открытой войны с Москвою, король Казимир в сношениях своих с Новгородом и Ордой обнаруживал явную вражду к Иоанну и этим заставлял последнего принимать свои меры, искать союзников против Литвы: так, отправляя послов своих в Крым, он обыкновенно наказывал им стараться, чтоб Менгли-Гирей не заключал мира с Казимиром. Повод к неприязненным столкновениям между Литвою и Москвою подавали мелкие пограничные князья, большею частью потомки черниговских, из которых одни находились в зависимости от Москвы, другие – от Литвы; продолжая старые родовые уособицы, они беспрестанно ссорились между собою, переходили из литовского подданства в московское; так поступали князья Воротынские, Белевские.

Казимир жаловался, но войны не было до самой смерти его, случившейся в 1492 году; Польша и Литва разделились между его сыновьями: Яну Альбрехту досталась Польша, Александру – Литва. Иоанн немедленно послал воевод своих на Литву, настоял, чтоб и Менгли-Гирей послал туда же своих татар. Литве было трудно отбиваться от Иоанна и от Менгли-Гирея вместе; вельможи ее стали думать о мире с Москвою и, чтобы склонить Иоанна к уступкам, решили предложить ему брачный союз одной из дочерей его с великим князем Александром. Иоанн отвечал, что не хочет слышать о сватовстве до заключения мира, а для этого Литва должна уступить ему все его приобретения, которые увеличивались все более и более, ибо князья не переставали переходить из литовского подданства в московское с своими отчинами и воеводы Иоанновы не переставали забирать города Александровы; наконец литовский князь прислал в Москву великих послов и заключил мир на всей воле Иоанновой; город Вязьма, князья Новосильские, Одоевские, Воротынские и Белевские отошли к Москве с вотчинами; в договорной грамоте московский князь был написан государем всея Руси: Иоанн первый начал употреблять этот титул во внешних сношениях, что очень не нравилось великим князьям литовским и королям польским, имевшим за собою много русских владений.

В 1495 году Александр женился на Елене, дочери Иоанновой, причем дал тестю обещание не принуждать жены к принятию римско-католического исповедания; Иоанн требовал также, чтоб Александр устроил для Елены домовую православную церковь в самом дворце, но Александр не хотел исполнять этого требования, также перестал называть тестя государем всея Руси и не хотел, чтоб при Елене оставались московские бояре. Все это повело к размолвке между тестем и зятем, а возобновившийся переход князей из литовского подданства в московское повел к открытой войне: так, перешел князь Бельский на том основании, что православные терпят в Литве большую нужду от католиков; за Бельским перешли с богатыми волостями князья, до сих пор бывшие заклятыми врагами великого князя московского, а именно князь Василий Иванович, внук Шемяки, и сын приятеля Шемякина, Ивана Андреевича Можайского, князь Семен Иванович; Шемячич поддался с своими волостями – Рыльском и Новгородом Северским, князь Семен поддался с Черниговом, Стародубом, Гомелем, Любечем; поддались и другие князья, менее значительные, – все по причине гонения за веру. Иоанн послал объявить Александру, что принял в службу Можайского с Шемячичем, и в то же время послал складную грамоту, или объявление войны.

Война началась счастливо для Москвы. 14 июля 1500 года московское войско под начальством князя Даниила Щени встретилось у Дорогобужа, на речке Ведроше, с литовским войском, которое было под начальством гетмана князя Константина Острожского; бла-

годаря тайной засаде, решившей дело, московские воеводы одержали решительную победу: гетман князь Острожский и другие литовские воеводы попались в плен; за ведрошскою победою следовала победа под Мстиславлем, где литовцы потеряли также много людей. После этого война продолжалась еще несколько лет; в ней принял участие ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг, который благодаря своей артиллерии разбил псковское и московское войско под Изборском, но потом русские ответили ему сильным поражением под Телмедом; в третьем сражении, на берегах озера Смолина, немцы, несмотря на малочисленность свою сравнительно с русскими, бились отчаянно, устояли на месте, и Плеттенберг со славою отступил к своим границам, но со славою бесполезною, ибо орден не мог бороться с Московским государством даже в союзе с Польшею и Литвою. Александр литовский, сделавшийся по смерти брата, Яна Альбрехта, и королем польским, должен был просить мира у тестя; при посредничестве венгерского посла заключено было перемирие на шесть лет – от 25 марта 1503 до 25 марта 1509 года; Александр уступил тестю земли всех князей, поддавшихся Москве, – стародубского, Шемячича и других. В то же время заключено было перемирие и с Ливонским орденом.

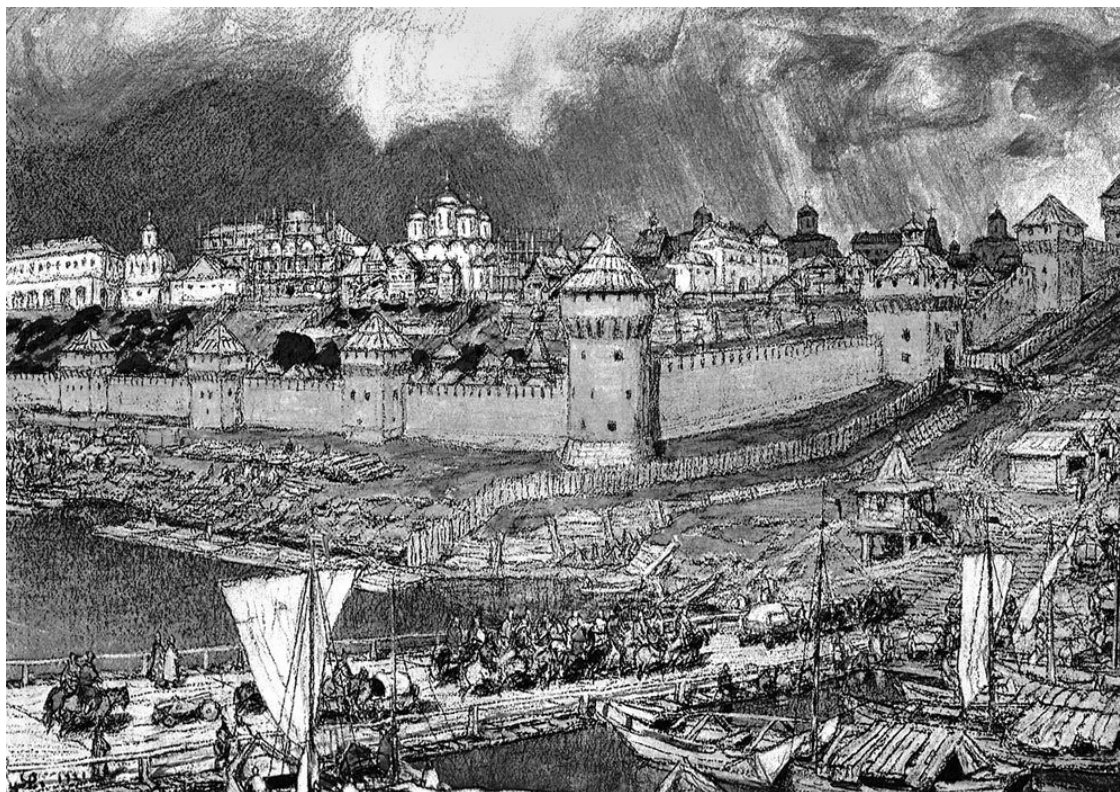
11. Отношения Москвы к другим государствам европейским

Кроме Литвы и Ливонского ордена на западе в Иоанново княжение велась еще война с Швециею в союзе с королем датским в 1496 году; война эта велась с переменным счастьем и кончилась, когда союзник московский, король датский, стал и королем шведским. В угоду тому же союзнику своему, королю датскому, врагу Ганзы, Иоанн велел схватить в Новгороде всех немецких купцов, отнять у них товары, гостиные дворы, божницу; этим был нанесен сильный удар торговле Новгорода и его благосостоянию. Кроме Дании при Иоанне начались сношения с австрийским домом, Венециею и Турциею; сношения с императором Фридрихом и сыном его Максимилианом кончились ничем по недостатку общих интересов; в Венецию Иоанн отправлял послов для вызова нужных ему мастеров; с султанами сносился для того, чтоб доставить русским купцам больше удобств в турецких владениях.

12. Кончина и завещание Иоанна III

Счастливым во все продолжение жизни своей, Иоанн перед смертью был огорчен печальною вестью, что подручник его, хан казанский Магмет-Аминь, свергнул это подруничество; Иоанн не мог наказать изменника: он умер 27 октября 1505 года на 67-м году от рождения, пережив вторую жену свою, знаменитую Софью, двумя годами. В завещании своем Иоанн поделил волости между пятью сыновьями: Василием, Юрием, Димитрием, Симеоном и Андреем, но старшему Василию дал 66 городов, и притом самых значительных, тогда как всем остальным четверым сыновьям вместе дал только 30 городов; право чеканить монету получил только один великий князь. Наконец, Иоанн III в своей духовной окончательно решает вопрос о выморочных уделах. «Если кто-нибудь из сыновей моих, – говорит он, – умрет, не оставив ни сына, ни внука, то удел его весь идет сыну моему Василию, а меньшие братья в этот удел не вступаются». Чтоб утвердить новый порядок престолонаследия, Иоанн при жизни своей заставил сыновей своих Василия и Юрия заключить договор, по которому Юрий обязался в случае смерти Василия не искать великого княжения под сыном его.

13. Внутренняя деятельность Иоанна III: вызов иностранных мастеров

А. М. Васнецов. Московский Кремль при Иване III

Преращение дани, или *выхода*, в Орду, приобретение обширных и богатых земель, внутреннее спокойствие, благоприятствовавшее мирным промыслам и торговле, – все это увеличивало доходы Иоанна не в пример пред его предшественниками, и это увеличение доходов дало ему средства окружить себя царскою пышностью и украсить свою столицу Москву, до тех пор бедный город, наполненный почти исключительно небольшими и неза-тейливыми деревянными избами. Главным украшением города считался соборный храм, но Москва не могла похвастаться и своим Успенским собором, который, будучи построен при Калите, уже так обветшал, что своды тронулись, а потому должно было подпирать здание толстыми деревянными столпами. В 1472 году эту ветхую церковь разрушили, начали строить новую, но когда стали сводить своды, то здание рухнуло. Великий князь послал в Италию искать искусного архитектора, и привезли из Венеции Аристотеля Фиораванти, болонского уроженца, который согласился ехать в Москву за десять рублей в месяц жалованья. В 1475 году начал Аристотель свои работы и в 1479-м кончил построение Успенского собора, и до сих пор существующего. Кроме Успенского собора другими мастерами были построены соборы Архангельский и Благовещенский, каменный дворец великокняжеский, несколько красивых башен; митрополит и богатые люди строили себе также каменные дома, и таким образом Москва, т. е. собственно Кремль, приняла другой вид. Отправляя послов своих к иностранным дворам европейским, Иоанн наказывал им добывать мастеров: рудника, который руду знает золотую и серебряную, да другого мастера, который умеет от земли отделить золото и серебро; добывать также мастера хитрого, который бы умел к городам приступать,

да другого мастера, который бы умел из пушек стрелять, да каменщика, который бы умел палаты ставить, да серебряного мастера, который бы умел большие сосуды делать и кубки, да чеканить бы умел и писать на сосудах; да лекаря доброго, который бы умел лечить внутренние болезни и раны. Судьба иностранных лекарей была незавидна в это время в Москве: одного умертвили за то, что не вылечил сына великокняжеского Иоанна Молодого; другого – за то, что не вылечил одного татарского князька.

14. Издание Судебника

В 1497 г. дьяку Владимиру Гусеву поручено было составить судебный устав, или Судебник. Здесь прежде всего определено, кто и как должен судить. Судья (боярин или сын боярский) не может судить один; при нем должны быть дворский, староста и лучшие люди; судьи, их тиуны и люди не должны брать *посула* (взятки). За двукратное воровство, разбой, душегубство, ябедничество, святотатство, похищение людей, подмет, зажигательство назначена смертная казнь. О наследстве определено так: если человек умрет без духовного завещания и не будет у него сына, то все имение и земля идут дочери, а не будет дочери, то наследует ближайший родственник.

15. Дела церковные

Русская Церковь во время Иоанна III боролась с опасною ересью жидовствующих. Эта ересь, отвергавшая таинство Св. Троицы, божество Иисуса Христа, необходимость воплощения, почитания угодников Божиих, икон, монашества, явилась в Киеве в половине XV века, а может быть, и ранее. Глава или член общества киевских еретиков жид Схария приехал из Киева в Новгород вместе с князем Михаилом Олельковичем и насадил здесь ересь. Первыми учениками Схарии были два священника, Дионисий и Алексей, наружное благочестие которых обратило на них внимание народа и содействовало быстрому распространению ереси; еретики отличались ученостью, имели книги, каких не было у православного духовенства, которое потому сначала и не могло успешно бороться с еретиками. Слава благочестивой жизни и мудрости двоих главных еретиков новгородских – Дионисия и Алексея достигла до того, что обратила на них внимание великого князя, когда он приехал в Новгород в 1480 году, и оба они взяты были в Москву; здесь они скоро распространили свое учение и между людьми знатными; в числе принявших это учение были симоновский архимандрит Зосима, дьяк Федор Курицын, известный своею грамотностью и способностями; наконец, невестка великого князя Елена, мать наследника престола. Когда новгородский архиепископ Геннадий открыл ересь в Новгороде и начал преследовать там еретиков, то они бежали в Москву, где жили без всякого стеснения. Видя такое послабление еретикам в Москве, Геннадий призвал на помощь Иосифа, игумена и основателя Волоколамского монастыря.

Иосиф Санин, сын московского служилого человека, еще до двадцатилетнего возраста успел испытать свои силы в безмолвном иночестве, а потом поступил в монастырь Пафнутия Боровского. Избранный по смерти Пафнутия в игумены Боровского монастыря, Иосиф уже не был доволен его уставом и хотел ввести строжайший; когда братия не согласилась на это, то Иосиф оставил Пафнутиев монастырь и основал собственный в лесах волоколамских с самым строгим общежительным уставом. Такого-то человека, неутомимого в подвигах, строгого к себе и другим, способного неуклонно стремиться к своей цели, несмотря ни на какие препятствия, вызвал Геннадий на борьбу с ересью, которая усиливалась все более и более. В 1489 году был посвящен в митрополиты тайный соумышленник еретиков симоновский архимандрит Зосима; по свидетельству Иосифа Волоцкого, в домах, на дорогах, на рынке все – иноки и миряне – с сомнением рассуждали о вере, основываясь на словах еретиков; Иосиф писал против них обличительные слова, собрание которых известно под именем *Просветителя*, требовал, чтоб архиереи отказались от всякого сообщения с митрополитом Зосимою; последний принужден был отречься от митрополии; но ересь не ослабевала, потому что находила себе подпору в самом дворце, в великой княгине Елене, на стороне которой были самые могущественные вельможи. Действуя против еретиков, следовательно, против Елены, Иосиф, естественно, должен был стать на сторону Софьи и ее сына, торжество которых над Еленою и ее приверженцами необходимо давало торжество православным над еретиками. Иосиф нашел доступ к великому князю и убедил его принять строгие решительные меры против еретиков: в конце 1504 года созван был собор, следствием которого было то, что главные из еретиков были сожжены, другие разосланы в заточение. Впрочем, удар, нанесенный ереси собором 1504 года, хотя был силен, однако не был окончательным, как увидим впоследствии.

Кроме борьбы против ереси жидовствующих Иосиф Волоцкий участвовал еще в решении важного вопроса о том, следует ли монастырям владеть населенными имениями. Вопрос этот становился все важнее и важнее, потому что служилые, или ратные, люди, которых число правительство старалось увеличивать, получали свое содержание от населенных земель, от наследственных (отчин) и жалуемых государем во временное владение (поме-

стей); государю нужно было, чтоб таких земель, которые он мог раздавать в поместья, было как можно больше в его распоряжении; вместе с тем государю нужно было, чтоб служилые люди не уменьшали своих отчин, не уменьшали, таким образом, и средств к существованию и службе, а ратные люди уменьшали их, потому что имели обычай раздавать часть своих земель на помин души по монастырям. Вопрос о том, следует ли монастырям владеть селами, был поднят на соборе знаменитым отшельником Нилом Сорским (так названным по обители его на реке Соре, в 15 верстах от Кириллова Белозерского монастыря). Нил требовал, чтоб монахи жили по пустыням и кормились своими трудами; он смотрел на монастыри как на общества людей, отрекшихся от мира и потому не могущих заниматься ничем мирским. Нила поддерживали пустыnnики белозерские, но Иосиф Волоцкий смотрел на монастырь как на общество, из которого должны выходить правители церковные. «Если у монастырей сел не будет, – говорил Иосиф, – то как честному и благородному человеку постричься? Если не будет честных старцев, то откуда взять архиереев?» Мнение Иосифа Волоцкого превозмогло на соборе, и великий князь оставил дело, но вопрос не затих, как увидим после.

Кроме этих дел русская Церковь занималась при Иоанне III мерами для исправления нравственности духовенства и для просвещения его; новгородский архиепископ Геннадий, узнавши по опыту во время появления ереси жидовствующих, как необходимо просвещение для поддержания православия, поднял вопрос о необходимости училищ для духовенства.

Глава XXVI. Княжение Василия Иоанновича

1. Отношения Василия к боярам и дело о разводе

Мы познакомились с Василием Иоанновичем в то время, когда он вступил в борьбу за престол с племянником своим Димитрием. Мы видели, что во время этой борьбы вельможи стояли на стороне Димитрия, на стороне же Василия и его матери Софьи стояли люди незначительные по происхождению и сану, дети боярские и дьяки; видели также, что на стороне Василия стоял знаменитый противник жидовствующих Иосиф Волоцкий. Василий восторжествовал; противная ему сторона, лишенная вождей своих, Патрикеевых и Ряполовских, не могла по смерти Иоанна III обнаружить никакого движения против Василия в пользу Димитрия, и этот несчастный князь умер в тесном заключении в 1509 году. С торжеством Василия, разумеется, должны были восторжествовать люди, бывшие ему преданными во время жизни отца его; взявши престол с бою против сильных врагов, против вельмож, Василий не мог питать к ним расположения, должен был смотреть на них враждебно, удаляться от них; если вельможи жаловались и на Иоанна III, что он переменил обращение с ними, и приписывали перемену эту внушениям великой княгини Софьи, то еще больше стали жаловаться на сына Софьи: по их отзывам, при Иоанне III было им еще легко, Иоанн III еще советовался с ними и позволял противоречить себе, но Василий не допускал противоречий и решал дела без бояр у себя в комнате, с своими приближенными людьми, которыми были дворецкий Шигона Поджогин да человек пять дьяков, хотя по форме дела были отдаваемы на обсуждение совета из бояр, или, как тогда называли, *думы*. Таким образом, Василий, по словам одного умного и наблюдательного иностранца, Гёрберштейна, кончил то, что начато было отцом его, и властью своею над подданными превосходил всех монархов в целом свете, имел неограниченную власть над жизнью, имуществом людей светских и духовных; из советников его, бояр, никто не смел противоречить или противиться его приказанию. Первое место между боярами занимал сначала князь Василий Холмский, но, как видно, он пошел по следам Патрикеевых, потому что скоро был заключен в тюрьму; боярину Берсеню отрезали язык за то, что он вздумал жаловаться на великого князя и на перемены, произведенные, по его мнению, Софьею; митрополит Варлаам был свергнут.

Великий князь Василий III. Гравюра из «Космографии» А. Теве. 1584 г.

Но был еще жив сын знаменитого отца и сам знаменитый своим высокоумием, на которое жаловался Иоанн III, князь Василий Патрикеев, постриженный при Иоанне III под именем Вассиана, прозвище ему было *Косой*. Великий князь Василий, вероятно считая его безвредным для себя, позволил ему жить в Москве, в Симонове монастыре, и ласкал его как старца умного, начитанного и знатного по своему происхождению. Иночество не укротило Патрикеева, он продолжал ожесточенную борьбу с Иосифом Волоцким, который не переставал утверждать, что против оставшихся еретиков, жидовствующих, должны быть приняты самые строгие меры. Монахи Кириллова и вологодских монастырей и во главе их Вассиан Косой опровергали это мнение Иосифа. Иосиф умер в 1515 году; Вассиан Косой пережил его и продолжал воевать с его мнениями; так, он продолжал утверждать, что монастырям не должно владеть селами, причем нашел себе единомышленника в знаменитом Максиме Греке. Великий князь Василий просил афонские монастыри послать ему ученого монаха,

способного исправить старые переводы церковных книг и сделать новые, и вследствие этой просьбы приехал в Москву Максим, албанский грек, путешествовавший по Европе, учившийся в Париже, Флоренции, Венеции. Максим оказал большие услуги русскому просвещению: переводил, исправлял книги, писал против разных суеверий, против сочинений, которые распространяли в народе разные сказки, наконец, сблизившись с Вассианом Косым, писал о том, что не следует монахам владеть селами. Но Максим и Вассиан не успели дать силы своему мнению, потому что оба подверглись беде по делу о разводе великого князя.

Великий князь Василий был женат на Соломониде из рода Сабуровых и не имел от нее детей. Таким образом, престол должен был достаться после него брату его Юрию Ивановичу. Но Василий жил очень недружно с этим братом и считал его и другого брата, Андрея, неспособными к управлению государством. Кроме того, если люди, которые не любили Василия, радовались, что место его заступит князь не столько строгий, умный и деятельный, то люди, всем обязанные Василию, должны были ждать для себя большой беды в случае беспотомственной смерти великого князя, ибо все преданные ему люди возбудили к себе сильную вражду в людях, недовольных им, а в том числе и вражду братьев великокняжеских. Между самыми преданными Василию людьми находился и митрополит Даниил, взятый на митрополию из игумнов Иосифова Волоцкого монастыря и уже по этому самому неприятный Вассиану Косому и всей его стороне. Даниил разрешил великому князю развестись с Соломонидою и жениться во второй раз на Елене Васильевне, дочери литовского выходца князя Глинского.

Этот поступок Василия, разумеется, возбудил новое сильное негодование в людях, уже и прежде им недовольных; сильно вооружился против развода Вассиан Косой, и Максим Грек его поддерживал. Лишившись благосклонности великого князя вследствие этого сопротивления разводу, Вассиан и Максим были обвинены в церковных преступлениях и оба заточены; Вассиан умер в заточении, Максим пережил и великого князя, и митрополита.

2. Войны с Литвою

Такова была в княжение Василия борьба партий, служившая продолжением борьбы, начатой при отце его. Враги внешние надеялись, что эта борьба будет сильнее, опаснее для Василия, и хотели воспользоваться ею; великий князь литовский Александр и ливонский магистр Плеттенберг ждали с часу на час известий об усобицах в Москве и держали войско наготове. Но они обманулись в своих ожиданиях; в Москве все было тихо. Скоро сам Александр литовский умер (в 1506 году), и Василий московский хотел воспользоваться смертью бездетного зятя для мирного соединения Литвы и западной России с Москвою; он послал сказать сестре своей, королеве Елене, чтоб она уговаривала литовцев признать его, Василия, своим государем. Но Елена отвечала, что королем польским и вместе великим князем литовским уже назначен брат Александров, Сигизмунд Казимирович. Впрочем, эта перемена в Литве не обошлась без сильной смуты и усобиц, которою в свою очередь хотел воспользоваться великий князь московский.

Любимцем покойного короля Александра был князь Михаил Глинский, проводивший долгое время за границею, умевший везде приобрести расположение умом, образованностью, искусством в деле ратном. Сильная привязанность короля Александра к Глинскому, могущество и богатство последнего возбудили зависть и вражду в остальных панах литовских. Новый король Сигизмунд был уже предубежден против князя Михаила и явно склонялся на сторону врагов его. Тогда Глинский удалился от двора в свои имения и завел переписку с великим князем московским, который обещал ему помощь на всех его неприятелей. В 1507 году начались неприятельские действия вступления московских полков в литовскую землю; Глинский волновал Русь и соединился с войсками Васильевыми; Сигизмунд не видел возможности кончить с успехом эту войну и решился прекратить ее важным пожертвованием с своей стороны, именно уступил Василию в вечное владение приобретения Иоанна III. Вечный мир, или *докончание*, как тогда называли, было заключено в сентябре 1508 года, причем Глинским и их приятелям выговорен был свободный выезд из Литвы в Москву.

Понятно, что Михаил Глинский не мог быть доволен этим миром: он потерпел полную неудачу в своих замыслах, принужден был покинуть родную страну, отказаться от богатых владений, за которые великий князь московский не мог вознаградить его ни обширными волостями, ни важным значением при дворе своем. Вот почему даровитый, ловкий и деятельный Глинский употреблял все усилия к возвращению себе прежнего положения, для чего должна была служить новая война Москвы с Литвою. Обстоятельства были благоприятны; Альбрехт, маркграф бранденбургский и вместе магистр Тевтонского ордена, готовился к войне с королем польским; император, другие князья немецкие и ливонские поддерживали Альбрехта. Поводом к войне послужил слух о неприятностях, которым подвергается сестра великого князя Елена в Литве, и старание короля Сигизмунда возбудить крымских татар против Москвы. Война началась в 1512 году; три раза Василий осаждал Смоленск, только в 1514 году 29 июля этот крепкий город принужден был к сдаче. Глинский надеялся, что великий князь отдаст ему Смоленск, но обманулся в своей надежде и, видя, что ему нечего больше ждать от Москвы, завел сношения с королем Сигизмундом, который охотно принимал его опять к себе в службу, но переговоры эти были открыты, Глинский схвачен и в оковах отвезен в Москву. Торжество взятия Смоленска было помрачено сильным поражением, которое потерпели московские войска у Орши 8 сентября 1514 года: здесь князь Константин Острожский, начальствовавший снова полками литовскими, отомстил москвичам за ведрошское поражение. Но король не мог извлечь для себя никакой пользы из оршинской победы, не мог возвратить себе Смоленска, приобретение которого для Василия служило достаточным вознаграждением за все потери. После оршинской битвы война продолжалась

еще семь лет без всякого замечательного успеха с обеих сторон. Наконец в 1522 году заключено было перемирие, причем Смоленск остался за Москвою до заключения вечного мира, но вечного мира между Москвою и Литвою не увидят ни шестнадцатый, ни первая четверть семнадцатого века именно благодаря Смоленску, который обе стороны могли уступить навеки только в самой крайности.

3. Войны с Крымом и Казанью

Во время литовской войны Василий был в союзе с Альбрехтом, курфюрстом бранденбургским и великим магистром Тевтонского ордена, которому помогал деньгами для войны с Польшею; король Сигизмунд с своей стороны не щадил денег, чтоб поднимать на Москву крымских татар. Столько выгодный для Иоанна III союз с Крымом кончился в начале княжения сына его: Менгли-Гирей не боялся более остатков Золотой Орды, не видал беспокойства со стороны Турции, в Москве вместо знаменитого своим могуществом и счастьем Иоанна княжил молодой сын его, окруженный опасностями, не могший еще внушить варварам уважения и страха; притом Менгли-Гирей устарел, ослабел и был окружен толпою хищных сыновей, родственников и князей. Эта хищная толпа с жадностью бросилась на Сигизмундовы подарки, обещая ему за них опустошить московские владения, но крымцам было еще выгоднее брать подарки с обоих государств, Московского и Литовского, обещать свою помощь тому, кто больше даст, обещать помощь, а на самом деле, взяв деньги с обоих, опустошать владения обоих, пользуясь их взаимною враждою. С этих пор сношения обоих государств с крымцами представляют задаривание разбойников, которые не сдерживаются никаким договором, никакими клятвами.

Б. А. Чориков. Великий князь Василий Иванович обновляет союз с Крымом

Великий князь московский пытался было сдержать крымцев другим средством, именно старался заключить союз с султаном турецким, который как верховный повелитель мог запретить крымскому хану вторгаться в Россию, но султан постоянно отклонял предложение союза со стороны государя московского, потому что у России с Турцией не могло быть никаких общих выгод; напротив, уже и в это время обнаруживались причины, которые должны были повести к сильной борьбе между этими государствами, а именно: Московское государство, усилившись, начало наступательное движение на татарские владения, обломки Батыева царства; но султан как глава магометанского мира не мог равнодушно видеть магометанские земли под зависимостью христианского государя, считал своею обязанностью защищать их от Москвы; на предложение тесного союза со стороны Василия султан прямо отвечал требованием, чтоб великий князь не трогал Казани; разумеется, великий князь не мог исполнить этого требования: какая же после того могла быть дружба у султана с государем московским?

Мы видели, что перед самою смертью Иоанна III казанский хан Магмет-Аминь изменил Москве, и потому первым делом Василия было смирить мятежника. Первый поход мос-

ковского войска под Казань был неудачен; но когда в Москве начали готовиться ко второму, Магмет-Аминь прислал просить мира на прежних условиях, получил его и сохранял до самой смерти своей, последовавшей в 1518 году. Магмет-Аминь умер, не оставив детей, и рождался вопрос – кому быть ханом в Казани? Вопрос важный и трудный по отношениям к Крыму, потому что сын и преемник Менгли-Гирея, Магмет-Гирей, сильно хлопотал о том, чтоб все татарские владения находились в руках одного рода Гиреев крымских, чему, разумеется, Москва должна была препятствовать всеми силами. Великий князь Василий отдал Казань родовому неприятелю Гиреев, Шиг-Алею, внуку Ахматову, жившему в России. Но Шиг-Алей возбудил к себе нерасположение в вельможах казанских, которые составили против него заговор, снесли с Крымом, и когда в 1521 году брат Магмет-Гиреев, Саип-Гирей, явился с крымским войском у Казани, то город сдался ему без сопротивления, и Шиг-Алей должен был уехать в Москву. В то же время Магмет-Гирей устремился к берегам Оки, опрокинул московских воевод и достиг до самой Москвы, а с другой стороны новый казанский хан, Саип-Гирей, опустошивши области Нижегородскую и Владимирскую, соединился с братом. Великий князь, застигнутый врасплох, уехал из Москвы на Волок Ламский собирать войско; впрочем, хан, обязанный своим успехом одной нечаянности, не мог долго оставаться под Москвою и удалился к Рязани; не могши взять и этого города, он вышел из русских владений, выведши из них огромное количество пленных. Московский князь не мог отомстить крымскому хану, мог только предпринять меры осторожности против будущих нападений, но мог справиться с ближайшим соседом своим, казанским ханом: Гирей были изгнаны из Казани, и великий князь послал туда ханом Еналея, брата Шиг-Алеева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.